

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2019

№ 16

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель

О.И. Блинова (Томск, Россия) –
зам. председателя

Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь

В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Е.В. Иванцова (Томск, Россия)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)

Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Tatiana A. Demeshkina (Toms,
Russia) – Chairperson

Olga I. Blinova (Toms, Russia) –
Deputy Chairperson

Dmitry A. Katunin (Toms,
Russia) – Executive Editor

Valentina Yu. Apresyan (Moscow,
Russia)

Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Yekaterina V. Ivantsova (Toms,
Russia)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)

Yelena A. Yurina (Toms, Russia)

Irena Janyšková (Brno, Czech
Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Боброва М.В. Лексика тематического поля «Животный мир» в прозвищах коми-пермяков в связи с вопросами создания тематических словарей	6
Бобунова М.А. Диалектное слово в русской писательской лексикографии XXI в.	23
Карпов В.И., Добровольский Д.О., Нуриев В.А. К вопросу о типах информации в двуязычном словаре	38
Тарасова И.А. Художественные концепты в формате поэтического словаря	59

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре	77
Берг Е.Б., Кит М. Поиски решения проблем двуязычной интернет-лексикографии в словарном проекте LexSite	92
Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект	113
Мезит А.Э. Концепция «Словаря специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли»	138
Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. «Школьный словарь крылатых слов русского языка» как объект лексикографического описания	153

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Никитин О.В. Золотое слово режаков. Рецензия на книгу: Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)	164
Сидоренко К.П. Рецензия на книгу: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии	175
Черняк В.Д. Рецензия на книги: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания; Т. 2: Гастрономическая деятельность	181
Сведения об авторах	187

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Bobrova M.V. Lexicon of the Thematic Field “Animal World” in the Nicknames of the Komi-Permyaks in Connection with the Problems of the Creation of Thematic Dictionaries	6
Bobunova M.A. The Dialect Word in the Russian Author’s Lexicography of the 21st Century	23
Karpov V.I., Dobrovol’skij D.O., Nuriev V.A. On Information Types in a Bilingual Dictionary	38
Tarasova I.A. Artistic Concepts in the Format of a Poetic Dictionary	59

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Bankova T.B. On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialectic Linguocultural Dictionary	77
Berg E.B., Kit M. Suggested Solutions for the Bilingual Internet Lexicography Problems in the LexSite Dictionary Project	92
Golev N.D. A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project	113
Mezit A.E. The Concept of the Russian Hydropower Industry Specific Vocabulary Dictionary	138
Mokienko V.M., Zyкова E.I. <i>The School Dictionary of Russian Winged Words</i> as an Object of Lexicographical Description	153

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Nikitin O.V. The Folk Word of Vologda. Book Review: Zorina, L.Yu. (Ed.) (2017) <i>Slovar’ Vologodskogo Rezhskogo Govora (Po Materialam Dialektologicheskikh Ekspeditsiy v Syamzhenskiy Rayon Vologodskoy Oblasti)</i> [Dictionary of the Vologda Rezh Dialect (Based on the Materials of Dialectological Expedition to the Syamzhensky District of Vologda Oblast)]. Vologda: Vologda State University. 604 P.	164
Sidorenko K.P. Book Review: Mokienko, V.M. (Ed.) (2016) <i>Frazeologizmy v Russkoy Poezii XIX–XXI Vv. Slovar’: Opyt Leksikograficheskoy Sistematzatsii Upotrebleniya Frazeologizmov v Russkoy Poezii</i> [Phraseological Units in Russian Poetry of the 19th–21st Centuries. A Dictionary: An Experience of Lexicographical Systematization of Phraseological Units in Russian Poetry]. Kostroma: Kostroma State University. 628 P.	175

Chernyak V.D. Book Reviews: Yurina, E.A. (Ed.) (2015) <i>Slovar' Russkoy Pishchevoy Metaforoy</i> [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. 428 P.; Yurina, E.A. (Ed.) (2017) <i>Slovar' Russkoy Pishchevoy Metaforoy</i> [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. 546 P.	181
Information About the Authors in Russian	187

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'373.231(=511.13)+374.3(511.13)

DOI: 10.17223/22274200/16/1

М.В. Боброва

ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЖИВОТНЫЙ МИР» В ПРОЗВИЩАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ СОЗДАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ¹

Статья посвящена лексике тематического поля «Животный мир», мотивировавшей современные прозвища коми-пермяков – жителей Пермского края. Разработаны принципы включения прозвищ в тематические словари апеллятивов в качестве дополнительных иллюстративных материалов, которые отражают современные процессы в языке, обладают высокой лингвокультурологической маркированностью, позволяют повысить качество лексикографирования, объединить подходы традиционной и современной (антропоориентированной) лексикографии.

Ключевые слова: коми-пермяцкая антропонимия, современные прозвища, лексикография, Пермский край, животный мир.

Введение

Коми-пермяки, которых относят к малым народам России, представляют, тем не менее, одну из крупнейших языковых семей мира. При этом коми-пермяцкий язык изучается с отставанием в сравнении с другими, в том числе родственными финно-угорскими языками. Уже этим определяется актуальность предпринимаемых изысканий в области коми-пермяцкого языка и культуры.

Можно указать несколько центров, отмеченных исследовательским интересом к данному языку: Кудымкар, Сыктывкар, Ижевск, Пермь, Москва. В работах ученых XIX–XXI вв., среди которых О.П. Аксёнова, Р.М. Баталова, Е.В. Ботева, Ф.А. Волегов, Т.Г. Голева,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-012-00750 «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания», 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)».

Е.С. Гуляев, Д.И. Гусев, Р.П. Дмитриева, П.С. Кузнецов, В.И. Лыткин, Ф. Любимов, Г.А. Нечаев, И.И. Майшев, Г.И. Немтинова, А. Попов, Л.Г. Пономарёва, О.А. Рагарина, Л.П. Ратегова, Н.А. Рогов, А.М. Спорова, А.Ф. Теплоухов, З.К. Тудвасева, В.В. Федосеева, Е.Н. Федосеева, Г. Чечулин, Л.Ф. Яркова, в том числе пермские лингвисты А.С. Кривошекова-Гантман, А.С. Лобанова, Л.В. Утева, – велись изыскания в таких направлениях, как описание системно-языковых явлений, лексикографическое описание, решение вопросов коми-пермяцкой диалектологии и (пока фрагментарно) этнолингвистики.

В советское время коми-пермяцкая ономастика изучалась А.С. Кривошековой-Гантман, которая исследовала преимущественно топонимию, а также фамилии и древние личные имена коми-пермяцкого происхождения. В последние годы антропонимия коми-пермяков почти не привлекала внимания лингвистов. Так, относительно прозвищ мы обнаружили лишь отдельные наблюдения над их функционированием в статьях А.С. Лобановой [1], в том числе в соавторстве со студентами [2, 3], Т.Г. Голевой [4], Н.А. Нечаевой [5, 6], в школьных и студенческих научно-исследовательских работах [7–10], интересных, прежде всего, как один из источников антропонимов. Прозвища рассматривались исследователями главным образом в свете этнокультурных процессов в среде коми-пермяков, но также в аспекте вариативности и мотивационных связей онимов.

В настоящей статье продолжено начатое нами изучение современных прозвищ коми-пермяков, проживающих на территории Пермского края [11, 12]. Ранее затрагивались формально-грамматический и мотивационный аспекты, в данном же случае были предприняты изыскания в области лексикографии.

Необходимость таких разработок объясняется тем, что сотрудниками (одним из них является автор публикации) научно-исследовательского Словарного кабинета и лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, с участием носителей коми-пермяцкого языка как родного (директора Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа А.С. Лобановой, студентов) проектируется создание серии тематических словарей коми-пермяцкого языка.

С сожалением приходится констатировать, что коми-пермяцкая апеллятивная лексика (особенно диалектная) изучена недостаточно,

наиболее полным источником сведений остается словарь Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман 1985 года издания. Это крайне затрудняет, а в какой-то степени обесценивает работу, которая ведется пермскими лингвистами в условиях постоянного сокращения количества носителей данного языка, вымывания исконной коми-пермяцкой лексики и распространения коми-пермяцко-русского билингвизма. Назрела потребность в современном, максимально полном двуязычном словаре нарицательных слов, в котором учитывалась бы территория функционирования лексики. С целью оптимизации усилий решено было начать с серии тематических блоков, описывающих лексику растительного и животного мира, одежды и пищи коми-пермяков. В настоящее время проект находится на стадии сбора материалов и разработки принципов их лексикографического описания.

По нашему глубокому убеждению, значительному обогащению словарных данных способствует включение имен собственных в словарь апеллятивов. В связи с этим в данной публикации целью было поставлено обосновать возможности привлечения ономастики в тематических словарях нарицательных слов и разработать принципы лексикографического описания прозвищ в таких словарях.

Материалом для настоящего исследования послужили прозвища (далее также «пр.»), зафиксированные в период с 1997 г. по настоящее время в ходе диалектологических экспедиций (в том числе с участием автора статьи) в различные районы Коми-Пермяцкого округа: Гайнский, Косинский, Кочевский, Кудымкарский, Юрлинский, Юсьвинский, а также непосредственно в процессе сбора данных для проектируемого нами «Словаря современных прозвищ жителей Пермского края» при общении с коми-пермяками и путем извлечения прозвищ из письменных источников. Сведения получены различными методами: опрос, направленная беседа, анкетирование, непосредственное наблюдение, метод сплошной выборки (из печатных и рукописных источников). Привлекались антропонимы всех возрастных групп, в связи с чем материалы отражают антропонимикон, актуальный в последние полвека, но главным образом в последние 20 лет. Носители абсолютного большинства прозвищ – жители сельских населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа, немногочисленны выявленные именованья жителей Кудымкара (столицы округа), а также студентов, чьи прозвища возникли уже в краевом центре – Перми.

Всего к настоящему времени нами зафиксировано более 900 прозвищ коми-пермяков, что составляет около 20% от всего собранного в крае прозвищного материала [13]. Это лексика различного происхождения: а) собственно коми-пермяцкая (ср. *Шардём*), б) заимствованная ранее из русского языка или опосредованная им (ср. *Пушкин* *Ольоксан*, *Щука*, *Студент*), в) собственно русская, не адаптированная коми-пермяцким языком (ср. *Кошка*), г) единичный варваризм из иных языков (*Фокс* из англ. *fox* ‘лиса’).

Для настоящего исследования привлечены прозвища, мотивированные лексикой тематического поля «Животный мир». Специальные изыскания показали, что это едва ли не самая многочисленная группа онимов в нашем архиве: выявлено более 200 (т.е. более 22%) таких антропонимов, мотивированных 125 лексемами указанного поля. В прозвищах отражены наименования организмов подцарств одноклеточных (единичное наименование животного типа инфузорий – пр. *Инфузория-туфелька*) и многоклеточных (остальные номинации) царства «Животные», выделяемых в современной научной биологической таксономии. Представлены типы: кольчатые черви, моллюски, членистоногие, хордовые (классы: рыбы, земноводные, пресмыкающиеся (рептилии), птицы, млекопитающие). Однако наибольшей частотностью отличаются названия млекопитающих, в меньшей степени – названия рыб и птиц. Это преимущественно наименования домашних животных либо животных, которые являются объектом промысла в местных условиях, т.е. лексика, описывающая непосредственное предметное окружение номинаторов, которое связано с их бытовой и хозяйственной деятельностью.

Тематическое поле представлено 15 лексико-семантическими группами («Названия животных и их видов / пород», «Названия частей тела животных», «Названия самцов / самок животных», «Названия детенышей животных» и др.), ср.: *черань* ‘паук’¹ > *Черань* (пр. мужчины, который обладает длинными конечностями и быстро ходит), *вёв пинь* ‘лошадиный зуб’ > *Вёв Пинь* (пр. человека с ровными белыми зубами), *пороз* ‘бык’ > *Пороз Коль* (пр. угрюмого, неразговорчивого, злобного мужчины по имени Николай), *кукань* ‘теленка’ >

¹ Семантика коми-пермяцких слов указывается в соответствии с данными словаря [14]. Семантика мотивирующих русских слов и слов коми-пермяцкого языка, заимствованных из русского без изменений формы и значения, из соображений экономии места не указывается.

Кукань (пр. человека, который любит телят), *кай базар* ‘птичий базар’ > **Кай Базар** (пр. охотника, умеющего подражать голосам разных птиц), *ма* ‘мед’ > *ма сёись* ‘поедающий мед’ > **Ма Сёись** (пр. молодого человека из семьи пасечников; пр. мужчины, часто повторяющего, что ему нравится есть мед; пр. мужчины, который часто хвастается тем, что ворует мед у соседей), *катша поз* ‘сорочье гнездо’ > **Катша Поз** (пр. женщины с очень густыми волосами), *пики-вики* ‘имитация мышиного писка’ > **Пики-вики** (пр. молодого человека, черты лица которого напоминают мышиную мордочку), *чыс-чыс* ‘кис-кис’ > **Чыс-чыс** (пр. молодого человека, которому очень нравятся кошки), *тпру* ‘возглас, которым возница останавливает лошадь’, *ны* ‘возглас, которым возница подгоняет лошадь’ > **Тпру-Ны** (пр. мужчины, который имеет лошадь и в разговоре с людьми часто использует выражение *тпру-ны*), *баля* ‘овечий’ > *баля бёж* ‘овечий хвост’ > **Баля Бёж** (пр. девушки, которая в детском возрасте везде сопровождала старшую сестру), *сюра* ‘рогатый’ > *сюра мёс* ‘рогатая корова’ > **Сюра Мёс** (пр. женщины, которая постоянно со всеми спорит), *ма* ‘медовый’ > *ма зі* букв. ‘медовая оса’, т.е. ‘шмель’ > **Ма Зі** (пр. очень болтливой женщины).

Экспрессивно-оценочная лексика в составе исследованных антропонимов немногочисленна. Чаще оценочность в прозвищах выражена семантически, а не формально.

В качестве слов тематического поля «Животный мир», мотивирующих прозвища, выступают преимущественно имена существительные и прилагательные, в единичных случаях – междометия и звукоподражания. Слова иных лексико-грамматических групп не зафиксированы.

Прозвища обладают высокой лингвокультурологической маркированностью, что необходимо учитывать при современных антропоцентрических подходах в лингвистической науке.

Возможности использования прозвищ при лексикографическом описании тематических групп апеллятивов

С нашей точки зрения, имена собственные отличаются большой информативностью, т.е. способностью не только иллюстрировать уже имеющиеся данные, но и транслировать новые знания. При этом сте-

пень информативности онимов повышается в совокупности с теми сведениями, которые можно почерпнуть из имен нарицательных, мотивирующих собственные номинации. И наоборот, актуальные имена собственные позволяют судить об особенностях функционирования апеллятивов в живой народной речи, прогнозировать пути дальнейшего развития лексики и ее семантики. Как следствие, мы усматриваем значительную перспективность лексикографических работ, в которых описание апеллятивов сопровождается ономастическими данными, способными отразить специфику функционирования в языке той или иной лексемы в настоящее время и становления ее парадигматических и синтагматических связей в ретроспективе и в перспективе.

Образцы таких словарей уже существуют. Это, например, «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой [15], который демонстрирует особую успешность такого рода работ в отношении не отдельных нарицательных слов, а их тематических групп.

В соответствии со спецификой исследуемого материала лексикографом были разработаны принципы подачи в тематическом толковом словаре русской региональной географической терминологии [15. С. 11] топонимов – имен собственных, называющих географические объекты, многие из которых возникли на базе географических терминов – апеллятивов. В качестве основных принципов выделим следующие:

1. Топонимия представлена двумя типами онимов: «Это, во-первых, однословные названия, формально совпадающие с термином: *Булыга* (поселок), *Дуброво* (село), *Брод* (деревня), *Мыза* (хутор), *Выгарки* (выселок), *Палез* (лесоучасток), *Араи* (луг), *Галешник* (поле); во-вторых, двусловные топонимы, в состав которых входит географический термин: *Малое Мочище* (деревня), *Верхние гоны* (поля), *Обуховский пережат* (пережат), *Малый пересланец* (урочище)» [15. С. 11].

2. Указаны как существующие, так и исчезнувшие географические объекты, последние – с обязательной ссылкой на источник.

3. Топонимы, образованные от географических терминов, сопровождаются развернутыми текстами, в которых встречается соответствующий оним, со ссылкой на место записи.

4. Ономастические сведения представлены в особой части словарной статьи, отдельным абзацем, после специального обозначения. Цитаты из живой речи – в пределах этого же абзаца, но за особым знаком, с обязательным указанием места фиксации.

Приведем образец топонимической части словарной статьи (в квадратных скобках восстановлены принятые в словаре сокращения):

«**Ля'ГА**, ж. <...>

♦ Топ[онимы]: бывш[ий] пос[елок] Верх-Ляги (Гайн[ский р-н Коми-Пермяцкого округа]) [СНПУО 5: 54]. • Слеп[ой] ляга – топкое место на левом берегу Истера (с. Архангельское, Юс[ьвинский р-н Коми-Пермяцкого округа]); Гнилые ляги (с. Кишерть)» [15. С. 206].

Использование данных ономастики позволило автору словаря решить ряд задач.

Во-первых, при описании современной нарицательной лексики Е.Н. Поляковой одновременно задан исторический подход, так как известно, что имена собственные образуются на базе слов активного словаря. Более того, по отнесенности топонима к определенному ономастическому разряду можно косвенно судить о степени исторической глубины существования того или иного географического термина. Так, фиксируемые микротопонимы (например, названия индивидуальных охотничьих или непостоянных в своих границах сенокосных угодий) обычно отличаются относительной «молодостью», в то время как гидронимы более стабильны и древни, а возникновение ойконимов даже способно поддаваться более или менее точной датировке на основе памятников письменности.

Во-вторых, фиксации в живой народной речи позволяют судить о специфике функционирования географических терминов, уточнять их языковые (грамматические, акцентологические и другие) характеристики.

В-третьих, топонимы отражают изменения (или, наоборот, стабильность) физико-географических характеристик местности, особенности использования угодий в хозяйственной деятельности человека (например, появление или исчезновение заболоченных участков, специфику применения в той или иной местности подсечно-огневого земледелия и т.п.).

В-четвертых, топонимия задает территориальные (и лингвогеографические) рамки функционирования соответствующего апеллятива – географического термина.

Имеющийся лексикографический опыт подтолкнул нас к мысли о том, что не меньшей значимостью для описания апеллятивной лексики обладают имена собственные и иных разрядов. В частности, не только топонимы, но и исследованные нами прозвища могут быть

привлечены при создании проектируемого тематического словаря лексики тематического поля «Животный мир» коми-пермяцкого языка. Но это требует несколько иных подходов к принципам разработки словарных статей.

Нами предлагаются следующие принципы подачи прозвищ в тематическом словаре нарицательных слов.

1. При отборе прозвищ следует учитывать языковую принадлежность актуализированной в ониме лексики: так, в коми-пермяцко-русском словаре должны быть представлены, в первую очередь, коми-пермяцкие слова. Однако полностью отказываться от имен собственных, производных от русизмов, считаем нецелесообразным, так как необходимо учитывать значительную степень межъязыковой лексической диффузии, характерной для коми-пермяцкой и русской языковых систем на территориях их активного взаимодействия. Полагаем, неадаптированные коми-пермяцким языком номинации целесообразно привлекать в качестве сравнительного материала.

2. Отдельные лексемы коми-пермяцкого языка не всегда обладают формальными лексико-грамматическими показателями, позволяющими определять частеречную отнесенность слов, причем и в контексте, и вне его. Не случайно, что в наиболее авторитетном коми-пермяцко-русском словаре Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман подобные формы не разводятся как омонимичные в разные словарные статьи (*мӧс* ‘корова || коровий’, *ном* ‘комар || комариный’ и т.п.). В связи с этим способ внесения ономастических данных должен будет зависеть от общих принципов, принятых составителями тематического словаря: онимы могут быть представлены общим списком без различения субстантивных и адъективных форм либо в отдельных словарных статьях, в которых различаются омонимичные формы разных частей речи. В нашем представлении, второе предпочтительнее, так как отражает общие тенденции в лексикографической практике.

3. Целесообразно выносить ономастические данные в особый абзац с использованием специального символического обозначения.

4. По возможности прозвища должны сопровождаться цитатами живой народной речи либо выдержками из текстов письменного опроса, в которых эти прозвища употреблены. При использовании письменных цитат целесообразно сохранить авторскую орфографию и пунктуацию, в иллюстрациях из устной живой речи – максимально точно передать фонетические особенности текста.

5. Обязательно сопровождение ономастических данных указанием территории, на которой прозвища были зафиксированы.

6. По возможности прозвище должно сопровождаться толкованием, которое бы отражало мотивированность онима.

7. При необходимости эти данные могут сопровождаться комментариями составителя (например, за двумя знаками «слеш», т.е. //).

8. Для облегчения восприятия следует использовать различные графические средства (символы, полужирный шрифт, курсивное написание).

В итоге соответствующая часть словарной статьи может принять следующий вид (в квадратных скобках восстановим предполагаемые в словаре сокращения, курсивом выделим цитаты из источников прозвищ с сохранением авторских орфографических и пунктуационных особенностей):

«**РУЧ**. Лиса, лисица // лисий. <...>

> Пр[озвища]: **Руч**, **Лисичка** ‘пр[озвище] хитрого мужчины’: *Руч (Лисичка) – хитрый человек* (Мижуево Кочев[ский р-н Коми-Пермяцкого округа]). **Руч Ёльöш** ‘пр. хитрого мужчины по имени Алеша (Алексей)’: *Руч Ёльöш (хитрый мужчина)* (КПО [Коми-Пермяцкий округ]). Ср. также: **Лиса** ‘пр. женщины, внешностью и походкой напоминающей лису’: *Лиса – завуч, кот[орая] держит[ся] и красится как лиса, походка такая же* (КПО). **Рыжöй Лиса**: *Рыжöй Лиса (волосы у женщины рыжие, а сама она очень хитрая)* (КПО). **Фокс** ‘пр. хитрого молодого человека’: *Фокс (хитрый, как лиса)* (КПО). // Из англ. fox ‘лиса’».

«**КÖЧ**. Заяц // заячий. <...>

> Пр[озвища]: **Кöч** ‘пр. девушки с большими глазами’: *Кöч (глаза большие)* (Юксеево Кочев.). **Кöч** ‘пр. девочки с большими ушами’: *Кöч (уши у девочки очень большие)* (КПО). **Кöч Иван** ‘пр. мужчины по имени Иван, с крупными верхними центральными резцами’: *Кöч Иван <заяц Иван> (передние зубы, как у зайца). Кöч Иван <заяц Иван> (передние зубы большие)* (КПО). **Кöч Пель** ‘пр. мальчика с большими ушами’: *Кöч пель <заячье ухо> (уши у мальчика большие и торчат)* (КПО). **Кöч род** ‘пр. представителей рода Заяц – человека по прозвищу Кöч’: *Кэч род – род зайца. Род зайцев до сих пор проживает в п. Жемчужный, д. Мысы (Мысы Гайн[ский р-н Коми-Пермяцкого округа]). Пиньтöм Кöч* ‘пр. мальчика, у которого отсутствуют передние зубы’: *Пиньтöм кöч <беззубый заяц> (у мальчика нет передних зубов)* (КПО). Ср. также: **Зайчика**

‘женское пр., происхождение неясно’: *Зайчика – зайчиха* (Мижуево Кочев.). *Зайчиха* ‘пр. женщины, переехавшей из д. Зайцево’: *Зайчиха – из Зайцева* (Мижуево Кочев.). *Зайка* ‘пр. девочки по фамилии Кочева’: *Фамилия у девочки в школе была Кочева, звали Зайка* (Кудымкар)».

Использование прозвищного материала в тематическом словаре позволит:

1) расширить представления об особенностях функционирования апеллятивной лексики в процессе непосредственной коммуникации коми-пермяков. Ср., например, приведенные выше факты отсутствия корреляции между гендерной принадлежностью номинируемых лиц и лексико-семантическими, а также грамматическими характеристиками слов (*Кошка*, *Мёс* в роли прозвищ молодых людей, *Тушканчик* в роли прозвища девушки), которые позволяют поставить вопрос о функциональности данного явления: оказывается ли это следствием отсутствия категории рода в коми-пермяцком языке или же специфики бытования прозвищ как качественных единиц, которые синтагматически сближаются с оценочными словами (ср. пейоративы типа *шкура*, *шляпа*, *бревно* и т.п.) и которым это свойственно и в русском языке (ср. *Муха*, *Пантера*, *Гусеница* и подобные как мужские прозвища, *Страус*, *Медвежонок*, *Грызун* и подобные как женские прозвища). Иными словами, это вопрос об указанных фактах как явлении грамматическом внутриязыковом, универсальном или же как результате межъязыкового взаимодействия. Итог таких процессов – потенциальное или уже состоявшееся изменение системно-языковых и функционально-прагматических возможностей апеллятивов, что необходимо учитывать при толковании слов;

2) отразить живые языковые процессы (в частности, развитие семантики, лексико-семантические сдвиги, установление новых парадигматических и синтагматических связей и др.). Ср., например: *кōза*, *коза* ‘коза || козий’, *коза баран* ‘козел’ по данным словаря [14. С. 178] и прозвища *Кōза Рая* ‘пр. учительницы, которая своим поведением на уроках напоминает козу’, *Кōза Лид* / *Коза Лид* ‘пр. навязчивой нахальной женщины’, *Коза Маня* ‘пр. жизнерадостной бойкой упрямой женщины’, *Козёл Петь* ‘пр. своенравного недоброжелательного мужчины с неприятным характером’, а также переносное *коза* ‘о резвой, бойкой девочке, девушке’ в русском языке [16. Т. 2. С. 68]. Отсюда потенциальное развитие переносных значений ‘о бойком, подвижном человеке’, ‘о своенравном, упрямом человеке’ в коми-пермяцком языке.

Не менее интересными представляются наблюдения над способами орфографической передачи некоторых прозвищ носителями коми-пермяцкого языка. Так, наименования детенышей животных словарями подаются в виде двусловных словосочетаний, включающих название животного и лексему *пиян* (*пияннэз*) ‘детеныш (детеныши)’. Однако в анкетах встретилось и слитное написание, ср.: *Крыса пиян* – и *Кань-пияннэз, Порсьпиян, Порсьпияннэз* (а также среди мотивированных не анималистической лексикой: *Руд пиян* – и *Васькапиян, Ёсьпиян*). На наш взгляд, это может свидетельствовать о лексических подвижках, а именно о тенденции к лексикализации наименований детенышей в живой коми-пермяцкой речи;

3) проиллюстрировать специфику диалектных различий. Ср., например, варианты *вёв* и *вёл* в прозвищах *Вёв Пинь* и *Вёл Пинь*, характерные для взовых и безвзовых говоров соответственно; литературную лексему *курёг* и северную диалектную лексему *курича* в прозвищах *Кын Курёг* и *Курича, Курича Баб*;

4) отразить специфику взаимодействия коми-пермяцкого и русского языков. Ср., например: в прозвищах зафиксирована лексема *козёл* (*Козёл Петь*), отсутствующая в словарях коми-пермяцкого языка, в которых предлагаются иные номинации: *коза* (*кёза*) *баран* [14. С. 178; 17. С. 263] – буквально ‘козий баран’, *ај* / *ајпöв* / *ајпöл кёза* [17. С. 263] – буквально ‘самец-коза’. Данный и подобные факты, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что в живой речи продолжается активное заимствование русской лексики в коми-пермяцкий язык с последующей возможной утратой слов, исконных по происхождению. И это также нуждается во внимательном отношении лексикографов на протяжении всего процесса подготовки словаря: на этапе сбора материалов, составления тезауруса и описания апеллятивов;

5) отразить лингвокультурные особенности лексики. Ср., например, мотивационные связи между апеллятивами и прозвищами в приведенных выше примерах ономастической части тематического словаря:

а) Руч ‘лиса’. Известно, что в русской языковой картине мира для образа лисы концептуальны прежде всего хитрость и рыжий окрас (см. данные «Русского ассоциативного словаря» [18], а также [19]). Для сравнения: зафиксировано три аналогичных прозвища русских (*Лис, Лисёнок, Лисичка*). Происхождение первого из них неясно. Второе возникло благодаря графическому изображению («аватару») молодого человека, который использовал фотографию лисенка для

привлечения внимания девушек и знакомства с ними в социальных сетях (усматриваем здесь множественную мотивацию – с актуализацией также признака «хитрость номинируемого лица»). Третье прозвище принадлежало девушке, которая отличалась хитростью и носила оранжевый пуховик. В коми-пермяцких прозвищах, помимо этого, манифестированы представления об особенностях строения мордочки животного, его моторики движений;

б) Кӧч 'заяц'. В русской культуре заяц ассоциируется прежде всего с трусостью и быстротой бега, но также значимы особенности внешнего вида: длинные уши, крупные верхние резцы (см. данные [18], а также [20]). Для сравнения: среди русских у 9 из 10 носителей аналогичных прозвищ (*Заяц, Зайка*) данные антропонимы являются отфамильными, в одном случае это именование девочки с крупными длинными верхними резцами. В прозвищах коми-пермяков мотивационные связи шире: актуализированы представления о таких особенностях зайца, как длинные (торчащие) уши, крупные верхние резцы и (то, что не характерно для восприятия данного животного русскими) большие глаза. И в русских, и в коми-пермяцких прозвищах отсутствуют примеры мотивации по признаку «трусость», «быстрота (движений)».

Мы считаем, что все указанные факторы значимы в работе лексикографов, так как способствуют повышению ее качества, позволяют уточнять принципы подачи и описания словарного материала, отражать реальное (актуальное) состояние лексикона описываемого языка.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что привлечение ономастики, прежде всего прозвищ, при лексикографическом описании тематических групп нарицательной лексики крайне перспективно. Во-первых, прозвища отражают актуальные процессы в языке (в настоящем случае – в языке коми-пермяцком), и, во-вторых, с учетом ономастических данных повышается качество работы лексикографов, точность и верифицируемость данных, обеспечивается многогранность сведений в лексикографическом продукте (словаре). В-третьих, это расширяет возможности традиционной лексикографии и позволяет найти пути ее развития в соответствии с современными тенденциями в лингвистике, которую характеризует антропоцентрическая парадигма мышления. Эти выводы ярко

демонстрируются современными прозвищами коми-пермяков, мотивированными лексикой тематического поля «Животный мир» и обладающими значительной лингвистической информативностью.

Литература

1. Лобанова А.С. Этническая культура и язык коми-пермяков. URL: <http://uralistica.com/group/komipermians/forum/topics/2161342:Topic:191047> (дата обращения: 12.05.2018).
2. Лобанова А.С., Нечаева Н.А. Собственные имена коми-пермяков: этнолингвистический аспект // Актуальные проблемы диалектологии языков и народов России : материалы XIV Всерос. науч. конф. (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа, 2014. С. 164–166.
3. Лобанова А.С., Никонова М.Н. О вариантах функционирования личных имен в коми-пермяцком языке // Этническая культура и современная школа : материалы областной науч.-практ. конф. (22–23 апреля 2003 г., Кудымкар). Пермь, 2004. Вып. 1. С. 195–199.
4. Голева Т.Г. Этнотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2013. Т. 2. С. 44–48.
5. Нечаева Н.А. Об оценочно-экспрессивном содержании в собственных именах коми-пермяков // Богатство финно-угорских народов : материалы II Международ. финно-угорского студ. форума (г. Йошкар-Ола, 14–16 мая 2015 г.). Йошкар-Ола, 2015. С. 27–29. URL: https://marsu.ru/events/fino_ygr_forum/files/sbornik2.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
6. Нечаева Н.А. Собственные имена коми-пермяков в современных условиях. Вариативный и семантический аспект // Филология в зоне актуальности: вызовы времени : сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых; г. Пермь, 1–2 апреля 2014 г. / ред. кол.: М.П. Абашева и др. ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2014. С. 156–159. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22606598_67462289.pdf (дата обращения: 21.07.2018).
7. Еришова В.А. Аспекты изучения современных коми-пермяцких прозвищ: выпускная квалификационная работа // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи» (28–29 ноября 2007г., г. Кудымкар) / Дирекция программы «Кудымкар – центр культуры Перм. края 2007», Администрация муниципального образования «Городской округ – г. Кудымкар», Удмурт. гос. ун-т, филиал в г. Кудымкар, Коми-Пермяцкий отдел обществ. наук Ин-та языка, лит. и истории Коми науч. центра Уральского отд. Рос. акад. наук ; сост.: А.Е. Коньшин, А.С. Савельев ; ред. В.А. Беляков [и др.]. Кудымкар, 2007. С. 46–51.
8. Златин А.А. Следы тотемизма в родовых названиях жителей коми-пермяцкой деревни Мысы: реферат / рук. К.В. Златина ; МБОУ «Мысовская ООШ» Гайнского района Коми-Пермяцкого округа. Жемчужный, 2012. 14 с.

URL: <http://nsportal.ru/shkola/kraevedenie/library/2014/10/08/issledovatelskaya-rabota-sledy-totemizma-v-rodovyykh> (дата обращения: 08.08.2015).

9. *Зотева Я.* Образование прозвищ и их влияние на жизнь человека: реферат / рук. Ю.В. Зотева; МОУ «Хазовская ООШ» Кочевского района Коми-Пермяцкого округа. Кочевье, 2010. 16 с. URL: <https://educontest.net/component/content/article/72617> (дата обращения: 08.08.2015).

10. *Нечаева Л.Н.* Прозвища коми-пермяков, функционирующие на территории д. Мижуево Кудымкарского района (лексико-семантический аспект) / науч. рук. А.С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2012. URL: <https://studfiles.net/preview/382330/> (дата обращения: 24.08.2013).

11. *Боброва М.В.* Лексика тематического поля «Растительный мир» в современных прозвищах коми-пермяков // Филология в XXI в. 2018. № 1 (1). С. 135–141.

12. *Боброва М.В.* Современные прозвища коми-пермяков – жителей Пермского края // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (26–27 ноября 2015 г., г. Пермь). Сер. «Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа» / отв. ред. Е.М. Гордеева. Пермь, 2015. Вып. XII. С. 31–37. URL: <http://lingvofolkperm.ru/wp-content/uploads/2017/02/%D0%BA%D0%BF%D0%BF%D1%8015.pdf> (дата обращения: 08.08.2016).

13. *Картотека* словаря современных прозвищ жителей Пермского края. Место хранения: лаборатория региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ. Объем: ок. 5 000 единиц. Хронологический охват: 1990–2018 гг. Сост.: М.В. Боброва.

14. *Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

15. *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 420 с.

16. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.

17. *Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. 415 с.

18. *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю.Н. Караулова; ИРЯ РАН. М.: АСТ-Астрель, 2002.

19. *Барчот Б.* Концепт «ЛИСА» в языковой картине мира хорватов, русских и немцев. URL: https://www.academia.edu/6564151/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82_%D0%9B%D0%98%D0%A1%D0%90_%D0%B2_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0_%D1%85%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B8_%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%86%D0%B5%D0%B2 (дата обращения: 12.08.2018).

20. *Эйсмонт П.М.* Об образе зайца в языковой картине мира // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2016. Вып. 3 (35). С. 41–51.

Lexicon of the Thematic Field “Animal World” in the Nicknames of the Komi-Permyaks in Connection with the Problems of the Creation of Thematic Dictionaries

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 6–22.

DOI: 10.17223/22274200/16/1

Maria V. Bobrova, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: bomari-pgu@yandex.ru

Keywords: Komi-Permyak anthroponymy, modern nicknames, lexicography, Perm Krai, animal world.

The article considers the lexicon of the thematic field “Animal World”, which motivated the modern nicknames of the Komi-Permyaks – residents of Perm Krai. It is revealed that this group of words is distinguished by a large number of appellatives; the latter were analysed. In total, about 900 nicknames of the Komi-Permyaks are recorded, of which about 200 nicknames are formed on the basis of 125 lexemes of the thematic field “Animal World”. The thematic field is represented by 15 lexical-semantic groups. The nicknames reflect names of unicellular and multicellular organisms of the kingdom “Animal” satisfying the modern scientific biological taxonomy. The types are included: Ringworms, Mollusca, Arthropods, Chordates (classes: Fishes, Amphibians, Reptiles, Birds, Mammals). However, the names of mammals, fishes and birds are the most frequent. These are mainly names of domestic animals or animals that are subject to fishing or hunting in local conditions. In other words, it is the lexicon describing the immediate environment of nominators determined by their household and economic activities. On the basis of the studied vocabulary of the thematic field “Animal World”, the principles of inclusion of the nicknames in thematic dictionaries of appellatives as additional illustrative materials are developed (in this case it is the Komi-Permyak-Russian thematic dictionary “Animal World”, a project of the scholars of Perm State University). The nicknames reflect the current processes in the Komi-Permyak language, and their use will allow: (1) to expand the knowledge of the features of the functioning of the appellative vocabulary in direct communication of the Komi-Permyaks; (2) to reflect the living linguistic processes (in particular, the development of semantics, lexical and semantic shifts, the establishment of new paradigmatic and syntagmatic relations, etc.); (3) to illustrate the specifics of dialect differences; (4) to reflect the specifics of the interaction of the Komi-Permyak and Russian languages; (5) to reflect the linguistic and cultural features of the lexicon. Thus, the use of onomastic data in the lexicographic description of common words is promising. The quality of lexicographers’ work is improving. It expands the possibilities of traditional lexicography and allows finding ways to develop it in accordance with modern trends in linguistics, characterized by the anthropocentric paradigm of thinking. These conclusions are vividly demonstrated by the modern nicknames of the Komi-Permyaks, which are motivated by the lexicon of the thematic field “Animal World” and possess considerable linguistic informativity.

References

1. Lobanova, A.S. (2013) Etnicheskaya kul'tura i yazyk komi-permyakov [Ethnic culture and the language of the Komi-Permyaks]. *Uralistica*. [Online]. Available from:

<http://uralistica.com/group/komipermians/forum/topics/2161342:Topic:191047>.
(Accessed: 12.05.2018).

2. Lobanova, A.S. & Nechayeva, N.A. (2014) [The proper names of the Komi-Permyaks: ethnolinguistic aspect]. *Aktual'nyye problemy dialektologii yazykov i narodov Rossii* [Actual problems of the dialectology of languages and peoples of Russia]. Proceedings of the XIV All-Russian Conference. Ufa. 20–22 November 2014. Ufa: [s.n.]. pp. 164–166. (In Russian).

3. Lobanova, A.S. & Nikonova, M.N. (2004) [On the variants of the personal names functioning in the Komi-Permian language]. *Etnicheskaya kul'tura i sovremennaya shkola* [Ethnic culture and modern school]. Proceedings of the Oblast Conference. Kudymkar. 22–23 April 2003. Perm. 1. pp. 195–199. (In Russian).

4. Goleva, T.G. (2013) [Ethno-territorial and ethnocultural identity of the Komi-Permyaks in the nicknames of groups]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskiye chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th – 21st Centuries]. Proceedings of the XII All-Russian Conference. Yekaterinburg. 4–5 December 2013. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UMTS UPI. Vol 2. pp. 44–48. (In Russian).

5. Nechayeva, N.A. (2015) [On the evaluative and expressive content in the proper names of Permian Komi]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov* [The Richness of Finno-Ugric Peoples]. Proceedings of the II International Students Forum. Yoshkar-Ola. 14–16 May 2015. Yoshkar-Ola: Mari State University. pp. 27–29. [Online]. Available from: https://marsu.ru/events/finno_ygr_forum/files/sbornik2.pdf. (Accessed: 12.05.2018).

6. Nechayeva, N.A. (2014) [The proper names of Komi-Permyaks in modern conditions. The variative and semantic aspect]. *Filologiya v zone aktual'nosti: vyzov y vremeni* [Philology in the zone of relevance: challenges of the time]. Proceedings of the All-Russian Conference. Perm. 1–2 April 2014. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. pp. 156–159. [Online]. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_22606598_67462289.pdf. (Accessed: 21.07.2018). (In Russian).

7. Yershova, V.A. (2007) [Aspects of the study of modern Komi-Perm nicknames: graduate qualification work]. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir* [Komi-Permyaks and the Finno-Ugric world]. Proceedings of the III International Conference. Kudymkar. 28–29 November 2007. Kudymkar: Aleks-Print. pp. 46–51. (In Russian).

8. Zlatin, A.A. (2012) *Sledy totemizma v rodovykh nazvaniyakh zhiteley komi-permyatskoy derevni Mysy* [Traces of totemism in the generic names of the inhabitants of the Komi-Permyak village Mysy]. Zhemchuzhnyy: [s.n.]. [Online]. Available from: <http://nsportal.ru/shkola/kraevedenie/library/2014/10/08/issledovatel'skaya-rabota-sledy-totemizma-v-rodovykh>. (Accessed: 08.08.2015).

9. Zoteva, Ya. (2010) *Obrazovaniye prozvishch i ikh vliyaniye na zhizn' cheloveka* [The formation of nicknames and their impact on human life]. Kochevo: [s.n.]. [Online]. Available from: <https://educontest.net/component/content/article/72617>. (Accessed: 08.08.2015).

10. Nechayeva, L.N. (2012) *Prozvishcha komi-permyakov, funktsioniruyushchiye na territorii d. Mizhuyevo Kudymkarskogo rayona (leksiko-semanticheskiy aspekt)* [Nicknames of the Komi-Permyak people functioning on the territory of the village of Mizhuyevo of the Kudymkar district (lexical-semantic aspect)]. Perm: Perm State

Pedagogical University. [Online]. Available from: <https://studfiles.net/preview/382330/>. (Accessed: 24.08.2013).

11. Bobrova, M.V. (2018) Lexicon of the thematic fields “plant world” in the modern nicknames of the Komi-Permyaks. *Filologiya v XXI v.* 1 (1). pp. 135–141. (In Russian).

12. Bobrova, M.V. (2015) [Modern nicknames of the Komi-Permyak residents of the Perm Territory]. *Komi-permyatskiy yazyk i kul'tura: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Komi-Permyak language and culture: the past, the present, the future]. Proceedings of the All-Russian Conference with international participation. Perm. 26–27 November 2015. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. XII. pp. 31–37. [Online]. Available from: <http://lingvofolkperm.ru/wp-content/uploads/2017/02/%D0%BA%D0%BF%D0%BF%D1%8015.pdf>. (Accessed: 08.08.2016).

13. Bobrova, M.V. (ed.) (n.d.) *Kartoteka slovarya sovremennykh prozvizhch zhitel'ey Permskogo kraya* [A card-catalogue of the dictionary of modern nicknames for the inhabitants of the Perm Territory]. Perm: Perm State University.

14. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

15. Polyakova, Ye.N. (2007) *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoy rechi Permskogo kraya* [Dictionary of geographical terms in Russian speech of the Perm region]. Perm: Perm State University.

16. Yevgen'yeva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

17. Rogov, N. (1869) *Permyatsko-russkiy i russko-permyatskiy slovar'* [Permyak-Russian and Russian-Permyak Dictionary]. Saint Petersburg: [s.n.].

18. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow: AST-Astel'.

19. Barchot, B. (n.d.) *Kontsept “LISA” v yazykovoy kartine mira khorvatov, russkikh i nemtsev* [The “FOX” concept in the linguistic picture of the world of Croats, Russians and Germans]. [Online]. Available from: https://www.academia.edu/6564151/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82_%D0%9B%D0%98%D0%A1%D0%90_%D0%B2_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0_%D1%85%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B8_%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%86%D0%B5%D0%B2. (Accessed: 12.08.2018).

20. Eysmont, P.M. (2016) The mental image of “rabbit” in the naïve linguistic world view. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. “Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya”* – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 3 (35). pp. 41–51. (In Russian).

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/16/2

М.А. Бобунова

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XXI в.

В статье говорится о месте диалектной лексики в авторских словарях XXI в. Особое внимание уделяется дифференциальным справочникам, предметом описания которых становится нелитературная лексика. Проводится сопоставительный анализ макро- и микроструктуры словарей на материале творчества И.С. Тургенева, А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, В.П. Астафьева, В.И. Белова, В.Г. Распутина. Выявляются общие и специфические для каждого справочника лексикографические подходы.

Ключевые слова: диалектная лексика, лексикография, словарь языка писателя, полный словарь, дифференциальный словарь.

Русская писательская лексикография, активно развивающаяся на рубеже XX–XXI столетий, в последнее время характеризуется целым рядом черт: от расширения состава авторов, чье творчество подвергается словарному описанию, и создания серий одноаспектных и многоаспектных словарей до апробации экспериментальных лексикографических форм с применением новых информационных технологий.

С каждым годом растет убежденность в научной ценности авторского словаря, поскольку «исследователь видит в нем надежный инструмент анализа, способ объективного изучения художественного мира автора, его идиостиля» [1. С. 210]. Хотя среди ученых превагирует точка зрения о большей значимости полного словаря, который включает все лексические единицы, встретившиеся в художественном тексте, и дает адекватное представление о своеобразии языковой картины мира того или иного писателя, мысль о дифференциальном справочнике все чаще и чаще находит воплощение в новых авторских словарях и проектах. Лексикографы уже доказали, что дифференциальный словарь имеет право на существование, так как пристальное внимание к отдельным слоям лексики заставляет и составителей, и впоследствии пользователей словаря сконцентрироваться на значимых (часто показательных для писателя) языковых единицах. Заметим, что описание конкретной лексической группы часто сопровождается поиском специальных подходов к структуре словарной статьи,

которая «высвечивает» те или иные особенности именно данного класса слов.

Особый интерес вызывает лексикографическое описание диалектной лексики, нередко использующейся в художественной речи отечественных поэтов и писателей. Являясь неотъемлемой частью национального языка, территориально ограниченные наименования необходимы художникам слова не только в качестве бытоописательного, но и изобразительно-выразительного средства и даже текстообразующего элемента.

В авторских словарях XX в. диалектные лексемы в большинстве случаев становились частью общего словника, хотя были примеры и дифференциальных справочников, объектом лексикографирования которых становилась народно-разговорная лексика, как, например, в словаре Ф.А. Маркановой, где описаны диалектные, просторечные и разговорные слова и фразеологизмы, встретившиеся в художественных произведениях И.С. Тургенева [2].

В современной авторской лексикографии указанные подходы к включению диалектных лексем в состав словаря сохраняются. Областное слово, наряду с другими литературными и нелитературными наименованиями, может войти в словник полного словаря. Образцом подобного справочника выступает сводный «Словарь языка русской поэзии XX века», который охватывает всю лексику, встретившуюся в произведениях десяти поэтов (И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева) [3]. Для обозначения диалектных слов используется традиционная лексикографическая помета *обл.* (областное).

В указанном словаре, представленном в форме конкорданса, зона значения является факультативной, но при характеристике диалектных единиц, как правило, отсутствующих в общедоступных словарях, часто дается краткое толкование, способствующее адекватному восприятию того или иного слова. Например, *куделить* [*обл.*; теребить, трепать], *лазуиновый* [*обл.*; добрый, располагающий к себе], *лещуга* [*обл.*; осока], *лиховой* [*обл.*; удалой, бойкий], *мухортый* [*обл.*; слабый, хилый] и др. [3. Т. 4. С. 53, 100, 198, 225, 682].

Безусловно, этот словарь содержит много полезной информации о диалектизмах: и об их качественном составе в поэзии начала XX столетия, и о семантической структуре подобных слов, и об их частереч-

ной принадлежности, и об идиолектной составляющей. В частности, беглый обзор одного из томов сводного словаря показал, что чаще других к диалектным наименованиям обращается С. Есенин (*кукан, куколья, кулижка, кумашица, купырь, кыкать, лихоманный, ливисто* и др.), хотя подобные слова встречаются и в стихотворениях других авторов: *крутель, кукарачь, куksить, кумоворот* – Хлебников; *кузня, курень, люлька* – Цветаева, *крыжак, мга* – Пастернак, *куплиться, латушка* – Анненский [3. Т. 4].

КУКОЛЬНЯ [обл.; сорная трава] Топчут лапти по полю кукольни, Где-то ржанье и храп табуна, И зовет их с большой колокольни Гулкий звон, словно зык чугуна. *Ес914(I,136)*; И мы идем, топча межой кукольни. Я улыбаюсь пашням и лесам, А дед с тоской глядит на колокольню. *Ес924(II,159)* [3. Т. 4. С. 58].

КРУТЕЛЬ [обл.; утес, обрыв; возм., здесь – водоворот] Море бешеное взы-ы! Море, море, но-но-но! Эти пади, эти кручи И зеленая к.. *Хл920-21(129)* [3. Т. 4. С. 14].

ЛЮЛЬКАТЬ [обл.; укачивать ребенка, напевая колыбельную песенку; см. *тж* ЛЮЛЮКАТЬ] – Брат у меня помер. – Бедная! Бедная! Серая ты верба! – Люлькают, пестуют. *Цв922(III,291)* [3. Т. 4. С. 345].

В ряде случаев описываемая лексема сопровождается не только территориальной пометой, но и стилистической или хронологической: *могутный* [обл. и нар.-поэт.; крепкий, могучий] [3. Т. 4. С. 514], *лихость* [устар. и обл.; зло, беда, несчастье] [3. Т. 4. С. 226] и др.

В полных монографических авторских словарях диалектные лексемы тоже описываются наряду с другими языковыми единицами, при этом структура словарной статьи областного наименования отличается лишь наличием соответствующей пометы. Например, в «Словаре языка и рифм поэзии Н. Рубцова» [4] у существительных *волок, горница, заволока, колодина, мосток, погулянка* и др., кроме толкования, иллюстративного материала с обязательной паспортизацией и функционально-стилистических характеристик, в словарной статье дается указание на частотность вокабулы, приводится перечень всех грамматических форм, в которых использовано конкретное слово и есть зона сочетаемости заголовочной единицы с другими словами поэтического текста.

ВОЛОК (5). *Обл. Гужевой путь от селения к селению через дремучий лес.* Едва он сани к Вологде По волоку волок (316). Я долго ехал волоком (316). Ед.И.: волок (316); Д.: волоку (363, 316); Т.: волоком (316); П.: на волоке (316). Тот волок; волок полог [4. С. 47].

ЗАВОЛОКА (1). *Обл. То, что закрывает, застилает собой.* И вдруг заржал он молодо --- Когда увидел Вологду Сквозь заволоку мглы. (316). Ед.В.: заволоку (316). Заволока мглы [4. С. 102].

ПОГУЛЯНКА (1). *Обл. Гулянка.* Не вернемся – я и ты – С этой погулянки! (176). Ед.Р.: погулянки (176). Эта погулянка [4. С. 226].

Безусловно, полный словарь, включающий все без ограничения наименования, отражает органическую связь разных пластов лексики в ткани художественного произведения и не разрывает единое пространство авторского текста. При необходимости исследователь, опираясь на специальные пометы, может самостоятельно выявить областные слова и определить их место в идиолекте писателя. Кроме того, полные словари впоследствии могут стать превосходной базой для создания словарей диалектизмов, как это произошло при составлении дифференциальных справочников «Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен», «Словарь новых слов» и «Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века» на материале сводного словаря языка русской поэзии.

Осознавая значимость полных словарей, которые «отвечают любым запросам, любому способу использования, удовлетворяют любые нужды исследовательского и справочного порядка» [5. С. 4], мы, тем не менее, считаем, что авторский дифференциальный словарь диалектной лексики оказывается не только возможным, но и полезным для пользователей лексикографическим «продуктом», особенно если язык писателя отличается значительным своеобразием в этом направлении. Это подтверждают появившиеся в XXI столетии новые словари, предметом описания которых становится нелитературная лексика.

Сделаем обзор нескольких дифференциальных справочников, включающих областные наименования. Лексикографы называют два принципиальных вопроса, решение которых во многом определяет ценность составляемого словаря: 1) что помещать в словарь и 2) как описывать то, что включается в него.

Первая проблема оказывается довольно сложной, поскольку диалектные наименования не всегда легко отграничить от просторечных,

которые тоже находятся за пределами литературного языка. Это подтверждают и специальные научные исследования, и материалы толковых словарей, отражающих непоследовательность в определении статуса того или иного слова. Ср.:

СМОРОДА. *Прост.* То же, что смородина [6. Т. 4. С. 157].

СМОРОДА. *Обл.* То же, что смородина [7. Т. 13. С. 1412].

СМУРЫЙ. 4. *Разг.* Хмурый, мрачный, печальный [6. Т. 4. С. 159].

СМУРЫЙ. 4. *Обл.* Печальный, грустный [7. Т. 13. С. 1432].

Зыбкость границ между разными слоями лексики проявляется и в одновременном использовании нескольких помет, например:

ГОДОВИК. *Прост. и обл.* Годовалое животное [6. Т. 1. С. 324].

ТЯТЯ. *Прост. и обл.* Отец [6. Т. 4. С. 441].

СМУТЬ. *Устар. и обл.* Беспокойство, волнение, тревога [7. Т. 13. С. 1435].

СНЕЖУРА и СНЕЖУРА. *Обл. и спец.* Кашеобразная масса, образующаяся при выпадении снега на поверхность охлажденной воды [6. Т. 4. С. 164].

БАЯТЬ. *Прост. устар. и обл.* Говорить [6. Т. 1. С. 66].

Это, безусловно, не могло не сказаться на макроструктуре анализируемых дифференциальных словарей, словники которых не ограничиваются исключительно диалектной лексикой. Так, в «Словаре народного языка произведений И.А. Бунина» предметом описания стали диалектные и просторечные единицы разных типов. Кроме того, в словник были включены «малоупотребительные общерусские слова (устаревшие и специальные), характеризующие быт русской деревни рубежа XIX–XX вв.» [8. С. 7]. Подобная картина наблюдается и в других справочниках. Например, в корпус словаря «500 забытых и редких слов из “Записок охотника” И.С. Тургенева», наряду с диалектной лексикой, вошли историзмы и архаизмы, просторечные слова, специальные наименования (охотничьи, церковные и др.). Как утверждают составители, «отобранный для лексикографирования материал представляет собой агнонимы – слова, которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю» [9. С. 8].

Отметим, что данный подход к отбору лексики отражается в названиях словарей: «Диалектно-просторечный словарь языка Евге-

ния Замятина» [10]; «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» [8]; «Народное слово в произведениях В.И. Белова» [11]; «Словарь внелитературной лексики в “Царь-рыбе” В.П. Астафьева» [12]; «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» [13] и др.

Обратимся к микроструктуре анализируемых словарей, словарные статьи которых включают как обязательные, так и факультативные элементы. Общей для всех словарей, описывающих диалектную лексику, является зона толкования. Составители стремятся определить значение (значения) слова с опорой на контекст, при этом они не только используют данные лексикографических источников, комментариев к художественным текстам, пояснений писателя и др., но и оставляют за собой право на собственное толкование. Таким образом, словари подобного типа по способу описания лексики являются толковыми или толково-переводными.

Обязательной зоной анализируемых справочников является зона иллюстраций, куда помещаются текстовые примеры с принятой в словаре паспортизацией. Составители ограничиваются минимальным, но репрезентативным контекстом, позволяющим уточнить значение конкретной лексемы и выявить ее синтагматические связи. В зависимости от объема материала описания в словаре могут быть представлены все иллюстрации (обычно в том случае, если словарь создан на базе одного произведения или небольшого цикла произведений) или осуществляется выборочный подход. Безусловно, полнота иллюстративного материала позволяет читателю самостоятельно определить частотность того или иного слова и его форм. Кроме того, «полный набор иллюстраций открывает широкие возможности для исследования сочетаемости слова, особенностей введения его в ткань произведения» [9. С. 11].

Словарная статья, как правило, начинается с зоны представления, однако авторы словарей предлагают разные подходы к ее оформлению. В одних справочниках заголовочная единица снабжается ударением [9, 10], в других – нет [11]. И это не случайно, так как, по мнению Л.Н. Падериной и Л.Г. Самотик, отсутствие акцентологических помет «соответствует письменному характеру анализируемого материала» [12. С. 5].

В ряде случаев в зоне представления, наряду с заголовочным словом, приводятся фонетические и орфографические варианты, как,

например, в словаре «Народное слово в произведениях А. Эртеля»: АГРОМАДНЫЙ и ОГРОМАДНЫЙ, ВАЛЁК и ВЯЛЁК, ДОПРЕЖЬ (ДОПРЕЖ) [14]. В «Словаре внелитературной лексики в “Царь-рыбе” В.П. Астафьева», кроме фонетических и грамматических вариантов, также указываются все используемые в тексте словоформы.

ВЗМЫКИВАТЬ. *Взмыкивая* [12. С. 63].

ЗИМОВЬЕ. *Зимовье, зимовья, зимовью, в зимовье* [12. С. 157].

ЗИМОГОРИТЬ. *Зимогорила, зимогорило* [12. С. 158].

КАКОЙ. *Кака, каку, како, каки* (какая, какую, какое, какие) [12. С. 179].

Включение в словник разных пластов лексики требует определенных помет (стилистических, грамматических, хронологических и др.), набор которых объясняется в предисловиях к словарям. Как оказалось, в авторских словарях дифференциального типа помета может предшествовать дефиниции, как в нормативных словарях литературного языка, может следовать за нею, если дается указание на вид диалектизма (фонетический, лексический, семантический и др.), а может помещаться в конце словарной статьи, если приводятся ссылки на разные лексикографические источники. Ср.:

КАЗЮЛЯ, -и, ж. *Обл.* Гадюка (БАС: 5: 1123) [9. С. 78].

ВРАЗНОХЛЫСТ, *нареч. Диал. Ирон.* О неуклюжих, неровных постройках из прутьев и из стволов деревьев [13. С. 156].

ВОДЯНКА. *Водянки.* Растение. Диал., семантич. [12. С. 68].

ЗАЗИМОК, мка, м. Первый мороз, заморозки. *Встали на заре, раным-рано. Мох – седой: издалека уже дохнула неумолимая осень, первый зазимок.* Север.

Даль – б.п.; ТСУ – обл.; БАС – обл.; МАС – прост.; СРНГ – красная, орл. [10. С. 73].

Обратим внимание на специфические черты микроструктуры авторских словарей, включающих областную лексику. Так, в словаре Л.Н. Падериной и Л.Г. Самотик иллюстративные примеры сопровождаются указанием персонажа, которому принадлежит данное высказывание. Например, лексический диалектизм *гимзить* ‘кишеть’ дважды употребляет в своей речи Дамка, герой новеллы «Летит черное перо» [12. С. 86], фонетический диалектизм *промыслять* ‘промыш-

лать, охотиться’ – Аким в рассказе «Сон о белых горах» [12. С. 394], словообразовательный диалектизм *сничтожить* ‘уничтожить’ – Куклин в рассказе «У золотой карги» [12. С. 451], а лексический диалектизм *крыльцы* ‘лопатки’ используется в авторской речи в новелле «Капля» [12. С. 212]. Полагаем, что такая информация оказывается весьма полезной для читателя.

Хорошим подспорьем для исследователя становится и справочная (сопоставительная) зона указанного словаря, состоящая из обязательной и факультативной части. В обязательной части для диалектизмов представлены выборки из «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (О), «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (Е), «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (Д) и «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), а в факультативной даются сведения из других словарей, перечень которых приводится в части «Условные сокращения» (СГ – «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края»; ЮГ – «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» и др.). Приведем пример справочной зоны словарной статьи с заголовочной единицей ПАЛЬНИК [12. С. 336].

О нет	Е нет	Д нет, но палик – сев. Опаленный, обгорев- ший лес
СГ нет	ЮГ палик – выго- ревший участок леса; обгоревший лес, уча- сток леса; полевой те- терев	СРНГ палик – 2. Место с обгоревшим лесом. (уральск., енис., красн., арх., перм.). 3. Выжженное, выго- ревшее место в лесу (сиб., пермю, арх., уральск., влгд.)

Анализируемые единицы также сопоставляются с материалом из словаря языка В. Шукшина, поскольку, по словам авторов, критики не раз отмечали близость лексики двух сибирских писателей. Например, лексический диалектизм *подъялдыкивать* ‘задевать чье-либо самолюбие, язвить’ зафиксирован и в «Словаре языка Шукшина» (Ш) [12. С. 361].

О нет	Е нет	Д нет
СГ нет	ЮГ подъялдыкивать – язвить, насмехаться	
Ш подъялдыкнуть – поддразнить человека, который и без того находится в неуравновешенном состоянии, сказать что-л. ехидное, злое		

Характерной чертой словаря «Народное слово в произведениях В.И. Белова» является наличие этимологической справки к отдельным диалектным лексемам. Например, в словарной статье БРУСИТЬ ‘*горстями рвать с веток листья, ягоды’ находим следующую информацию.

БРУСИТЬ < праславянское, первоначальное значение ‘снимать, обтирать, обскабливать, обдергивать’, однокоренные БРУС, БРУСНИКА (ПЭСРЯ, т. 1, 47) [11. С. 21].

Авторские этимологии, как и авторские дефиниции, в данном словаре отмечаются специальным знаком (звездочкой), как, например, в словарных статьях ЧАПЫЖНИК ‘частый кустарник, непроходимая чаща’ и СМЫГ ‘*то, что наметено, нанесено; нанос, намет’.

* ЧАПЫЖНИК < ЧАПЫЖ < ЧАПАТЬ ‘брать, трогать, цапать’ (Д., т. 4, 582) [11. С. 141].

*СМЫГ < СМЫГАТЬ (ШМЫГАТЬ) ‘тереть, бросать, ходить взад и вперед, соваться, метаться’ (Д., т. 4, 239) [11. С. 120].

В словаре «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» отдельные словарные статьи сопровождаются фотографиями, позволяющими наглядно представить описываемый предмет, например: *ботало, волокуша*.

БОТАЛО¹, -а, ср. *Диал.* Изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам или лошадям, пасущимся без пастуха [13. С. 74].

ВОЛОКУША, -и, ж. *Диал.* Приспособление из двух скреплённых поперечной связью жердей для перевозки на лошади грузов волоком (применяется в болотистых, лесных районах для вывозки сена, брёвен и т.п.) [13. С. 149].

Важно, что данный словарь был одобрен самим писателем, который не только проявлял интерес к создаваемому справочнику, но и «принимал участие в обсуждении отдельных позиций по выработке принципов подачи народного слова в Словаре, приветствовал восстановление буквы “ё” в заглавных словах Словаря» и способствовал уточнению семантики «отдельных, наиболее “трудных” слов – ныне забытых, малоупотребляемых или локально бытующих» [13. С. 29].

Безусловно, проведенный нами общий анализ семи авторских дифференциальных словарей, описывающих диалектную лексику, не претендует на полноту учета критериев сопоставительного исследования. Однако он наглядно демонстрирует как общие, так и специфические для каждого справочника лексикографические подходы. Решая, казалось бы, одинаковые задачи, писательские словари отличаются друг от друга. Орловские, елецкие, вологодские, красноярские и иркутские лексикографы предлагают свое видение макро- и микроструктуры дифференциального словаря, имеющего неповторимый авторский почерк.

По мнению ученых, создание словарей подобного типа обусловлено целым рядом внелингвистических и внутриязыковых причин. В сравнении с полными словарями «они значительно меньше по объему, что, с одной стороны, делает более легкой задачу составителя и издателя, с другой – более читаемы. Эти словари имеют право на существование и в силу того, что внелитературная лексика в авторском идиостиле представляет автономную лексико-семантическую систему, выступающую как наиболее сильное изобразительно-выразительное средство текста» [15. С. 20].

Теоретическая значимость дифференциальных словарей диалектной лексики определяется их вкладом в решение ряда проблем в области авторского идиолекта и идиостиля, в развитие теории изучения народного языка конкретного региона на материале произведений художественной литературы и в углубление теоретических основ авторской лексикографии. Кроме того, «такой словарь имеет и известное культурологическое значение, поскольку в нем представлены слова, отражающие быт и трудовую деятельность прежней русской деревни, духовные и нравственные взгляды русского народа, образ его мышления и верований» [14. С. 10].

Практическая ценность дифференциальных писательских словарей состоит в возможности использования лексикографических материа-

лов при исследовании языка художественных произведений отечественных авторов, при чтении спецкурсов разной тематики, а также в лексикографической практике, поскольку имеющийся словарный опыт описания нелитературной лексики художественного текста будет полезен и другим исследователям при подготовке новых словарей данного типа.

Известно, что адресация словаря предопределяет его основные параметры: базу эмпирического материала, критерии создания словника, структуру словарной статьи и др. Полагая, что у дифференциального словаря могут быть разные группы читателей, составители справочников стремятся к созданию универсальных словарей, которые с пользой для себя будут читать и исследователи языка, и любители художественного слова. Это стремление отражается в аннотациях к анализируемым словарям. Приведем несколько примеров: «Словарь адресован всем, кто внимательно читает русскую литературу, изучает творчество И.А. Бунина, знакомится с русским языком и русской культурой» [8]; «Книга адресована филологам, фольклористам, историкам, этнографам, учащимся и учителям, студентам и преподавателям филологических факультетов вузов, всем, кто интересуется творчеством В.Г. Распутина и дорожит русским народным словом» [13]; «Предназначается учащимся и учителям, студентам и преподавателям филологических факультетов, литературным критикам, всем любителям живого русского слова» [11]. Универсальность дифференциальных словарей достигается тщательным отбором языковых единиц для лексикографического описания и многопараметровой структурой словарной статьи, каждая зона которой содержит определенный тип информации.

Соглашаясь с тем, что словари указанного типа могут быть востребованы разными пользователями, мы считаем, что дифференциальные справочники прежде всего предназначены специалистам-филологам, которые с опорой на словарь могут приступить к решению целого ряда задач, касающихся качественного и количественного состава диалектной лексики, используемой в литературных текстах того или иного писателя, способов введения диалектных слов в художественный текст, особенностей их употребления в авторской речи и речи персонажей и функциональной значимости данной лексики. Еще одним направлением работы может стать сопоставительное исследование разных словарей одного типа с целью выявления общего и специфического в творческой манере каждого писателя.

Народное слово – важный элемент русской культуры, требующий не только внимания, но и защиты. Ученые неоднократно подчеркивали, что «отчуждение от истоков русской народной культуры приводит к процессу архаизации значительных пластов исконно русской лексики в сознании молодого поколения» [11. С. 5], поэтому словарь диалектных лексем является своеобразной языковой сокровищницей, препятствующей «умиранию» целого ряда слов и способствующей расширению и обогащению словарного запаса читателей словаря. Не случайно год от года растет число дифференциальных авторских справочников, описывающих древние русские слова, как вышедшие из употребления, так и продолжающие жить в российских деревнях.

Новые информационные технологии позволяют применять креативные подходы к демонстрации областной лексики, использованной писателем. Так, в 2017 г. на основе словаря «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» [13] и «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» [16] был создан электронный словарь «Сибирская Атлантида Валентина Распутина», который «представляет собой аудиовизуальный комплекс, в который вошли основные слова и словосочетания, взятые писателем из родных мест. Они размещены в виде цитат из его произведений с комментариями» [17]. Несомненно, такой нестандартный визуализированный подход к представлению диалектизмов, подкрепленный предметным рядом, привлечет внимание многих посетителей музея писателя и вдохновит исследователей народного слова на создание и реализацию новых проектов.

В предисловии к словарю «Народное слово в произведениях В.И. Белова» Л.Г. Яцкевич пишет: «Попадая в произведения В.И. Белова, эта исконно русская лексика возрождается для новой жизни, приобретая положение общерусского культурного явления, при этом не теряя аромата той почвы, на которой она возросла и многие столетия обитала» [11. С. 7]. Думается, что эта мысль справедлива и по отношению к другим авторам, не утратившим связь с традиционной народной культурой и сохраняющим для потомков самородное русское слово. А словари, предназначенные всем интересующимся творчеством того или иного писателя и дорожащим богатством живого народного языка, дают возможность ощутить этот необыкновенный аромат.

Литература

1. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.

2. Марканова Ф.А. Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И.С. Тургенева. Ташкент : Фан, 1968. 693 с.
3. Словарь языка русской поэзии XX века / сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева ; отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова : в 7 т. М., 2001–2017. Т. 4.
4. Сидоренко М.И. Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова. Череповец : Порт-Апрель, 2005. 440 с.
5. Ларин Б.А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. С. 3–11.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.
7. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 13.
8. Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. 2-е изд., перераб. и доп. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. 420 с.
9. Бахвалова Т.В., Попова А.Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева. Орёл : ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. 180 с.
10. Курносова И.М. Диалектно-просторечный словарь языка Евгения Замятина. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 274 с.
11. Народное слово в произведениях В.И. Белова : словарь / авт.-сост. Л.Г. Яцкевич. Вологда, 2004. 216 с.
12. Падерина Л.Н., Сомотик Л.Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2008. 576 с.
13. Афанасьева-Медведева Г.В. Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина : словарь : в 2 т. Иркутск, 2017. Т. 1. 432 с.
14. Курносова И.М. Народное слово в произведениях А. Эртеля : словарь. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. 245 с.
15. Сомотик Л.Г. Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения) // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 19–31.
16. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. СПб., Иркутск, 2007–2017.
17. Электронный словарь «Сибирская Атлантида Валентина Распутина» презентовали в Иркутске. URL: <https://www.irk.ru/news/20171204/dictionary/> (дата обращения: 10.06.2018).

The Dialect Word in the Russian Author's Lexicography of the 21st Century

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 23–37.

DOI: 10.17223/22274200/16/2

Mariya A. Bobunova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

Keywords: dialect lexics, lexicography, author's language dictionary, complete dictionary, differential dictionary.

The article describes the place of dialect lexis in author's dictionaries of the 21st century. A regional word, along with other literary and non-literary denominations, may be part of the vocabulary of a complete dictionary. In this case, the dictionary reflects the integral connection of different layers of lexis in the language texture with no separation of the integral field of a literary text. With the multi-author *Dictionary of the Language of Russian Poetry of the 20th Century* and the monographic *Dictionary of Language and Rhyme of N. Rubtsov's Poetry* as examples, the structure of the dictionary entry of territorially limited denominations is analyzed. The opportunities of a complete dictionary for studying the author's idiosyncrasy are presented. Special emphasis is laid on differential dictionaries which describe non-literary lexis. Since regional denominations are not easily distinguished from vernacular words, it also affected the vocabulary of differential dictionaries which are not limited by dialect denominations. As a rule, rarely used words become the subject of the description (dialect, obsolete and special lexemes), and this is reflected in dictionary titles. The microstructure of seven dictionaries based on the works of I.S. Turgenev, A.I. Ertel, I.A. Bunin, E.I. Zamyatin, V.P. Astafyev, V.I. Belov and V.G. Rasputin is compared. Common and specific lexicographic approaches of each dictionary are revealed and illustrated. The dictionaries demonstrate the authors' use of word forms and of characteristic labels and present examples and data about the origin of words in different ways; they also contain differently formed reference zones, etc. The article gives an explanation why differential author's dictionaries appear, non-linguistic and intralingual causes are described. It is accentuated that non-literary lexis is an autonomous system in a literary text and is an important figurative and expressive means. Descriptions of certain lexical groups are often accompanied by special approaches to the structure of a dictionary entry. This helps to reveal the peculiarities of the group of words under analysis. The theoretical significance and the practical value of differential dictionaries of dialect lexis are assessed in the article. The issue of addressees of reference books of this type, which determines the basic parameters of the dictionary, is touched upon. The article indicates different research trends among philologists who can use the dictionary to start working on a range of issues in the field of authors' idiolect. The article determines the cultural value of differential dictionaries of old Russian words and their role in studying the language of a single author. It is concluded that new information technologies may be used to demonstrate the regional lexis found in literary texts.

References

1. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'*. [Russian Author's Lexicography: Theory, History, Modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Markanova, F.A. (1968) *Slovar' narodno-razgovornoy leksiki i frazeologii, sostavlenyy po sobraniyu sochineniy I.S. Turgeneva* [Dictionary of Colloquial Vocabulary and Phraseology, Compiled from the Collected Works of I.S. Turgenev]. Tashkent: Fan.
3. Grigor'yev, V.P. & Shestakova, L.L. (eds) (2015) *Slovar' yazyka russkoy poezii XX veka* [Dictionary of the Language of Russian Poetry of the 20th Century]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

4. Sidorenko, M.I. (2005) *Slovar' yazyka i rifm poezii N. Rubtsova* [Dictionary of Language and Rhyme of N. Rubtsov's Poetry]. Cherepovets: Port-Aprel'.
5. Larin, B.A. (1962) *Slovoupotrebleniye i stil' M. Gor'kogo* [Word Usage and Style of M. Gorky]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 3–11.
6. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Chernyshev, V. I. (1962) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Literary Russian Language]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Kurnosova, I.M. (2012) *Slovar' narodnogo yazyka proizvedeniy I.A. Bunina* [Dictionary of the Vernacular Language in I.A. Bunin's Works]. 2nd ed. Yelets: Yelets State University Named after I.A. Bunin.
9. Bakhvalova, T.V. & Popova, A.R. (2007) *500 zabytykh i redkikh slov iz "Zapisok okhotnika" I.S. Turgeneva* [500 Forgotten and Rare Words from "The Hunting Sketches" by I.S. Turgenev]. Oryol: Oryol State University, Poligraficheskaya firma "Kartush".
10. Kurnosova, I.M. (2008) *Dialektno-prostorechnyy slovar' yazyka Yevgeniya Zamyatina* [Dialect-Colloquial Dictionary of the Language of Evgeny Zamyatin]. Yelets: Yelets State University Named after I.A. Bunin.
11. Yatskevich, L.G. (ed.) (2004) *Narodnoye slovo v proizvedeniyakh V.I. Belova* [The Vernacular Word in V.I. Belov's Works]. Vologda: Vologodskiy institut razvitiya obrazovaniya.
12. Paderina, L.N. & Samotik, L.G. (2008) *Slovar' vneliteraturnoy leksiki v "Tsar'-rybe" V.P. Astaf'yeva* [Dictionary of Extraliterary Vocabulary in "Tsar Fish" by V.P. Astafyev]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
13. Afanas'yeva-Medvedeva, G.V. (2017) *Narodnoye slovo v rasskazakh i povest'yakh Valentina Rasputina* [The Vernacular Word in the Short Stories by Valentin Rasputin]. Vol. 1. Irkutsk: [s.n.].
14. Kurnosova, I.M. (2009) *Narodnoye slovo v proizvedeniyakh A. Ertelya* [The Vernacular Word in A. Ertel's Works]. Yelets: Yelets State University Named after I.A. Bunin.
15. Samotik, L.G. (2013) Dictionaries of extraliterary vocabulary as a type of author's dictionaries (problems and solutions). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 19–31. (In Russian).
16. Afanas'yeva-Medvedeva, G.V. (2007–2017) *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri* [Dictionary of Dialects of Russian Old-Timers of Baikal Siberia]. Saint Petersburg: [s.n.], Irkutsk: [s.n.].
17. IRK.RU. (2017) Elektronnyy slovar' "Sibirskaya Atlantida Valentina Rasputina" prezentovali v Irkutske [The electronic dictionary "Siberian Atlantis of Valentin Rasputin" was presented in Irkutsk]. *IRK.RU*. [Online]. Available from: <https://www.irk.ru/news/20171204/dictionary/>. (Accessed: 10.06.2018).

УДК 81'374.822

DOI: 10.17223/22274200/16/3

В.И. Карпов, Д.О. Добровольский, В.А. Нуриев

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ИНФОРМАЦИИ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Описываются типы лексикографической информации, которые следует учитывать при составлении двуязычного словаря. В первой части рассмотрены отдельные аспекты современной лексикографии и их применимость к двуязычным словарям. Во второй части обсуждается положение об отсутствии полной межъязыковой эквивалентности в области лексической семантики. На примере «Немецко-русского словаря актуальной лексики» проанализированы типы лексикографической информации, специфичные для двуязычных словарей.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, типы информации, межъязыковая эквивалентность, немецкий язык, русский язык.

I. Лексикографическая практика тесно связана с лингвистической теорией, поэтому словарная работа должна опираться не только на анализ языковых данных, но и учитывать накопленный опыт в описании языка и осмыслении взаимосвязи его отдельных подсистем. Современная лингвистическая теория характеризуется интересом к полной инвентаризации языковых фактов и их объяснению, в то время как на предыдущих стадиях своего развития лингвистика занималась моделированием механизмов языка. Словарь стал сейчас «самым популярным жанром лингвистической литературы» [1. С. 13]¹.

Лексикография как лингвистическая дисциплина изучает влияние современных словарей на лингвистическую компетенцию их пользователей [2. С. 243]. Один из результатов развития лексикографии – уточнение типологии словарей в зависимости от целевой аудитории, что отражается на типах и объеме информации, представленной в том или ином словаре. На эту взаимосвязь указывали А. Рей и С. Делесаль, которые считали, что современный словарь может содержать один из двух возможных типов описания объекта в зависимости от той реальности, на которую ориентируется составитель: словарь либо строится как описание лекси-

¹ Хотя с момента публикации работы [1] прошло уже более пятнадцати лет, эта тенденция сохраняет свою актуальность.

ческого компонента языковой системы, либо рассчитан на изучение действия этой системы в различных сферах ее употребления [3. С. 264–265]. В первом случае говорят о словарях системы или ее элементов (толковые или академические словари), во втором – о словарях употреблений (словари активного типа). Некоторые лингвисты считают, что можно объединить оба направления, создав динамический дискурсивный словарь¹.

Аналогичной точки зрения придерживается Ш. Энгельберг, который ставит вопрос, в каком направлении следовало бы работать лексикографам, чтобы соответствовать ожиданиям современного общества в отношении словарной продукции. По его мнению, лингвистически адекватный, отражающий современное языковое состояние словарь должен быть динамическим, учитывающим как лексические, так и грамматические аспекты во всем их многообразии, а также количественные параметры: употребительность, количественное распределение лексических единиц в речи, зависимость лексической вариативности от типов текста и способов репрезентации лексики, вовлеченность речевых образцов и воспроизводимых конструкций в зону взаимодействия словообразования, лексики и грамматики [2. С. 247–250].

В отечественной лексикографии предпринимаются попытки создать такой тип словаря, который отражал бы сложные динамические процессы в лексической системе литературного языка последних десятилетий, те исторические изменения, которые существенно повлияли на его словарный состав. Так, например, методологической основой лексикографических работ Г.Н. Складневской является установка на описание «динамических языковых процессов, которые традиционно остаются за рамками известных академических словарей» [5]. Разработанная автором «концепция живого литературного языка» предполагает, что на разных этапах языковой эволюции лексическая система обладает разной степенью устойчивости по отношению к внешним факторам. Этот подход предусматривает учет тех групп лексических единиц, которые относятся к самым активным в речи современных носителей языка, особенно в эпоху социально-экономических и политических перемен [6. С. 121].

В разных странах лексикография существенно продвинулась в области описания служебных, дискурсивных и полифункциональных слов. Сравним в первую очередь двухтомный словарь немецких кон-

¹ См., например: [4. С. 82–83].

некторов, подготовленный в Институте немецкого языка в Мангейме: «Handbuch der deutschen Konnektoren», первый том которого посвящен синтаксическим аспектам функционирования этих лексических единиц, [7], а второй – семантике [8]. Описание такого рода существенно помогает в представлении немецких коннекторов в двуязычном словаре, однако ему должно предшествовать теоретическое осмысление сопоставительных аспектов синтаксиса и семантики этих единиц. Подобный опыт лексикографической работы имеется и во французской академической лексикографии: ср. второе издание словаря современных французских коннекторов – «A Dictionary of Contemporary French Connectors» [9], составленное Джеймсом Гривом.

Важное событие последних лет в немецкой академической лексикографии – появление словаря немецких частиц «Wörterbuch deutscher Partikeln» [10], составленного Рене Метришем и Эженом Фоше. Словарь содержит, наряду с подробным описанием значения и особенностей функционирования немецких частиц, отсылки к французским частицам, выполняющим сходные функции. Однако в точном смысле этот словарь двуязычным не является. Таким образом, и задача лингвистически приемлемого описания немецких частиц в двуязычной лексикографии до сих пор остается нерешенной.

Наиболее значимыми исследованиями в отечественной лексикографии являются работы Ю.Д. Апресяна. Базовыми для словаря любого типа представляются разработанные им общие принципы: принцип интегрального описания языка (т.е. описания, при котором словарь настроен на грамматику, а грамматика – на словарь) и принцип системности (см., в частности, [11. С. 41–56]). Эти принципы сформулированы, прежде всего, в отношении одноязычных толковых словарей, однако они в полной мере применимы и к двуязычным словарям. Так, в соответствии с принципом интегрального описания языка, любой случай, когда грамматическое поведение лексемы не подчиняется регулярным и продуктивным правилам, должен фиксироваться в словарной статье. Применительно к двуязычным словарям добавляется момент несовпадения особенностей синтаксического поведения сопоставляемых единиц двух языков [12. С. 36].

Решение указанных задач осложняется тем, что составителям следует принимать во внимание разные установки пользователей в зависимости от того, носителями какого языка (исходного языка L1 или принимающего языка L2) они являются [13, 14]. Особо остро стоит

вопрос инвентаризации типов лексикографической информации. Если сегодня имеется достаточно ясное представление о том, какие типы лексикографической информации должны содержаться в толковых словарях, очевидной становится задача адаптации этих принципов для двуязычных словарей. Важно, что специфика двуязычного словаря требует учета не только особенностей исходного языка L1, но и языка L2. Соответственно, типы информации для двуязычного словаря не могут быть идентичными типам информации для одноязычного толкового словаря. Объем лексикографической информации определяется не в последнюю очередь тем, на кого ориентирован двуязычный словарь. Так, если говорить о двух языках на примере русского и немецкого, то нужно иметь как минимум четыре словаря:

- (а) Немецко-русский для носителей русского языка;
- (б) Немецко-русский для носителей немецкого языка;
- (в) Русско-немецкий для носителей русского языка;
- (г) Русско-немецкий для носителей немецкого языка.

Традиция такого деления двуязычных словарей восходит к идеям Л.В. Щербы, который при описании разных типов словарных изданий отмечал, что если в толковом «словаре под каждым фонетическим словом обязательно должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных» [15. С. 283], то в двуязычных словарях объем информации в левой и правой частях словарной статьи зависит от тех специальных целей, которым этот словарь служит [Там же. С. 298–299]¹. Для целей нашего исследования, представляющего собой теоретическую базу проекта по созданию «Немецко-русского словаря актуальной лексики», релевантным является словарь типа (а), ориентированный на русскоязычных пользователей.

II. Активно обсуждаемое в научной литературе последних лет положение об отсутствии полной межъязыковой эквивалентности не только в сфере грамматических категорий, но и в области лексической семантики, нашло отражение в разрабатываемой М. Хаспельма-

¹ Исключение составляют переводные толковые словари, которым Щерба уделяет особое внимание в своих работах. Так, говоря о переводных (двуязычных) словарях, он призывает учитывать тот факт, что «для всякой пары языков нужно четыре словаря – безусловно два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и в зависимости от реальных потребностей – два переводных словаря с родного языка на иностранный специальный тип» [15. С. 303–304].

том концепции [16], согласно которой сопоставление лексических единиц разных языков должно осуществляться не «напрямую», а посредством так называемых компаративных концептов (comparative concepts). Когда лексическая единица языка L1 сопоставляется с некой лексической единицей языка L2 (а именно такое сопоставление ожидается от двуязычного словаря), результатом практически никогда не оказывается отношение «один к одному». В большинстве случаев это отношение «один к нескольким», «несколько к одному» или даже «несколько к нескольким», причем соответствующая единица языка L1 не всегда в таких случаях многозначна.

Концепция М. Хаспельмата учитывает игровую функцию языка (об этом см. также, например, [17. С. 371–373]), когда человек по мере своего развития целенаправленно осваивает игровое экспериментирование с разными функциональными вариантами для оформления в речи отдельно взятого информационного сообщения. Чтобы определить степень функциональной равноценности, каждый вариант на стадии доречевой реализации оценивается субъектом речи на предмет соответствия грамматическим правилам – во-первых, и принципу коммуникативно-стилистической целесообразности – во-вторых [18. С. 146].

Понятие функциональной равноценности разных вариантов имеет принципиальную важность для двуязычной лексикографии. Некоторая описываемая единица языка L1 и соответствующие ей единицы языка L2 находятся в отношениях функциональной эквивалентности и потому могут быть названы функциональными вариантами. Здесь очевидны параллели с понятием функционально эквивалентных фрагментов, введенным в статье [19. С. 266]: «Для решения собственно лингвистических задач (в первую очередь, в области сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии) важны отношения типа *слово – слово*, *слово – словосочетание*, *словосочетание – слово*. Такие пары могут быть названы *функционально эквивалентными фрагментами* [здесь и ниже курсив автора. – В.К., Д.Д., В.Н.] (ФЭФ). Типовая задача пользователя может быть сформулирована так: *Извлечь все случаи употребления слова L (в оригинале) и его ФЭФ (в переводе)* [курсив автора. – В.К., Д.Д., В.Н.]». Функциональная эквивалентность, как видно из определения, трактуется, исходя из конкретных исследовательских нужд: авторы, раскрывая понятие, в значительной степени апеллируют к процедурам корпусного метода. Функциональный принцип эквивалентности, таким образом, заключа-

ется в том, чтобы считать равноценным вариантом единицы языка L1 соположенную ей в переводном тексте единицу языка L2, выполняющую сходную функцию. Этот принцип имеет чрезвычайную важность при отборе материала для оформления иллюстративных примеров в двуязычном словаре.

Например, немецкий глагол *beleiden* в своем основном значении соответствует то русскому глаголу *обидеть*, то *оскорбить*. Точно так же ведет себя глагол *kränken*, что хорошо видно по материалам параллельных корпусов. Если двуязычный словарь ограничится указанием на то, что и *beleiden*, и *kränken* соответствуют русским *обидеть* и *оскорбить*, возникнет впечатление, что между *beleiden* и *kränken* нет никаких семантических различий. Между тем это не так. Проблема в том, что граница между объемом значения *beleiden* и *kränken* проходит не там, где проходит соответствующая граница между *обидеть* и *оскорбить*¹. В этом случае мы имеем дело с соотношением «несколько к нескольким». Каждый из этих четырех глаголов содержит в своем значении нетривиальные компоненты ‘нанесение урона статусу’ и ‘каузация негативного эмоционального состояния’ (именно они и образуют comparative concepts), которые неравноценны в смысле акцентного выделения. В зависимости от контекстных условий на первый план может выходить то первый (и тогда *beleiden* скорее оказывается эквивалентным русскому *оскорбить*), то второй из названных компонентов. У *beleiden* есть как бы два фокуса. В структуре значения глагола *kränken*, в отличие от *beleiden*, фокус один – он падает на «эмоциональный» компонент. В этом смысле *kränken* ближе русскому *обидеть*, чем *beleiden*.

В словарной статье эти различия могут быть выражены с помощью комментариев и диагностических иллюстративных примеров, а в случае небольшого по объему словаря – с помощью переводных эквивалентов, которые подчеркивают различия в степени выделенности каждого из семантических компонентов. Для *beleiden* в первом значении² – это *обижать*; *оскорблять*, *наносить оскорбление*, для *kränken* – *обижать*, *задевать (кого-л.)*. Так это сделано в готовящемся к печати «Немецко-русском словаре актуальной лексики». В словаре

¹ Семантические различия между этими четырьмя глаголами подробно обсуждались в работе [12. С. 112–134].

² У этого глагола есть еще и второе значение: 2. *перен.* оскорблять (*глаз, слух*); уязвлять (*кого-л. в каком-л. чувстве*); *diese Musik beleidigt das Ohr* ‘эта музыка режет слух’.

большого объема, естественно, должны быть представлены и более редкие контексты, в которых *kränken* соответствует русскому *оскорблять*.

В целом важно при подборе эквивалентов не ограничиваться прототипическими системными соответствиями, а учитывать весь квазисинонимический ряд, т.е. в данном случае следует принимать во внимание не только *оскорбить*, *обидеть*, но и *задеть*, *ранить* и пр.

Такие случаи пронизывают всю лексическую систему. Следовательно, для составления словаря, соответствующего современным требованиям, необходимо выявить и описать подобные явления и найти адекватные способы лексикографического представления. Решение этой задачи, во-первых, должно учитывать тип словаря в зависимости от целевой аудитории и, соответственно, объем представленной в нем информации, а во-вторых, заставляет искать для каждой группы подобных феноменов некоторый типизированный прием описания, что и диктует необходимость выявления типов лексикографической информации, специфичных для двуязычного словаря. Следование принципу системности в двуязычном словаре требует единообразного описания сходных по сути случаев, причем не только применительно к исходному языку L1, но и к принимающему языку L2.

III. В данном разделе мы рассмотрим те типы лексикографической информации, которые специфичны для двуязычных словарей вообще и для «Немецко-русского словаря актуальной лексики» в частности. В дальнейшем изложении мы используем материал этого проекта. Соответственно, обсуждаются типы лексикографической информации, релевантные именно для данного словаря. Релевантные типы лексикографической информации можно структурировать по аналогии со структурой словарной статьи. Так, структура словарной статьи «Немецко-русского словаря актуальной лексики» в общем случае содержит следующие зоны¹:

- 1) заглавное слово (лемму);
- 2) этимологическую характеристику;
- 3) фонетическую транскрипцию;
- 4) грамматическую характеристику;
- 5) пометы, указывающие на область употребления слова, его стилистическую принадлежность, временные и дискурсивные характеристики и т.п.;

¹ Надо учитывать тот факт, что зоны не совпадают с типами информации: в одной зоне могут содержаться различные типы информации.

- 6) перевод соответствующей лексемы¹;
- 7) комментарий;
- 8) примеры употребления;
- 9) грамматическую фразеологию и
- 10) идиоматику.

Наиболее интересными для обсуждения и значимыми для целей нашей статьи представляются следующие типы информации:

- особенности произношения слова, включая акцентное выделение; фразовое ударение;
- грамматическая характеристика слова;
- деление слова на значения и переводы каждой отдельной лексемы, т.е. межязыковая функциональная эквивалентность и способы ее фиксации.

Произношение. Фонетика приводится только для слов, не поддающихся описанию ни одним из продуктивных правил. Характерным признаком акцентной системы немецкого языка является смена ударений на многих местоимениях и наречиях, в которых ударение варьирует в зависимости от передаваемого оттенка смысла. Это можно продемонстрировать на примере акцентной особенности немецких наречий с общим значением ‘почему’ и ‘потому’. Сравним, например, *deswegen*, *deshalb*, *daher*, *weswegen*, *weshalb* и пр. Обращение к известным немецким словарям оставляет некоторую неясность в вопросе, куда падает ударение в этих столь употребительных и, казалось бы, простых словах. Принять на веру сведения наиболее авторитетных одноязычных немецких словарей почти невозможно. Именно эти слова описываются в лексикографических источниках (например, в словарях серии «Duden» [20] или в DWDS – «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [21]) довольно противоречиво. Колебания ударения в этих словах отмечаются, во-первых, непоследовательно, а во-вторых, объясняются исключительно эмфазой. Например, в «Duden online» говорится, что в *weswegen* ударение всегда падает на второй слог (*weswEgen*)², а DWDS считает, что это слово либо несет два главных ударения (*wEswEgen*), либо произносится как *wEswegen*. Наречие *weshalb* описывается как слово с обычным ударением на втором слоге и

¹ Термин *лексема* используется здесь для обозначения слов, употребленных в одном из своих значений.

² Здесь и далее в примерах гласная в ударном слоге пишется с заглавной (прописной) буквы.

с эмфатическим ударением на первом. В некоторых случаях колебания ударения зависят от функции соответствующего слова: употребляется оно как вопросительное местоимение или как союзное слово.

Наблюдения над функционированием этих слов и опрос носителей языка показали, что варьирование ударения в словах данной группы часто имеет семантические причины. Так, *weswegen* с ударением на первом слоге – это просто ‘почему’, а с ударением на втором слоге – скорее ‘из-за чего, для чего’. Сходным образом, *deswegen* с ударением на первом слоге – ‘из-за этого’, а с ударением на втором слоге – ‘поэтому’. Ср. *und dEswegen rufst du mich in der Nacht an?* – *и из-за этого ты мне звонишь ночью?* vs. *er hat versprochen zu kommen, deswEgen müssen wir noch warten* – *он обещал прийти, поэтому мы должны ждать его*.

Часто семантические и коммуникативные факторы (экспрессивное выделение) действуют одновременно. Например, высказывание *sie will abnehmen, dahEr isst sie so wenig* можно перевести на русский язык как *она хочет похудеть, поэтому так мало ест*. А полностью совпадающее с ним по составу предложение *sie will abnehmen, dAher isst sie so wenig*, где ударение в *daher* падает на первый слог, – как *она хочет похудеть, вот почему она так мало ест*. Эти примеры показывают, что в двуязычном словаре колебания ударения можно описать с помощью специфики перевода на русский язык.

В задачи нашего двуязычного словаря входит фиксация значимых черт поверхностного поведения слова, в частности, его способности нести **фразовое ударение**. Это чрезвычайно важно для любого двуязычного словаря, потому что от фразового ударения зависит способ перевода. Кроме того, если для носителя это интуитивно понятно, неносителю, как правило, это необходимо объяснить.

Таким образом, в словарных статьях, описывающих частицы, союзные наречия и некоторые другие лексические единицы, должна приводиться информация об их просодических характеристиках, в частности их способности нести фразовое ударение:

aber I *cj adv* но, а; однако (же); ~ *dennoch* [doch] (но) всё же II *prtc* (не несёт фразового ударения) но... ведь... (же); ну; ~ *ja!* ну конечно!; *das ist* [war] ~ *ein Gewitter!* ну и гроза (была)!; ~ *nein!* да нет же!; ~ *sicher!* безусловно!¹

¹ Здесь и далее в качестве примеров используются фрагменты словарных статей «Немецко-русского словаря актуальной лексики».

Заметим, что при употреблении слова *aber* в качестве частицы фразовое ударение несет слово, непосредственно стоящее после *aber*.

Практическая необходимость указания на фразовое ударение в словарной статье особенно четко видна на примере полифункционального слова *ja*: см. значения 5 и 6 в зоне *II prtc*, содержащей употребления *ja* в качестве частицы.

ja I sent 1. (*положительный ответ на общий вопрос без отрицания*) да; – Kommst du? – ~; Ты придёшь? – Да **2.** (*в сочетании с модальным наречием*) ~ gewiss, ~ sicher да, безусловно; ~ gern да, с удовольствием; о ~!, да, да!, да, конечно!; aber ~ doch! ну конечно же!, а как же!, а как же иначе! **3.** (*с вопросительной интонацией – при ответе по телефону*) да?; алло; ~ bitte? да?, слушаю *II prtc 1.* да, ведь (*часто в сочетании с же, -то, а также с частицей и*); же, -то; и правда, действительно; das glaubst du ~ selbst nicht (да) ты же ведь сам [ты ведь и сам-то] не веришь в это **2.** и правда; (о) да (*часто в сочетании с частицей ж*); es schneit ~ и правда, снег; du hast ~ einen Fleck auf dem Hemd! да у тебя (ж) пятно на рубашке! **3.** итак, что же [ж], н-да; ах да; ~, nun wollen wir anfangen! итак, давайте начнём!; ~, das weiß ich nicht н-да, этого я не знаю **4.** -то; конечно; der Wagen ist ~ schön, aber viel zu teuer машина, конечно, [машина-то] замечательная, но уж слишком дорогая **5.** (*несёт фразовое ударение*) смотри (у меня) (*с императивом*); только, (только) ни в коем случае (*с отрицанием*); zieh dich ~ warm an! смотри, оденься потеплее!; erzähle ~ nichts weiter! смотри (только), никому не рассказывай! **6.** (*несёт фразовое ударение*) вправду, действительно, в самом деле, уверен, что...; frag sie, ob auch ~ alles in Ordnung ist спроси её, действительно ли всё в порядке.

Грамматическая характеристика слова. Одной из проблем сопоставительного описания языков является несовпадение особенностей грамматической традиции выделения частей речи в разных языках. Следует оговорить, что данная проблема имеет принципиальное значение именно для двуязычной лексикографии, в одноязычном словаре, ориентированном на «местную» устоявшуюся грамматическую традицию, такая проблема, как правило, не возникает. Так, вопрос о принадлежности единиц к наречиям или частицам в русской и немецкой грамматиках решается по-разному. Морфологические критерии в этом случае представляются трудно применимыми, поэтому используются функциональные критерии, с помощью которых выявляется корреляция между позицией слова в предложении и его функцией в речи. По-

сколько наречия в отличие от частиц занимают или потенциально могут занимать инициальную позицию в предложении, а также употребляться самостоятельно в качестве реплик в ответ на вопрос, то этот критерий лежит в основе частеречной идентификации единиц при их описании в двуязычном словаре.

В частности, немецкое слово *kaum* – это, с одной стороны, наречие, в том числе сентенциальное, а с другой – союз. В рамках *kaum*-наречия выделяется значение наречия степени, в сфере действия которого находится определенная часть высказывания (*kaum älter als ich*), и значение сентенциального наречия, модифицирующего всю пропозицию (*sie wird jetzt noch kaum kommen*). Что касается употреблений *kaum* в функции союза, то оно служит соединению двух клауз сложного предложения. В качестве альтернативного представления контекстов типа *kaum hatte ich mich hingelegt, als auch schon das Telefon klingelte* можно было бы предложить нечто вроде двойного союза *kaum... als...* с союзом *kaum* в главном предложении и союзом *als* в придаточном времени. Против такого описания говорит возможность перефразирования подобных высказываний: *kaum hatte ich mich hingelegt, da klingelte schon das Telefon*, где вместо гипотаксиса имеет место паратаксис.

Этот простой пример показывает, сколько различных факторов следует учесть, чтобы непротиворечиво объяснить, почему в контекстах одного типа слову *kaum* соответствует русское *почти не*, в других – *едва ли* или *вряд ли*, а в третьих – *как только*.

kaum I *adv* **1.** почти не, едва (ли); *ich kenne sie ~ я её почти не знаю; er ist ~ älter als ich он едва ли старше меня* **2.** еле-еле, едва, с трудом; *das ist ja ~ zu glauben в это верится с трудом; die Kinder konnten es ~ erwarten детям не терпелось; ich kann es ~ erwarten жду-не дождусь (чего-л.)* **3.** *adv sent* едва ли, вряд ли; *sie wird jetzt ~ noch kommen теперь она уже вряд ли придёт; т.ж. в качестве самостоятельной ответной реплики „Kaum“, antwortete ich. – Едва ли, – ответил я.* □ **wohl** ~ *vordr* вряд ли II *conj* (вводит тк. первую составляющую сложного предложения) едва, как только; ~ *hatte ich mich hingelegt, als auch schon das Telefon klingelte* только я прилёг, как (тут же) зазвонил телефон¹.

¹ Подробный семантический анализ русских слов *едва* и *еле*, близких немецкому *kaum*, содержится в [22, 23].

Словарные статьи большинства глаголов содержат указание на их переходность (*vt*) или непереходность (*vi*), что одновременно служит показателем части речи. При безличных глаголах дается помета *vimp*, а при модальных – помета *vmod*. В одноязычных словарях переходность, как правило, не маркируется, однако для двуязычного словаря такая помета очень важна, так как она объясняет пользователю разницу в переводе глагола на русский язык, например:

ablenken I *vt* отводить; отклонять; den Verdacht von sich (*D*) ~ отвести подозрение от себя II *vi* переводить разговор на другую тему; er lenkte schnell ab он быстро переменял тему III **sich** ~ отвлечься, развлечься, развеяться

Сентенциальные наречия типа *vielleicht*, *wahrscheinlich* (называемые – в соответствии с русской лингвистической традицией – также вводными словами; ср. традиционное для германистики понятие Satzadverb) отмечаются пометой *adv sent*¹. Операционально сентенциальные наречия определяются по сфере действия отрицания: если в повествовательном предложении наречие может находиться за пределами сферы действия отрицания, значит это *adv sent*. Для категоризации наречий с плавающей сферой действия решающим фактором оказывается типичность соответствующих употреблений.

В отдельную субкатегорию выделяются также наречия степени (*adv grad*). Наречия степени принадлежат к большой группе языковых средств, модифицирующих степень интенсивности проявления признака, и могут рассматриваться как отдельный вид шкалирующих слов. По некоторым параметрам наречия этого типа похожи на фокусирующие частицы, и в немецкой лингвистической традиции они описываются как частицы, что для носителя русского языка интуитивно неприемлемо.

Союзные наречия (Konjunkionaladverbien – сокр. *cj adv*) – в отличие от местоименных – представляют собой гетерогенную группу, ср. *demnach*, *ferner*, *hingegen*, *schließlich*. Союзные наречия, как и союзы, имеют соединительное значение. Но в отличие от союзов, они скорее устанавливают смысловую связь с определенными элементами предшествующего текста и, как правило, не привязаны к первой позиции в предложении, т.е. синтаксически они ведут себя как наречия.

¹ Эти и другие грамматические пометы приводятся в соответствии с системой нотации, принятой в «Немецко-русском словаре актуальной лексики».

Важным элементом грамматической характеристики слова является указание на все случаи отклонения от регулярных правил словоизменения (**дефектность парадигмы**). Для некоторых слов характерен запрет на образование определенных грамматических форм в том или ином конкретном значении. Так, глагол *uraufführen* может употребляться только в формах инфинитива и причастия II:

uraufführen *отд. vt (употр. тк. в inf и part II)* ставить впервые (*пьесу*), показывать премьеру (*какой-л. пьесы*); впервые демонстрировать (*фильм*); впервые исполнять (*музыкальное произведение*).

У глагола *überlaufen* в значении ‘осаждать (кого-л.), не давать покоя, надоедать, досаждать (советами, просьбами); обивать (чью-л.) пороги’ возможна только форма страдательного залога: *wir werden hier von Vertretern überlaufen* – у нас здесь нет продыху от коммивояжеров.

Приставки некоторых глаголов ведут себя то как отделяемые, то как неотделяемые. Так, у глагола *überbewerten* во всех формах приставка *über* не отделяема, а в инфинитивной конструкции с *zu* – отделяема:

überbewerten *неотд. (отд. тк. в форме zu + inf: überzubewerten)* *vt* переоценивать, слишком высоко оценивать (*тж. перен.*).

Для немецких морфологически неизменяемых полифункциональных слов характерна **грамматическая омонимия**, т.е. одно и то же слово оказывается представителем различных частей речи, и отражение омонимии такого рода в словаре необходимо, поскольку объясняет как синтаксическое поведение данного слова, так и то, почему оно столь различно переводится на русский язык в контекстах разных типов (ср. выше пример фрагмента словарной статьи *kaum*).

Деление на значения и их переводы. Деление на отдельные значения при внесении в словарь многозначного слова представляет собой одну из самых сложных проблем современной лексикографии, поскольку ее решение зависит от многих – часто разнонаправленных – факторов.

В работе [24] был предложен оригинальный подход, направленный на создание нового типа словарей, структурированных по принципу паттерна, где эта проблема решается нетривиальным способом. Авторы предлагают рассматривать представленные в одноязычных словарях дефиниции не как собственно значения, а лишь как «потенции значений». Иначе говоря, значение является сущностью событийного порядка, которая «активируется» под давлением контекста, влияюще-

го на потенции значений каждого слова или словосочетания в данном контексте [24. С. 27]. Данный подход опирается на грамматику паттернов (см., например, [25–27]) и грамматику конструкций (см., например, [28, 29]), где один из основных постулатов заключается в том, что смысл высказывания создается не только на основе его синтаксической формы и входящих в него слов, но и семантики составляющих его конструкций. В словаре паттернов, согласно П. Хэнксу и Дж. Бредбери, формировать словарную статью необходимо, исходя из 1) лексических паттернов (коллокаций), 2) синтаксических паттернов (валентности слова), и фиксировать только факты языка, относящиеся к сфере нормы и узуса. Создание такого словаря невозможно без корпусного анализа, который помогает на обширном текстовом материале выявить ко-окуррентные слова, воспроизводимые вместе на регулярной основе, т.е. коллокации. Также по корпусным данным происходит проверка валентных возможностей слова. Данный подход в значительной степени опирается на «Теорию норм и эксплуатационных сдвигов» (Theory of Norms and Exploitations, см. подробнее в [30]), где ее автор, П. Хэнкс, последовательно доказывает, что языковой факт, не вошедший еще в нормативное или узусальное обращение, представляет собой результат эксплуатационного сдвига, возникшего на основе определенного паттерна, и не должен приниматься лексикографом во внимание.

Необходимость производить корпусный анализ и учитывать воспроизводимость той или иной конструкции в речи при формировании словарной статьи не вызывает сомнения. Однако следует заметить, что П. Хэнкс в разработке словаря паттернов работает в рамках одноязычной лексикографии, т.е. ориентируется на одноязычные словари¹. Очевидно, что, например, немецко-русский словарь, предназначенный для носителей русского языка, должен в первую очередь учитывать потребности своего пользователя и иметь несколько иное функциональное наполнение. Здесь отдельные значения многозначных слов выделяются как на основе их лингвистически значимых различий в немецком языке (различия в значении, сочетаемости, управлении, образовании множественного числа и т.п.), так и на основе специфики их перевода на русский язык. Например, слово *nämlich*, со-

¹ Паттерны, в понимании П. Хэнкса, учитываются хорошими словарями (в том числе двуязычными) в форме моделей управления и примеров, показывающих типичную сочетаемость.

гласно корпусным данным, имеет в одних контекстах функциональный эквивалент *дело в том, что*, в других – *а именно*, а в третьих – *вот, знаешь*. Сравним примеры из русско-немецкого и немецко-русского параллельных корпусов НКРЯ [31]:

nämlich ≈ *дело в том, что*

• *Дело в том, что* после того рокового взрыва во мне открылась одна способность (В. Сорокин. Путь Бро).

• Schon kurz nach der verhängnisvollen Explosion, als ich taub und mit Gehirnerschütterung im Bett lag, hatte ich *nämlich* ein Talent an mir entdeckt.

nämlich ≈ *а именно*

• Был один пункт, даже всех поразивший в речи защитника, *а именно* полное отрицание существования этих роковых трех тысяч рублей, а стало быть и возможности их грабежа (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3, 4) (1878)).

• Es gab in der Rede des Verteidigers einen Punkt, der alle überraschte – *nämlich*, daß er die Existenz dieser verhängnisvollen dreitausend Rubel und somit auch die Möglichkeit ihres Raubes vollkommen bestritt. [Die Brüder Karamasow (3, 4. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924).

nämlich ≈ *вот, знаешь*

• это вот что... это есть такие шары... *знаешь*, китайские шары равновесия... (В. Сорокин. Лёд).

• das sind *nämlich*... das sind so Kugeln, wie die chinesischen, die man in einer Hand drehen muss.

К сожалению, имеющиеся как одноязычные, так и двуязычные словари по разным причинам не учитывают все три приведенных типа употреблений. На наш взгляд, двуязычный словарь, отвечающий современным требованиям, должен учитывать все три типа употреблений, выделяя их как отдельные значения, хотя бы потому, что они чрезвычайно различаются по своим моделям перевода¹. Сравним возможный способ словарного представления этого слова в немецко-русском словаре:

nämlich (не несёт фразового ударения) I *сj adv* (в значении пояснения сказанного и указания на причину) дело в том, что...; ведь; er kann

¹ Естественно, в словаре учитываются только нормативные словоупотребления, а не эксплуатационные сдвиги (по П. Хэнксу).

heute nicht kommen, er ist ~ krank он не (с)может сегодня прийти, дело в том, что он болен; nach allem, was passiert war, hatte ich ~ noch keinen großen Appetit после всего, что было, есть мне по понятным причинам как-то ещё не хотелось II *cj* а именно, то есть; es ist nur an einem Tag im Jahr möglich, ~ an Weihnachten это возможно только раз в году, а именно на Рождество; *может обособляться в самостоятельное высказывание*: – Das Gerät ist in mehrfacher Hinsicht gut. – ~? – Прибор хорош для нескольких целей. – Каких именно? III *prtc* вот, знаешь; ich habe ~ eine Bitte an dich знаешь, у меня к тебе просьба; das war ~ so это было вот так.

Заключительные замечания

Какие новые возможности открывает понятие типов информации для двуязычной лексикографии? Во-первых, оно помогает структурировать словарную статью, выделяя в ней зоны и подзоны для записи информации определенного типа. Также благодаря этому понятию определяется и унифицируется метаязык описания: для двуязычного словаря это разные типы помет и комментариев. Во-вторых, каждый отдельно взятый тип информации требует выделения определенной группы слов, объединяемой тем или иным признаком (ср. лексикографический тип по Ю.Д. Апресяну). В-третьих, ориентированность на типы информации позволяет рассматривать двуязычный словарь не как набор отдельных лексических единиц с их переводами на другой язык, а как результат сопоставления лексических систем двух языков. Из этого следует, что с помощью понятия типов информации двуязычная лексикография вводится в сферу академической науки.

Литература

1. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
2. Engelberg St. Gegenwart und Zukunft der Abteilung Lexik am IDS: Plädoyer für eine Lexikographie der Sprachdynamik // M. Steinle, Fr. J. Berens (Hrsg.). Ansichten und Einsichten. 50 Jahre Institut für Deutsche Sprache. Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2014. S. 243–253.
3. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 260–300.
4. Фесенко О.П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 82–98.

5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складывевой. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

6. Лукьянова Н.А. Рец. на кн.: Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / авт.-сост. Г.Н. Складывева, Е.Ю. Ваулина, И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская; под ред. Г.Н. Складывевой. М.: Эксмо, 2006. 1136 с. (Библиотека словарей) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 120–122.

7. Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren. Bd 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin; New York: De Gruyter, 2003. 823 s.

8. Breindl E., Volodina A., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren. Bd 2: Semantik. Berlin; New York: De Gruyter, 2014. 1327 s.

9. Grieve J. A Dictionary of Contemporary French Connectors. New York: Routledge, 2016. 544 p.

10. Métrich, R., Faucher Eu. Wörterbuch deutscher Partikeln. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. 1036 s.

11. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии. // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 33–160.

12. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

13. Meliss M. Wörterbücher von heute und morgen. Überlegungen zu lexikographischen Benutzersituationen im zweisprachigen Kontext: Spanisch-Deutsch // M.J. Domínguez Vázquez, E. González Miranda, M. Meliss, V. Millet (Hrsg.). La palabra en el texto. Festschrift für Carlos Buján. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 2011. S. 267–300.

14. Sava D. Überlegungen zu einem neuen zweisprachigen phraseologischen Wörterbuch Deutsch–Rumänisch // Lexikos. 2017. Vol. 27. S. 457–477.

15. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

16. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // Language. 2010. № 86 (3). P. 663–687.

17. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

18. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма / отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 145–175.

19. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005. С. 263–296.

20. Duden online. URL: <https://www.duden.de> (Accessed: 11.12.2018).

21. DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). URL: <http://www.dwds.de> (Accessed: 11.12.2018).

22. Апресян В.Ю. Семантика и ее рефлекс у наречий усилия и малой степени // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 16–34.

23. Зельдович Г.М. Наречия *едва* и *еле*: возвращаясь к теме // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 114–123.
24. Hanks P., Bradbury J. Why do we need pattern dictionaries (and what is a pattern dictionary anyway)? // Kernerman Dictionary News. 2013. Vol. 21. P. 27–31.
25. Francis G., Hunston S., Manning E. Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs. London ; Glasgow : HarperCollins, 1996. 512 p.
26. Francis G., Hunston S., Manning E. Collins COBUILD Grammar Patterns 2: Nouns and Adjectives. London ; Glasgow : HarperCollins, 1997. 608 p.
27. Hunston S., Francis G. Pattern Grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2000. 288 p.
28. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 272 p.
29. Goldberg A. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford : Oxford University Press, 2006. 290 p.
30. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Cambridge, MA : MIT Press, 2013. 478 p.
31. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.12.2018).

On Information Types in a Bilingual Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 38–58.

DOI: 10.17223/22274200/16/3

Vladimir I. Karpov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: wi.karpov@gmail.com

Dmitrij O. Dobrovol'skij, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Stockholm University (Stockholm, Sweden). E-mail: dobrovolskij@gmail.com

Vitaly A. Nuriev, Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nurieff.v@gmail.com

Keywords: bilingual lexicography, information types, cross-linguistic equivalence, German, Russian.

The article aims to make an inventory of the information types that an academic bilingual dictionary (i.e. a dictionary providing reliable information on lexical systems of the two contrasted languages) should contain. Empirical data were collected from the *New German-Russian Comprehensive Dictionary* (in three volumes, edited by D. Dobrovol'skij) and the upcoming *Active German-Russian Dictionary*. The authors argue that not only should the data get updated in dictionaries, but the principles of their structuring have to be regularly reconsidered in order to make them consistent with the trends in contemporary linguistic studies too. Today, we see quite clearly what types of lexicographic information an academic explanatory dictionary should contain; hence, there is an obvious need to adapt these principles to bilingual dictionaries. The specific feature of a bilingual dictionary is that it has to take into account the specificities of both the source language L1 and the target language L2. Describing types of

lexicographic information, relevant for a bilingual dictionary, the authors take into account the need: (1) to ensure a systematic description of the words of the same lexicographic type; (2) to reveal and record relevant characteristics of a word's formal behaviour, namely, its capacity to carry the phrase stress, the word's defective paradigm along with its inability to have some grammatical forms in certain meanings, etc. Information types of most interest and importance appear to be the following: (i) pronunciation particularities (including the accent allocation of the word's components and the phrase stress); (ii) grammatical characteristics; (iii) differentiation of meanings and translation of lexemes (i.e. cross-linguistic functional equivalence and the means to record it). Methodologically, this study relies on Ju.D. Apresjan's lexicographic works. Two principles he devised are central to dictionary of any kind: the principle of integrated description of a language (i.e. description in which the dictionary is tuned to grammar, and grammar to the dictionary) and the systematicity principle. According to the integration principle, any case in which the grammatical behaviour of a lexeme does not follow regular rules should be registered in a dictionary entry. Applying these principles in bilingual lexicography encounters additional difficulties; cf., for example, the cases in which two compared units of L1 and L2 show significant differences in their syntactic behaviour. The concept of information types opens up new perspectives in bilingual lexicography. First, it helps to structure a dictionary entry by dividing it into zones and sub-zones for registering information of a given type, which serves to unify the metalanguage of description. Second, for each information type, there should be a corresponding group of words that have a certain feature in common, i.e. when specifying an information type, there also arises a need to specify what words it characterizes, hence to define a group of words with a given common feature. Third, once we take into consideration different information types, a bilingual dictionary, then, becomes a result of contrasting lexical systems of two languages rather than just an inventory of lexical units and their translations. With this concept, bilingual lexicography enters the field of academic research.

References

1. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proyekt "Kataloga semanticheskikh perekhodov" [Semantic derivation in synchrony and diachrony: project of the "Catalog of semantic transitions"]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 13–25.
2. Engelberg, St. (2014) Gegenwart und Zukunft der Abteilung Lexik am IDS: Plädoyer für eine Lexikographie der Sprachdynamik. In: Steinle, M. & Berens, Fr. J. (eds) *Ansichten und Einsichten. 50 Jahre Institut für Deutsche Sprache*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. pp. 243–253.
3. Rey, A. & Delesalle, S. (1983) Problemy i antinomii leksikografii [Problems and conflicts lexicographical]. Translated from French by I.Yu. Dobrokhotoва. In: Zevakhina, T.S. & Gorodetskiy, B.Yu. (eds) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. 14. Moscow: Progress. pp. 260–300.
4. Fesenko, O.P. (2016) Computer dictionary of phraseological units of friendly letters of Pushkin's time: a project of a discursive dynamic dictionary. *Voprosy*

leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 1 (9). pp. 82–98. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/6

5. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovyye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, Folio-Press.

6. Luk'yanova, N.A. (2007) Rets. na kn.: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka: Aktual'naya leksika* / avt.-sost. G.N. Sklyarevskaya, Ye.Yu. Vaulina, I.O. Tkacheva, Ye.A. Fiveyskaya ; pod red. G.N. Sklyarevskoy. M.: Eksmo, 2006. 1136 s. (Biblioteka slovarey) [Book Review: Sklyarevskaya, E.Yu. Vaulina, E.Yu., Tkacheva, I.O. & Fiveyskaya, E.A.. (2006) Explanatory Dictionary of the Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Relevant Vocabulary. Edited by G.N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo. 136 p. (Library of Dictionaries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya*. – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology. 2 (6). pp. 120–122.

7. Pasch, R. et al. (2003) *Handbuch der deutschen Konnektoren*. Bd 1. Berlin; New York: De Gruyter.

8. Breindl, E., Volodina, A. & Waßner, U.H. (2014) *Handbuch der deutschen Konnektoren*. Bd 2. Berlin; New York: De Gruyter.

9. Grieve, J. (2016) *A Dictionary of Contemporary French Connectors*. New York: Routledge.

10. Métrich, R. & Faucher, Eu. (2010) *Wörterbuch deutscher Partikeln*. Berlin; New York: De Gruyter.

11. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2006) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 33–160.

12. Dobrovol'skiy, D.O. (2013) *Besedy o nemetskom slove. Studien zur deutschen Lexik* [Conversations about the German Word. Studien zur deutschen Lexik]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

13. Meliss, M. (2011) Wörterbücher von heute und morgen. Überlegungen zu lexikographischen Benutzersituationen im zweisprachigen Kontext: Spanisch-Deutsch. In: Domínguez Vázquez, M.J. et al. (eds) *La palabra en el texto. Festschrift für Carlos Buján*. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela. pp. 267–300.

14. Sava, D. (2017) Überlegungen zu einem neuen zweisprachigen phraseologischen Wörterbuch Deutsch–Rumänisch. *Lexikos*. 27. pp. 457–477.

15. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka. pp. 265–304.

16. Haspelmath, M. (2010) Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*. 86 (3). pp. 663–687.

17. Gak, V.G. (1998) *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.

18. Zolotova, G.A. (ed.) (1974) *Sintaksis i norma* [Syntax and Norm]. Moscow: Nauka. pp. 145–175.

19. Dobrovol'skiy, D.O., Kretov A.A. & Sharov, S.A. (2005) *Korpus parallel'nykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [Corpus of parallel texts:

architecture and possibilities of usage]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow: Indrik. pp. 263–296.

20. *Duden online*. [Online]. Available from: <https://www.duden.de>. (Accessed: 11.12.2018).

21. *DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)*. [Online]. Available from: <http://www.dwds.de>. (Accessed: 11.12.2018).

22. Apresyan, V.Yu. (1997) Semantika i yeye refleksy u narechiy usiliya i maloy stepeni [Semantics and its reflexes in adverbs of effort and a small degree]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 16–34.

23. Zel'dovich, G.M. (1999) Narechiya yedva i yele: vozvrashchayas' k teme [Adverbs yedva and yele: returning to a subject]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 114–123.

24. Hanks, P. & Bradbury, J. (2013) Why do we need pattern dictionaries (and what is a pattern dictionary anyway)? *Kernerman Dictionary News*. 21. pp. 27–31.

25. Francis, G., Hunston, S. & Manning, E. (1996) *Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs*. London; Glasgow: HarperCollins.

26. Francis, G., Hunston, S. & Manning, E. (1997) *Collins COBUILD Grammar Patterns 2: Nouns and Adjectives*. London; Glasgow: HarperCollins.

27. Hunston, S. & Francis, G. (2000) *Pattern Grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

28. Goldberg, A. (1995) *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.

29. Goldberg, A. (2006) *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.

30. Hanks, P. (2013) *Lexical Analysis: Norms and Exploitations*. Cambridge, MA: MIT Press.

31. *Russian National Corpus*. [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 11.12.2018).

УДК 81'374: 821.161.1

DOI: 10.17223/22274200/16/4

И.А. Тарасова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ФОРМАТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Представлено теоретическое осмысление результатов лексикографирования ключевых слов поэзии Георгия Иванова, выполненного в формате авторского словаря-тезауруса. Предполагается, что словарная статья данного типа может быть рассмотрена как лексикографическая форма представления индивидуально-авторских концептов. Зонная организация словарной статьи позволяет эксплицировать различные слои концепта и отразить его основные содержательные признаки.

Ключевые слова: поэтическая лексикография, словарь-тезаурус, художественный концепт, поэзия Георгия Иванова.

За более чем столетие историю своего существования авторская лексикография накопила значительный опыт в области составления словарей языка писателя. Этот опыт концептуально осмыслен в обобщающем исследовании Л.Л. Шестаковой [1], предложившей универсальную типологию авторских словарей. По типологии Л.Л. Шестаковой созданный нами «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» [2] относится к монографическим объяснительным дифференциальным словарям с научно-описательной ориентацией. Поскольку он включает различные параметры описания ключевых лексем (статистический, семантический, грамматический, стилистический, словообразовательный), его можно квалифицировать как комплексный (многопараметровый).

В процессе работы над словарем некоторые предварительные теоретические положения авторской идеи нового типа словаря были артикулированы. Так, был декларирован приоритет семантического критерия при выборе ключевых слов; названы лексемы, претендующие на статус ключевых в идиостиле Г. Иванова; представлена зонная структура словарной статьи; высказано предположение о потенциале каждой из зон (гнездования, толкования и тезауруса) в экспликации концептуального содержания [3]. Другими словами, рассмотрению подвергались состав и структура словаря.

Наиболее полно проект словаря представлен в разделе «Лексикографическое описание индивидуальной концептосферы» монографии автора [4]. Находясь на этапе кристаллизации замысла комплексного поэтического словаря, автор обсуждает спорные моменты лексикографической техники: вопрос о базовых единицах словаря (экспрессема – идеологема – ключевое слово), типологию художественных значений в их словарном представлении, возможности лексикографирования индивидуально-авторских символов. Последнему вопросу была посвящена отдельная публикация [5]. Исходя из номинативного употребления как основной формы проявления поэтической символики, автор признает, что во многих случаях указание на символический смысл предполагает изначальное *знание* (опирающееся на контекст творчества) о его существовании у идиостилевой константы. Иначе говоря, эта процедура требует от лексикографа определенной смелости. Именно невыводимость символического смысла из узкого контекста и – следовательно – проблематичность его словарной фиксации стали впоследствии предметом научной дискуссии.

В окончательном варианте словаря авторская концепция, сохранив свои основные контуры, предстала в уточненном в ходе лексикографирования виде: существенный перевес образных употреблений над прямономинативными потребовал усилить внимание к лингвопоэтической квалификации микроконтекстов, что, в свою очередь, способствовало выдвиганию в фокус внимания стилистических особенностей *ключевого слова*, а не содержательных компонентов концепта, как предполагалось изначально. Указанные изменения первоначального замысла отражены в вводной части словаря – «Предисловии» [6]. Адресованное пользователю, оно содержит объяснение типологических черт словаря (дифференциальный, толковый, с элементами тезауруса), его идеологических истоков (семантические принципы словаря языка писателя, разработанные Б.А. Лариным; опыты тезаурусного описания И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, С.Е. Никитиной). Подробная характеристика макроструктуры и микроструктуры словаря сопровождается весьма разветвленным перечнем помет и условных обозначений. О концепте в «Предисловии» речь вообще не идет: оставляя этот термин для специалистов, составитель предлагает читателю прикоснуться к дальнейшему значению *слова*.

Результаты обсуждения готового лексикографического труда и его переиздание [7] побудили нас обратиться к некоторым методологиче-

ским вопросам поэтической лексикографии, в числе которых важнейшим представляется вопрос о соотношении языковых форм и выражаемого ими поэтического смысла (художественного концепта) [8]. В отличие от упомянутых выше работ нас будут интересовать не проблемы лексикографирования идиоспецифичной лексики (ключевых слов), а возможности концептуальной интерпретации апробированной словарной формы.

Представляется, что возможно говорить о нескольких типах соотношения форма / смысл в лексикографических изданиях: 1) фиксируется только языковая информация (словоуказатели, конкордансы, словари цитат, отдельных образных средств и другие словари фиксирующего типа); 2) содержательная интерпретация языковых форм ориентирована на ближайший контекст (традиционные толковые словари языка писателя); 3) используется путь от понятия, концепта к слову как их репрезентанту (идеографические словари, словари-тезаурусы); 4) изолированное от языковых форм преподнесение концептуальной, идеологической и другой содержательной информации (словари энциклопедического типа). Если придерживаться этой типологии, то созданный нами «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» как толково-идеографический словарь принадлежит к смешанному типу: в нем осуществляется переход от слова к идеологеме, концепту художественного мира, хотя связь «ключевое слово – концепт» не представлена в Словаре в явном виде.

Понятие художественного концепта относится к числу базовых терминов когнитивной поэтики [9]. Однако активное употребление этого термина еще не гарантирует однозначности его понимания. Мы определяем художественный концепт как сложное ментальное образование, принадлежащее индивидуальному сознанию, закрепляющее авторское представление об объектах поэтического мира. В то же время, аккумулируя накопленные поэтическим дискурсом художественные смыслы, концепт – в качестве универсального художественного опыта – принадлежит «психоментальной сфере этнокультурного сообщества» [10. С. 41], что сближает его с концептом культуры.

В результате этой двойственности, обращенности – одновременно – и к сфере индивидуального сознания, и к сфере коллективного предзнания художественный концепт, с одной стороны, обладает всеми свойствами лингвокогнитивных концептов, представляющих собой «оперативные содержательные единицы памяти, ментального

лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11. С. 90]. С другой стороны, вписанность индивидуально-авторского сознания в культурный контекст позволяет моделировать художественный концепт с опорой на слои концепта культуры – образный, понятийный, оценочный, символический [12. С. 134].

Однако на фоне культурных концептов индивидуальные художественные концепты отличаются большей степенью специфичности, воплощая в своей природе диалектику общего и особенного. Как справедливо отмечает Ю.Д. Тильман, «художник не просто использует, а по-своему осмысляет выработанные в культуре концепты, он как бы заново переоткрывает содержание концепта: из многообразного спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все – на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков, которые при обживании концепта автор последовательно проводит, используя различные средства лингвокреативной техники» [13. С. 203].

Между концептом культуры и авторским художественным концептом возможно и более сложное соотношение: поэт может заново переосмысливать содержание культурного концепта, наполнять его характеристиками (вырастающими из индивидуально-авторских ассоциаций), которые данному концепту в общем-то не свойственны (ср., например, *торжество* или *сияние* у Г. Иванова). Словарное представление таких индивидуально-авторских концептов позволяет продемонстрировать не только авторские способы вербализации концептов культуры, но и специфику художественного мира писателя.

Цель созданного нами «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова» – дать в руки исследователям творчества этого известного русского поэта структурированный материал для реконструкции концептов художественного сознания. При этом способ подачи материала – структура словарной статьи – отчасти сама является интерпретацией концептуального содержания, отчасти ее подготавливает.

Концепт – единица ментального плана, т.е. идеальная, непосредственно не наблюдаемая. Проникнуть в поэтическую концептосферу художника исследователь может, только опираясь на вербальные репрезентации концептов, их текстовую экспликацию. В концепции словаря мы исходим из того, что основным способом репрезентации индивидуально-авторских концептов являются ключевые слова. Ключ-

ческое слово трактуется нами как вход в ментальное пространство языковой личности писателя. Ключевые слова отражают наиболее важные категории авторского мышления и мировоззрения, поэтому они всегда ценностно окрашены. Напомним, что именно ценностная составляющая является концептообразующей [12].

Как правило, ключевые слова обладают высокой относительной частотой в лексиконе поэта. На подготовительном этапе нами были составлены частотный и алфавитно-частотный словари поэзии Георгия Иванова, получены ранжированные списки словоформ, приведенных впоследствии к исходной форме. Предварительный круг ключевых слов был уточнен в результате сопоставления с общезыковыми частотными словарями, а также имеющимися частотными словарями других современных Г. Иванову авторов. Однако статистический параметр в определении списка ключевых слов, хотя и весьма значимый, не являлся для нас основополагающим. На первое место выдвигались структурный (деривационная активность, склонность к тропеическим преобразованиям) и смысловой критерии. Проявления последнего многообразны: это и вхождение ключевых слов в основные оппозиции языка писателя, и связь с категориальными основами мироощущения, многозначность (многозначность), символичность и др. Претенденты на роль ключевых слов должны подвергаться явным индивидуально-авторским преобразованиям (*сияние, торжество*), переосмысливаться в плане традиционной символики (*закат, заря, звезда*). Именно приверженность смысловому критерию как решающему предопределило наш выбор ключевых слов как заголовочных. В результате для словаря поэзии Георгия Иванова нами были отобраны 25 ключевых слов, включающие разные типы лексем:

- частотные в русском языке XX в. и в творчестве Г. Иванова: *жизнь, дом* (первое входит в центральную оппозицию *жизнь / смерть*, второе связано с основными категориальными началами поэтического мира: *Россия, вечность*);
- частотные в русской поэтической традиции и в творчестве Г. Иванова: *душа, звезда, черный, весна, снег*;
- частотно маркирующие именно идиолект Г. Иванова: *роза, музыка, синий, лететь*;
- не отличающиеся собственной высокой частотой, но входящие в разветвленные гнезда однокоренных слов, т.е. обладающие совокупной высокой частотой как гиперлексем: *вечность, смерть, Россия*;

- не обладающие высокой частотой и деривационным потенциалом, но чрезвычайно значимые в плане характеристики концептуальных особенностей поэтического мира Г. Иванова, мировоззренческих установок поэта: *Бог, рай, ад, поэзия, судьба*;

- слова с ярко выраженной индивидуально-авторской символикой: *нежный, сияние, торжество, закат, заря*.

Решающее значение при выборе ключевых слов имел тот факт, что мы стремились представить их как иерархически организованную микросистему. На вершине этой иерархии находятся основные категории поэтического мира Г. Иванова – *жизнь, смерть, вечность*. Непосредственно с ними связаны чрезвычайно значимые для автора абстрактные понятия *счастье, судьба, поэзия*. Специфика авторского мировидения отражается также в идеологемах *Бог, ад, рай, душа, Россия*. Наконец, на третьей ступени иерархии находятся предметные концепты, символическая значимость которых соотносит их с концептами более высоких уровней – *весна, дом, закат, заря, роза* и др.

При всей важности ключевого слова как основного репрезентанта авторского концепта все многообразие концептуального содержания не может быть выражено им одним. Концепт – единица доязыкового и над-языкового уровня, его лексические репрезентанты дают только разную степень приближения к этой содержательной форме.

Полиапеллируемость как свойство базовых концептов [14. С. 38] отражается в словаре на разных уровнях. Способом расположения материала в словаре является алфавитно-гнездовой: ключевые слова расположены по алфавиту, однако внутри словарной статьи располагаются статьи более низкого, как называемого вложенного уровня, применяющие заданные лексикографические параметры к однокоренным лексемам. Например, внутри словарной статьи с заголовочным словом *жизнь* помещено 14 статей родственных слов: *полужизнь, живой, неживой, зажить, прожить* и др. При этом заголовочное слово не обязательно является вершиной словообразовательного гнезда: статус заголовочного получает единица поэтического языка, наиболее полно отражающая содержание соответствующего концепта (*жизнь, сияние*), хотя формальные отношения производности могут быть иными (*жить* → *жизнь*; *сиять* → *сияние*). Словарная статья может включать слова, не связанные с точки зрения синхронного подхода отношениями производности, но обладающие явной общностью

концептуального содержания (*смерть* – *мертвый* – *умереть*). Очевидно, что этимологический исток этого концепта один.

Нами замечено, что ключевое слово в значительной степени предопределяет семантику производных, что позволило широко использовать отсылочные толкования. Например, в семантической структуре лексемы «сиянье» выделяется пять значений, четыре из которых:

- 1) яркий, сильный свет, излучаемый или отражаемый чем-либо;
- 2) символ вечности и смерти;
- 3) Божественный свет;
- 4) свет вдохновения,

соотносятся со значениями членов гнезда.

Так, у глагола *сиять* кроме прямого значения зафиксировано символически осложненное значение 2: ‘излучать яркий свет, предвещая смерть’, соотносимое с аналогичным вторым значением существительного *сияние*. Причастие *сияющий* в своей семантической структуре содержит отсылки к этому значению глагола (‘несущий смерть, связанный со смертью’) и третьему и четвертому символическим значениям существительного: ‘исходящий из области сияния → сияние 3, 4’ [2. С. 162].

Семантика производных может служить дополнительным аргументом в случае выделения той или иной символической ассоциации. Так, символическое значение ключевого слова *снег* «начало, связанное со смертью, несущее смерть» поддерживается семантической рифмой производного прилагательного *белоснежный*: *белоснежном* – *неизбежном* («*Стоят сады в сиянье белоснежном, И ветер шелестит дыханьем влажным. – Поговорим с тобой о самом важном, О самом страшном и о самом нежном, Поговорим с тобой о неизбежном*»).

Осмысление отмеченных закономерностей на уровне вербализации позволило предположить, что номинальной единицей оязыковления концепта является гиперлексема – корневая, семантически нагруженная часть родственных слов, взятая в отрыве от их грамматических характеристик. Возможно, именно гиперлексема как семантический инвариант кодирует концепт в языковом сознании писателя.

Гнездовое расположение материала позволяет продемонстрировать довербальный характер концепта как ментального образования, основные признаки которого существуют до их языкового воплощения и требуют для своей реализации не одной, а нескольких единиц.

Однако с учетом постулата когнитивной семантики о первичном характере идеальных форм и их нежесткой (а иногда и необязательной) связи с одной языковой оболочкой наиболее адекватным выразителем ментальных феноменов признается комплексная языковая единица – ассоциативно-смысловое поле ключевого слова [15. С. 82]. Это поле объединяет слова, связанные как сильными семантическими отношениями (например, синонимические ряды, антонимические пары), так и более слабыми ассоциативными связями.

Словарная статья в нашем словаре представляет собой семантико-ассоциативное поле, собранное вокруг заголовочной лексемы и упорядоченное по ряду параметров: деривационному, семантическому, синтагматическому, парадигматическому. Иначе говоря, структура словаря может быть представлена как совокупность нескольких зон: зоны гнездования, отражающей деривационный параметр (см. выше), зоны толкования, соотносящейся с семантическим параметром, и зоны тезауруса, фиксирующей синтагматические и парадигматические связи ключевой единицы.

Под тезаурусом понимается тип идеографического словаря, в котором в явном виде заданы семантические отношения между словами. Средством экспликации этих отношений выступают так называемые тезаурусные функции, соотносящие аргумент (в нашем случае – ключевое слово) и значение функции – синтагматический и / или парадигматический партнер ключевого слова на массиве текстов Г. Иванова. Данные функции были разработаны проблемной группой И. Мельчука – А. Жолковского для целей автоматического синтеза текстов на естественном языке и использованы впоследствии в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» [16]. Идея лексических функций была развита С.Е. Никитиной и модифицирована для описания слов-концептов народной культуры [17]. Тезаурусные функции подразделяются на два вида: синтагматические, фиксирующие ближайших синтаксических партнеров слова, и парадигматические. Последние представляются особенно важными для уточнения концептуальных связей в поэтической картине мира.

Глубина семантики поэтического слова и его системный характер раскрываются не только через синтагматические параметры, ориентированные на микроконтекст (субъект – предикат, предикат – объект, признак – носитель признака и др.), но и через парадигматические функции, характеризующие весь корпус поэтических текстов

автора. К ним относятся общеязыковые синонимы и антонимы (*судьба – рок, жизнь – смерть*), контекстуальные оппозиции (*поэт – человек*) и симиляры (*судьба – неизбежность*), перифразы и члены образной парадигмы (*закат – ленты, дивный пурпур богов*), символы (*смерть – черный*) и др.

Например, специфика ключевого слова *весна*, репрезентирующего соответствующий концепт, у Г. Иванова заключается не только в его синтагматических связях с прилагательными: *милая, ранняя, дождливая, вечная, удушливая* (синтагматическая функция «эпитеты»), глаголами, сигнализирующими об олицетворенности этого поэтического объекта: *пришла, спустилась в мир, ничего не сказала, опечалила* (синтагматическая функция «предикаты»), но и в его вхождении в парадигматические группировки (функции «симиляры», «оппозиции»). Квазисинонимические и квазиантонимические отношения устанавливаются не столько на основе номинативного, сколько на основе символического значения ключевой лексемы. Так, в поэтическом мире Г. Иванова симилярами символа *весна* являются *роза* (символ любви и красоты), *звезда, тишина, ночь, сиянье, музыка* (символы смерти); в качестве оппозиции ключевого слова выступают *снежная тюрьма* (символ родины), *эфир, лед* (символы вечности).

Вообще отсылка к символическому слою концепта осуществляется в словаре в разных зонах – зоне тезауруса – через функцию «символы» у концептов абстрактных номинатов (смерть – символы: *черный, звезда, снег, музыка, ночь* и др.); в зоне толкования – у ключевых слов, обладающих символическим значением. Фиксация этого значения – не традиционного, а именно индивидуально-авторского – основное принципиальное отличие семантизации ключевых лексем в нашем словаре. Их дефинирование опирается на устойчивые, повторяющиеся из текста в текст авторские ассоциации. Иначе говоря, в динамической модели индивидуального концепта символический слой «прорастает» из ассоциативного, текст же только подсказывает читателю (через регулятивные средства), в каком направлении следует искать авторский смысл.

Например, в стихотворении «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...» ключевое слово употребляется несколько раз – в контактном и дистантном повторе. Проходя через текст, оно «поглощает» смыслы других некрологических образов (*гроб, закат, ночь*). Смысловая перспектива задается интертекстуальными перекличками с балладой

В. Жуковского «Ночной смотр» («В двенадцать часов по ночам из гроба встает барабанщик...»). В этом семантически плотном текстовом пространстве лексема «сиянье» выделяется композиционно (сильная позиция начала стихотворения), графически (точкой) и синтаксически (бытийное предложение), приобретая в конечном счете качества индивидуально-авторского символа. Это значение индуцируется и в других текстах Г. Иванова, что свидетельствует об устойчивости авторской ассоциации сиянье – смерть, а следовательно, о ее закреплении в символическом слое концепта.

Чрезвычайно важную информацию о специфике образного видения поэта несет тезаурусная функция «ассоциаты», собирающая объекты поэтического мира, связанные с одной ситуацией, раскрывающая суггестивный потенциал заголовочной лексемы. На ассоциативной связи держится цепь образов *весна – солнце – оттепель – прохлада – меланхолия – счастье* в раннем творчестве Г. Иванова. Выступая в символической функции, слово *весна* у позднего Г. Иванова сопровождается другим ассоциативным комплексом: *умереть, призрак, смерть, чернеть, синий*.

Фоносемантические связи ключевого слова фиксируются при помощи функции «семантическая рифма» (*вечность – бесконечность*) и «паронимические аттрактанты» (*музыка – мука*). Актуализация этих связей может свидетельствовать в пользу предположения о фонетической составляющей поэтических концептов.

Анализ материалов словаря показал, что каждый содержательный сегмент концепта проявляет себя в наборе собственных лексических функций, а вокруг разных смысловых линий, по которым развивается семантика ключевого слова, группируются различные лексические партнеры. В направлении анализа от слова к концепту это означает, что различное заполнение одной и той же (например, атрибутивной) валентности сигнализирует о выделении нового концептуального признака. Так, снег как атрибут вечности маркируется эпитетами *нетающий, почти альпийский*, а снег как знак России характеризуется определением *русский*. Поэтому зона тезауруса находится внутри зоны толкования, сопровождая каждое из значений многозначного слова, позволяя реконструировать концепт как личностный смысл, «схваченный» знаком.

Зонная организация словарной статьи позволяет эксплицировать различные слои концепта и отразить его основные содержательные признаки.

Структура концепта в нашей модели включает следующие слои:

- предметный слой, который содержит представление (ментальную картинку);
- понятийный слой, фиксирующий логическую интерпретацию художественной реальности;
- образно-ассоциативный, отражающий связь объектов художественного мира в смысловом поле авторского сознания;
- символический, задающий отношения между концептами конкретных и абстрактных номинаций;
- ценностно-оценочный, в котором заключена оценка изображаемого явления, его связь с основными категориями мироощущения писателя, базовыми национальными ценностями.

Для концептов художественного сознания особенно актуально утверждение И.А. Стернина о том, что концепт рождается как образ и этот образ продолжает оставаться его ядром [18. С. 70]. Среди ключевых слов поэзии Г. Иванова нами отмечены номинаты предметных концептов, средствами кодирования которых с большой долей вероятности можно считать ментальный образ. Например, концепт *роза* репрезентирован художественному сознанию Георгия Иванова в виде набора перцептивно воспринимаемых признаков разных модальностей:

- зрительной (*«И видим мы, склоненные к ручью, Полуденные розы Туркестана»*);
- обонятельной (*«Но мне почудилось благоуханье роз...»*);
- вкусовой (*«Что слаще – запах красных роз Иль шорох туфелек атласных?»*).

Понятийный компонент концепта эксплицируется словарными определениями («Роза. Декоративное растение с красивыми душистыми цветами» [2. С. 128]). Определяющими для понятийного компонента концепта оказываются когнитивные признаки ‘растение’, ‘цветок’, ‘красивый’, ‘запах’. В поэтическом сознании Г. Иванова именно когнитивный признак ‘красивый’ становится основой возникновения символического значения: «Роза – символ земной красоты, вечной любви и жизни» [2. С. 132].

Зона толкования предоставляет богатый материал для реконструкции образного и ценностно-оценочного слоев концепта. Оценка выражается словами с оценочным значением или оценочными коннотациями, вмонтированными в структуру словарного толкования либо

содержащимися в поэтических цитатах. Например, ценностно-оценочный слой концепта *роза* неоднороден. Положительная эстетическая оценка выражается прилагательным «красивый». Наряду с этим в позднем творчестве Г. Иванова актуализируется отрицательная утилитарная оценка художественного денотата: «*Опускайся на самое дно океана Беспольною, черною розой горя!*». Связь с категорией смерти актуализируется символическим цветовым прилагательным *черный*.

Специальные пометы используются для экспликации образного слоя концепта. С лингвистических позиций образным считается употребление, в котором соотносятся два поэтических денотата, выступающие на языковом уровне как художественное целое. К лингвистическим образам относятся такие тропы, как олицетворение, метафора, метонимия, метаморфоза, сравнение.

На когнитивном уровне образный компонент концепта может быть представлен в виде ряда метафорических моделей (точнее, идеализированных когнитивных моделей, если следовать терминологии Д. Лакоффа [19]). Например: «*Лунатик в пустоту глядит, Сиянье им руководит, Чернеет гибель снизу*» (метафорическая модель сияние – персона, языковая форма проявления – олицетворение); «*О, высок, весна, высок твой синий терем...*» (метафорическая модель весна – девушка, языковая форма проявления – метафора). В словарной статье образные употребления дифференцируются на основе языковых способов их проявления (метаморф. – субъект метаморфозы; метон. – метонимически; в олицетв. – в олицетворении и т.п.), однако для моделирования авторских концептов важны не столько лингвистические формы выражения метафорической модели, сколько образный инвариант, к которому они относятся. Именно этот инвариант является элементом образного (тропеического) слоя концепта, наряду с ментальными образами, примыкающими к предметному ядру (например, *луна, закат, заря, губы, маяк* – для концепта *роза*).

Анализ словарных статей концептов разных типов убеждает в том, что тип концепта – это не черный ящик: он выводится из особенностей его вербализации. В какой-то мере на него указывают задействованные в описании тезаурусные функции.

Предметные концепты с чувственным ядром вербализуются лексикой конкретного значения (*роза, звезда, закат, заря, снег* и др.). В основе тропеического употребления этих лексем лежит сравнитель-

но небольшое количество образных парадигм (роза – живое существо, роза – свет, роза – огонь и т.п.), однако эти парадигмы легко вычлениваются из текста, будучи выражены сравнением, сравнением-метафорой, метаморфозой (*вечерним светом я <роза> скоро стану, синей розой погибающий светит маяк, задыхайся, душа, и сгорай, как закатные розы горят*). Отсюда – заполняемость таких лексических функций, как образ сравнения, субъект сравнения, объект метаморфозы. Наиболее значимые для автора постоянные ассоциации, носящие в большинстве случаев традиционный характер, служат базой для реконструкции символическом слое концепта (роза – красота, роза – смерть, роза – поэтическое творчество). Фактически все ключевые слова, репрезентирующие концепты предметного типа, являются у Георгия Иванова словами-символами. Функции «симиляры» и «оппозиты» заполняются именно для символических значений ключевых лексем. Так, симилярами *заката* как символа гибели являются *ночь, тьма, осень, черный* и др., оппозитами *розы* как символа земной красоты, вечной любви и жизни – *тьма, ночь, полночь, лед*.

Концепты-гештальты вербализуются абстрактной лексикой (*жизнь, смерть, судьба, вечность* и др.). К репрезентантам этих концептов применяются лексические функции «синонимы» и «антонимы», не актуальные для предметных концептов. Среди гештальтов выделяются ментальные образования с логическим ядром (типа *жизнь*) и с чувственным ядром (типа *смерть, вечность*). Для первого типа характерно преобладание логически отрефлексированных когнитивных признаков, для второго типа – перцептивных качеств, значительная часть которых фиксируется через функцию «перифразы» (*вечность – тихий дом из синего льда, бездна голубая, междупланетный омут*). Метафорические контексты, эксплицирующие образный слой этих концептов, позволяют реконструировать значительное число поэтических парадигм, к которым обращается автор, «проясняя» абстрактное через конкретное (*жизнь – человек, жизнь – птица, жизнь – сосуд, жизнь – танец* и т.д.). Символический слой концептов представлен традиционными и индивидуально-авторскими образами (*роза, звезда, закат, черный, синий* и др.), которые выступают в качестве перцептов-индексов, указывающих на абстрактную сущность. Очевидно, что сами ключевые слова – номинаты соответствующих концептов – выступают как символизируемое, а не как символизирующее, что предопределяет использование лексической функции

«символы». Другой способ представить абстрактное через конкретное – наделение мыслимых понятий вещными атрибутами (функция «атрибуты»). Например, атрибуты *поэзии* у Г. Иванова – *лира* и *свет*; атрибуты *жизни* – *шум* и *блеск*.

Образно-схематические концепты вербализуются лексикой с пространственным значением, в том числе глаголами перемещения. Из концептов данного типа в словаре представлен один – *лететь*. И для общезыкового, и для индивидуально-авторского употребления характерно использование подобных лексем в переносных значениях – для описания психологических состояний («*отлетает страх*», «*счастье улетает*», «*лечу, казалось мне, к тебе, о любовь*»). Вместе с тем в образных контекстах лексемы с пространственным значением способны репрезентировать символический слой концепта (лететь – о приближении смерти, путешествии в вечность). Пространственный характер концепта специфицирует лексическая функция «локус».

Эмоциональные концепты эксплицируются именами чувств и эмоций (любовь, счастье, тоска и т.д.). В словаре встречается только один концепт подобного типа – *счастье*. Наряду с номинативным употреблением, для лексем – номинатов эмоций характерно вхождение в традиционные метафорические модели (счастье – птица, счастье – жидкость, счастье – свет и т.п.), что сближает эмоциональные концепты с гештальтами. Как и концепты абстрактных номинаций, *счастье* имеет антоним – *несчастье* и вещные атрибуты: *головокружение*, *сумрак*.

Таким образом, особенности концептов разного типа отражаются в активности тех или иных тезаурусных функций. Последние особенно важны для выявления когнитивных признаков концепта, т.е. тех глубоко залегающих ментальных единиц, которые, будучи выражены целым рядом языковых форм, предопределяют повторяющиеся компоненты в их семантике и особенности употребления в синтагматически отмеченных структурах (например, когнитивный признак «объект, обладающий пространственной локализацией» для концепта *вечность*).

Представляется, что описание ключевых слов, выполненное в формате толкового словаря с элементами тезауруса, дает наиболее адекватное представление о концептуальной системе писателя. Словарные статьи являются своеобразными «заготовками» для когнитивных исследований идиостиля, и их интерпретация в когнитивном ас-

пекте продолжит методологически плодотворный междисциплинарный диалог между когнитивной лингвистикой, стилистикой художественной речи и литературоведением.

Литература

1. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория. История. Современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.
2. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И.А. Тарасова. Саратов : Наука, 2008. 208 с.
3. Tarasova I.A. The Ways of Lexicographical Representation of Feature Concepts // Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures / ed. by O. Karpiva, F. Kartashkova. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 235–245.
4. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 280 с.
5. Тарасова И.О. Представлении символов в словаре языка писателя // Миргород. 2016. № 1 (7). С. 73–80.
6. Тарасова И.А. Предисловие // Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И.А. Тарасова. Саратов : Наука, 2008. С. 3–16.
7. Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова : словарь-справочник. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
8. Тарасова И.А. Между экспрессемой и идеологемой: о путях развития поэтической лексикографии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 91–94.
9. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М. : ИНФРА-М, 2018. 166 с.
10. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. 248 с.
12. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Волгоград : Парадигма, 2012. 448 с.
13. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 203–212.
14. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2005. Вып. 4. С. 34–50.
15. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
16. Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл–Текст». М. : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. С. 3–16.

17. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.

18. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.

19. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things... What the Categories Reveal About Mind. The University of Chicago Press. Chicago ; London, 1987. 614 p.

Artistic Concepts in the Format of a Poetic Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 59–76.

DOI: 10.17223/22274200/16/4

Irina A. Tarasova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: tarasovaia@mail.ru

Keywords: poetic lexicography, thesaurus, artistic concept, poetry of Georgiy Ivanov.

The aim of the article is to characterize the lexicographic method of representing artistic concepts. In the study, an artistic concept is a mental unit of an author's consciousness, which embodies his individual notions about objects of the poetic world. The article is based on the material of the *Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry* compiled by the author of this article. The purpose of the dictionary is to provide those who study the poetry of this famous Russian poet with the means for the comprehension of the author's individual artistic concepts, and the way these means are presented – in a form of a dictionary entry structure – helps to interpret the conceptual content of the poetry. The structure of the dictionary entry can be represented as a sum of several zones: clustering zone, referring to the derivational parameter, explicative zone, referring to the semantic parameter, and thesaurus zone, showing syntagmatic and paradigmatic relations of the key unit. The zone structure of the dictionary entry allows explicating different layers of a concept and showing its main properties. The concept includes a figurative layer containing images of objects (mental pictures) as well as some other layers or components, such as: (1) conceptual, which fixes the logical interpretation of the poetic reality; (2) figurative-associative, which reflects the connection between objects in the poetic world of the author's consciousness; (3) symbolic, which sets relations between concepts of abstract and concrete nominations; (4) evaluative, which gives a valuation of a depicted phenomenon and shows the connection with basic categories of the author's attitude to the world and national values. Depending on which component predominates inside a concept, the author of the article differentiates concepts with a logical core (such as "life"), concepts with a figurative core (e.g., "sunset"), spatial concepts (e.g., "flight") and emotional concepts (e.g., "happiness"). The main means of representing individual author's concepts in Ivanov's texts are keywords. A keyword is considered to be more than a word. It is a "bridge" to the mental space of the writer's language personality. Keywords indicate the most important categories of his worldviews. Therefore, representing keywords through dictionary gives the reader the most adequate notions of the author's conceptual system. Even playing an important role as the main representative of the author's concept, a keyword is not the only way to express the variety of the conceptual content. The most adequate exponent of mental phenomena is

a complex linguistic unit – an associative-semantic field of a keyword. The field would include not only the words, which are connected with each other through semantic, linguistic relations, but also through weaker associative ones. The author supposes that the combination of these lexicographic parameters describing a keyword – semantic, derivational, thesaurus – allows one to reconstruct the associative-semantic field of the artistic concept. Artistic concepts possess a substantial degree of individuality, specific and sometimes unique nature. That is why lexical representation of such individual artistic concepts gives an opportunity of the deep understanding of a writer's inward creative world.

References

1. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'* [Russian Author's Lexicography: Theory. History. Modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Tarasova, I.A. (ed.) (2008) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry]. Saratov: Nauka.
3. Tarasova, I.A. (2007) The Ways of Lexicographical Representation of Feature Concepts. In: Karpiva, O. & Kartashkova, F. (eds) *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 235–245.
4. Tarasova, I.A. (2008) *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Idiostyle of Georgiy Ivanov: Cognitive Aspect]. Saratov: Saratov State University.
5. Tarasova, I. A. (2016) O predstavlenii simbolov v slovare yazyka pisatelya [On the representation of symbols in the dictionary of the writer's language]. *Mirgorod*. 1 (7). S. 73–80.
6. Tarasova, I.A. (ed.) (2008) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry]. Saratov: Nauka. pp. 3–16.
7. Tarasova, I.A. (2017) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova: slovar'-spravochnik* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry: A dictionary and a reference book]. Moscow: INFRA-M.
8. Tarasova, I.A. (2002) Between expressema and ideologema: about the ways of poetical lexicography's development. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 6. pp. 91–94. (In Russian).
9. Tarasova, I.A. (2018) *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive Poetics: Subject, terminology, methods]. Moscow: INFRA-M.
10. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 39–45.
11. Kubryakova, Ye.S. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Moscow State University.
12. Karasik, V.I. (2012) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language Matrix of Culture]. Volgograd: Paradigma.
13. Til'man, Yu.D. (1999) "Dusha" kak bazovyy kul'turnyy kontsept v poezii F.I. Tyutcheva ["Soul" as a basic cultural concept in the poetry of F.I. Tyutchev]. In:

Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 203–212.

14. Slyshkin, G.G. (2005) Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. In: Dement'yev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 4. Saratov: Kolledzh. pp. 34–50.

15. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta* [Communicative Stylistics of the Text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

16. Mel'chuk, I.A. (1995) *Russkiy yazyk v modeli "Smysl–Tekst"* [Russian Language in the "Sense-Text" Model]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", Venskiy slavisticheskiy al'manakh. pp. 3–16.

17. Nikitina, S.Ye. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow: Nauka.

18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki.

19. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things . . . What the Categories Reveal About Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1'28

DOI: 10.17223/22274200/16/5

Т.Б. Банкова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИАЛЕКТНОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ¹

Обоснована логика выстраивания процедуры толкования лексических единиц в «Словаре сибирского свадебного обряда», лингвокультурологическом по типу. Показана специфика выявления культурного коннотативного компонента в семантике слова, реализуемой в диалектном высказывании. Из него извлекаются смысловые фрагменты, которые актуальны для разворачивания лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: традиционная культура, диалектный язык, обрядовое слово, свадебный обряд, лингвокультурологический словарь, культурная коннотация, лингвокультурологический комментарий.

Очередной виток развития Томской диалектологической школы связан с поисками новых форматов представления богатейшего материала, собранного ее представителями за вековую историю своего существования. В настоящее время усилия томских языковедов направлены на реализацию пионерного проекта – «Словаря сибирского свадебного обряда» – очередного шага в изучении говоров Среднего Приобья.

Современная диалектная лексикография разворачивается вокруг идеи взаимодействия языка и культуры, следовательно, требующийся для ее реализации новый формат интерпретации изучаемого материала предполагает коррективы логики лингвокультурологического описания. Составляемый словарь – важнейший этап эволюции школы, потому что сосредоточен на решении проблем, связанных со спецификой словотолкования: это выход за границы традиционной семан-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация» (проект № 16-18-02043).

тизации, установление границы между описанием значения слова и его культурной энциклопедической интерпретацией.

Такой подход переводит «Словарь сибирского свадебного обряда» в разряд словарей культуры, обращенных к национальной специфике, объективированной языком.

Сосредоточение на культурном компоненте в семантике слова, представление его в деталях, а затем интерпретация в словотолковании реального бытования лексемы в коммуникативном акте – первостепенная задача словарей, представляющих конкретную лингвокультуру.

Появление фундаментального труда Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (2001) на многие годы определило эталон лингвокультурологического описания. В качестве центральной единицы Словаря избрана константа – концепт русской культуры, устойчивый и постоянный: «...количество их невелико, базовых – четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [1. С. 5]. Авторская интерпретация словарных единиц также стала образцом, на который впоследствии ориентировалась лексикографическая практика.

Взгляд на слово, в семантике которого репрезентировано культурное «содержание», разворачиваемое в лексикографическом описании, предполагает особую процедуру выявления и презентации культурной составляющей значения: традиционные словари, как правило, ее не фиксируют, но она является актуальной для носителя языка. Феномен «культурного» в семантике слова обозначен в лингвистических трудах по-разному: культурная семантика, национально-культурный компонент значения, ассоциативно-культурный фон, культурологическая компонента значения слова и пр.; объединяет их факт использования (лингво)культурологического комментирования, вскрывающего специфику семантики языковой единицы. Этот прием активно применяется в лексикографической практике, является основой толкования, актуализирующего знания о «культурном» бытовании слова в речевой практике национального коллектива. Расширение зоны словотолкования происходит за счет включения в нее дополнительных энциклопедических знаний. В этом плане фундаментальный труд В.И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» является вечным образцом.

Современные словари, соединившие энциклопедический и собственно лингвистический подход в описании материала, используют

лингвокультурологический (или этнолингвистический) комментарий «в качестве основного приема словотолкования, заключающегося в фиксации и интерпретации специфических значений языковых единиц, не фиксируемых толковыми словарями, но объективно существующих в языковом сознании членов лингвокультурной общности» [2. С. 23].

В грандиозном труде «Славянские древности» (1995–2012) [3] явления традиционной народной культуры славян рассматриваются как система знаков, за которыми скрыты основы культурных смыслов, что позволило авторам-составителям выделить основные значимые элементы языка культуры, в результате чего «устанавливаются области функционирования каждого элемента в том или ином обряде, тексте, веровании; определяется его семантика и символика. Соответственно словарные статьи могут строиться либо по функциональным, либо по семантическим признакам» [4. С. 292]. Таким образом, это фундаментальное лексикографическое произведение отражает важный этап изучения традиционной культуры, «когда возникло осознание «морфологии» и структуры обрядовых, магических и иных форм народной культуры, разложимости сложных культурных образований на простые элементы, осознание регулярной повторяемости этих элементов или целых их блоков в разных фрагментах такой сложно организованной области, как духовная культура – обычаи, обряды, верования, мифология» [4. С. 292].

В словаре «Русское культурное пространство» (2004) [5] реализована идея описания представлений, бытующих в сознании носителей русского языка и закрепленных за прецедентными феноменами. Отметим лексикографический прорыв составителей в разработке структуры словарной статьи, имеющей три уровня: это фольклорно-энциклопедическая информация, взятая из словарей, энциклопедий, справочников, публикаций по русскому фольклору и народной культуре; затем «стереотипный образ», закрепленный за описываемой единицей; и, наконец, в третьем уровне обозначены условия апелляции к образу и значения, которые эта единица может выражать. В конце словарной статьи помещены устойчивые выражения, образ которых мотивирован народными фольклорными традициями, стереотипными представлениями и т.д. [5. С. 40–41].

«Большой фразеологический словарь русского языка» (2009) – следующий этап разработки технологии лингвокультурологического комментирования. «Впервые в словаре фразеологизмы описываются

как знаки “языка” культуры. В этом комментарии прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нем археологии культуры, а также современные установки культуры» [6. С. 4]. Словарь, не имеющий аналогов в мировой лексикографии, вводит в практику культурологический комментарий, который диктует принципиально новую структуру его семантической зоны. Она представляет собой последовательность исследовательских шагов, актуализирующих предполагаемые операции, которые совершаются при употреблении фразеологизма в речи; а «выделенные в нем позиции являются первым опытом в структурировании такого описания», поясняет М.Л. Ковшова, один из разработчиков концепции Словаря [7. С. 160]. Эти операции в логике автора становятся основой двух уровней лингвокультурологического комментирования – обычного и глубокого. Первый основан на минимальном объеме культурных и языковых знаний рядового носителя языка. Цель второго – представить культурные знаковые функции фразеологизма, для чего даются научные сведения из истории, культуры, языка, делаются выводы о знаковой культурной функции фразеологизма [7. С. 160–161].

Констатируем: термин «лингвокультурологический комментарий» неодинаково наполнен в названных работах. Это обусловлено разницей в объектах комментирования и целью самого комментария. Однако идея зафиксировать, а затем интерпретировать специфические значения языковых единиц, являющихся знаками изучаемой культуры, позволяет объединить под общим термином весьма разнородные подходы в описании материала. Как правило, подобные значения единиц не фиксируют толковые словари, но они объективно существуют в языковом сознании представителей различных лингвокультур.

Лингвокультурологический комментарий раскрывает культурную составляющую лексического значения слова, актуализирующуюся в реальной коммуникации носителей языка: «Такой конструкт позволяет показать, как “вплетается” в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная» [7. С. 160]. Его применение неизбежно при разработке лексикона культурного диалекта – аналога языкового диалекта (аналогия проведена в работах Н.И. Толстого), что обусловлено «представлением о диалекте не только как о лингвистической и территориальной единице, но и одновременно как единице этнографической и культурологической» [8. С. 21].

Соответственно, изучение лексического состава, обслуживающего традиционную народную культуру, инструментом которого является лингвокультурологический комментарий, дает возможность выявить степень «укорененности» и морфологию культурных явлений в сознании носителя диалектного языка.

Таким образом, генетическая многокомпонентная природа и «высокая степень разложимости» (А.А. Плотникова) традиционной культуры позволяют представить лингвокультурологический комментарий диалектной лексемы как текст с прозрачной композицией, основанной на изначально заложенной структуре его составляющих, которые вычленяются в реальном бытовании языковой единицы.

Значительное количество лексикографических работ (или их проекты), представляющие локальную свадебную традицию, построены на диалектном материале, собранном в полевых условиях.

Так, тематический «Словарь свадебной лексики Орловщины» М.В. Костромичёвой [9] организован по следующим рубрикам: «Этапы свадебного обряда и обрядовые действия», «Лица – участники свадебного обряда», «Ритуальные предметы». Пионерной можно считать попытку автора выйти за рамки принятой в лексикографии процедуры толкования словарной единицы. Это касается прежде всего фразеологических единиц, называющих эпизод обряда – словотолкование расширяется за счет извлеченных из иллюстраций сведений, традиционно не учитываемых лексикографами: ♦ *окна мерить*. Обрядовое действие во время осмотра хозяйства жениха: невеста измеряет размеры окон, дверных проемов, стола и т.п. [9. С. 47].

Образцом воссоздания свадебного обряда в локальной традиции на обширном материале можно по праву считать «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [10]. Авторы практически единственного лексикографического труда соединили не только изучение структуры русского свадебного обряда и его динамику, но и его символику (одежды, пищи, предметов и пр.). Работа «представляет собой попытку описания комплекса свадебной обрядности по языковым, диалектным и фольклорным материалам» [10. С. 4]. Символы выделены в самостоятельный раздел-справочник, где в словарной единице в зоне ее толкования вычленяется культурная семантика. Представленный таким образом материал – это вектор интерпретации культурнозначимых единиц диалектного языка, где за

словом-символом закрепляются обрядовые функции: обереговые, продуцирующие, прогнозирующие и пр.

Указанные лексикографические произведения в зоне толкования ориентируются, в основном, на общерусские эквиваленты. Соотнесение лексемы, объективирующей традиционную культуру, с общерусским словом, по нашему мнению, не дает адекватного представления о толкуемой реалии. Специфическое значение диалектного слова, его культурная семантика, при таком подходе опускается, в то время как лингвокультурологический комментарий ориентирован на внеязыковую жизнь языковой единицы через дополнительные энциклопедические сведения, «высвечивая» глубину его культурных смыслов.

«Словарь сибирского свадебного обряда» строится на материале говоров Среднего Приобья, объективирующих традиционную локальную культуру и демонстрирующих степень сохранности древних представлений о мире, актуальных для современного деревенского жителя. Задача лингвокультурологического комментария в Словаре – максимально полно, опираясь на имеющиеся факты живой диалектной речи, описать слово в контексте реализации в его семантике культурных смыслов.

В основе работы над Словарем лежит идея эксплицитного описания семантики лексем с культурной коннотацией, словотолкование диалектной обрядовой единицы ориентировано на представление своеобразия крестьянской культуры, объективированной говорами Среднего Приобья. Эта идея породила ряд исследовательских установок, которые, как представляется, обеспечивают ситуацию отсутствия лексикографического «домысливания» в процессе определения объема толкуемого слова:

1. В имеющихся в распоряжении составителей материалах крестьянское сообщество экстраполирует общую картину мира и общий взгляд на мироустройство.

2. Специфика традиционной культуры заключается в трансляции народных жизнеустановок через акты высказывания: соединенные в словарную статью во всей совокупности, они дают правдивую картину существования реалии.

3. Таким образом решается вопрос об объективности лингвокультурологической интерпретации. Главные критерии объективности – достаточный объем описываемого материала и регулярность воспроизведения культурной семантики в большом количестве контекстных употреблений.

4. Именно в иллюстративной части словарной статьи объективируются составляющие культурной коннотации.

Исходя из этих установок, в основу словотолкования положены параметры, выявленные в лексикографируемом материале. Источники Словаря – все диалектные словари, изданные учеными Томской диалектологической школы, их картотеки, а также архив записей живой разговорной речи селян (об источниках Словаря см. [11. С. 4]).

Покажем, каким образом слова, сопровождающие толкуемую единицу, актуализируют ее культурные коннотации. Лексемы **ПРИДАНОЕ (ПРИДАНО, ПРИДАНЫ)** в значении ‘имущество, деньги, даваемые родителями невесты при вступлении в брак’ в высказывании «поддерживаются» сведениями, которые становятся впоследствии частью лингвокультурологического комментария (в приведенных иллюстрациях они выделены): они содержат информацию 1) о составе приданого: *В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо придано завести: наволочку **тикову**, постельку, исподняя **холицова**, сверху **тикова** наволочка. Придано две подушки и постеля, полотенцы **двенадцать** было* [Том. В.-Кет.¹]; 2) о его количестве: *Приданова много надо было. Я пятнадцать полотенцев вышивала. Подушки мама дала, три было. Перина **больша** была **пухова*** [Том. Кож.]; 3) состав и количество приданого свидетельствуют о материальном достатке семьи невесты: *Постель, подушки и-и сундук **большой**. Сколько приданого, и там узлов сколько* [ВС². Т. 5. С. 197]. Например, наличие верхней одежды в приданом невесты – признак ее богатства: *Придано готовилось. Таки **шубы**, **пальто**, **жакеты** кладут. Яшишук покупали, кесьмой [тесьмой] убран, хоть кесьма **однотонная**, **иёлкова**, блестящая* [Том. Пар.]; 4) об участниках процесса подготовки приданого: *Свадьбу гуляли по неделе. **Девки**, **старухи** готовили приданое, соберут и везут к жениху, там гуляют и пьют; Приданое везут после* [ВС. Т. 5. С. 368]; *Раньше невеста приданое готовит. **Девоч** к себе на посиделки собирает, девки шьют, вяжут ей всё. Невеста собирает подруг, они ей приданое дают* [Том. Кож.]; 5) о времени транспортировки приданого в дом жениха: *Счас как **свадьба пройдет**, наложат приданого* [ВС. Т. 5. С. 368]; *А когда **отстолуются**, везут приданое в дом жениха, а там его уже мужнина родня встречает* [Том. Колп.];

¹ См. список локальных помет в конце статьи.

² Сокращенные названия томских диалектных словарей см. в конце статьи.

б) о последовательности действий в церемонии передачи приданого: *Когда свадьбу играют, поют свадебные песни. Потом приданое невестино везут, приданщик везёт его. Его угощают вином, и он отдаёт приданое* [Том. Шег.].

Содержимое *приданого* приобретает символический смысл: воспринимается как знак благосостояния новой семьи, как гарантия благополучного начала семейной жизни: *Ну, приданое готовили, раньше всегда перина, ну и дарили скотину, корову, овец, чтоб начинали жить-то* [Том. Пар.]; *А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданое, ага. Вот с этого они начинали жить* [ВС. Т. 5. С. 368].

Демонстрация *сундука с приданным* являлась важнейшим эпизодом свадебного действия, который сопровождался различными присловьями, акцентирующими внимание на его размере: *Ну, а от венца привезут, поедут в церковь, повенчают, от венца везут к жениху. Сундук с приданным невесте накладывают большой, теперь везут этот сундук тоже: «Не пролазит во двери!». Опять подают [по рюмочке]* [Том. Пар.].

На основе выявленных коннотативных признаков строится композиция лингвокультурологического комментария обрядового слова.

Например, толкование слова *боярин* в «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» выглядит так: **БОЯРИН**, мн. **БОЯРЫ**, **БОЯРА** (**бояр**, **бояров**). Участник свадебного обряда, гость на свадьбе [СРСГ. Т. 1. С. 44]). В лингвокультурологическом словаре необходимо проявить ритуально значимые признаки, закрепленные за лексемой, номинирующей свадебный персонаж: 1) само наименование, имеющее, как правило, прозрачную внутреннюю форму; 2) принадлежность стороне жениха или невесты; 3) его (их) родственный; социальный (положение в общинной иерархии); возрастной статус; 3) обрядовые действия, совершаемые персонажем; 4) наличие у него обрядовых атрибутов; 4) обрядовые функции.

Материалы Словаря объективируют следующие характеристики *боярина*:

1. Почетный гость обряда со стороны жениха, участник свадебного поезда, поезжанин: *Бояры были – это почётные гости* [Том. Пар.]; *Собирает жених товарищей – бояр* [Кем. Юрг.]; *Все, кто ехал на свадьбу, назывались поезжанами. Там бояра, все гости* [Том. Том.]; *Один поп, посаламищик, бояры, все садятся по паре и по трое. Кони нарядны, красивы. Поезд идёт так хорошо красиво* [Том. Карг.].

2. Обычно близкий родственник (крестный, брат): *Боярин, тысяцкий – это хрёстный* [Том. Том.]; *Раньше вот ежели женился брат, то есть у него брат старший, значит он старшего брата боярином содит* [Том. Том.].

3. Часто уважаемый друг, знакомый: *Бояры – ваши друзья близкие* [Том. Колп.].

4. Обычно женат: *В бояры звали-то, звали женатых обычно* [Том. Том.].

5. Возраст в соответствии со статусом боярина (см. *большой (старший, высокий) средний, младший (малый) боярин*).

6. Имел высокий социально-имущественный статус: *Каждый боярин запрягает своего конька, и поехали к невесте* [Кем. Юрг.]; *Во время выкупа бояры деньги больши давали за невесту-то* [Том. Том.].

7. За ним закреплен ряд функций:

А) участвовал в выкупе невесты: *Бояры – все поезжане, придут невесту брать, это все бояры* [Кем. Яшк.]; *Раньше свадьбы лучшие были, теперь не так: бояры за невестой приезжали* [Кем. Яшк.]; *Придут невесту брать – это всё бояры* [Кем. Яшк.]; *Бояры от жениха... Бояры невесту выкупают* [Том. Том.];

Б) присутствовал в церкви на венчании: *А вот если хороший был парень, ну, товарищ его-то [жениха], он тоже приезжал [в церковь], как... называли боярин. Товарищ его, товарищ жениха назывался боярин* [Том. Том.];

В) иногда выполнял роль шафера: *Бояре ездили на венчание: Едут туда [в церковь] к венцу. Дружки были, бояре венцы одиют.* [Том. Пар.];

Г) встречал в доме жениха приданое невесты: *Добром замуж выходила, девичник, с подружками, с разными, придано привозют, дружка, бояре встречают приданичиков, чево есь у невесты* [Том. Пар.].

8. Как правило, был пассивен во время свадебного застолья: *Бояры – мужчины ничо не делают, сидят за столом на свадьбе* [Кем. Яшк.]; *Утром бояры садятся за стол, их в тот момент величают, бояров* [Том. В.-Кет.]. *Специально три женичины ходили, придут и бояр поют* [Том. Пар.].

Оформление толкования фразеологических единиц, актуализирующих иерархию свадебных чинов, сохраняет указание на статус, родственные связи, действия персонажа и пр. Композиция лингвокультурологического комментария фразеологической единицы выстраивается по схеме словотолкования опорной лексики.

♦ БОЛЬШОЙ (СТАРШИЙ, ВЫСОКИЙ) БОЯРИН.

1. Почётный участник обряда, близкий родственник жениха (брат, дядя, крёстный): *Рядом с женихом – большой боярин, а остальные – просто бояры. А у него был тысяцкий, большой боярин по нам-та это дядя был* [Том. В.-Кет.]; *Большой боярин или старший – это жениху хрёстный* [Кем. Яшк.]; *Большой боярин, это всё равно, что старший или высокий* [Том. Колп.]; *Бояры – поезжаны то и есть те, что ближе к жениху, – большие бояры* [Кем. Юрг.]; *Большим боярином может быть брательник* [Том. Колп.].

2. Среднего возраста: *Бояры были не сильно молодые, но большой и средний боярин старше малого-то боярина* [Том. Том.].

3. В свадебном поезде ехал на лошади.

А) после дружки: *Под венец ехали поездом... на первой лошади дружка один, на второй – большой боярин, тысяцкий* [Том. В.-Кет.];

Б) иногда после среднего боярина в следующей последовательности: дружка – малый боярин – средний боярин – большой боярин: *Дружка вперёд едет, за ним малый бояр, затем средний боярин, потом большой, потом тысяцкий с женихом* [Том. Колп.].

4. Участвовал в выкупе невесты: *Большой боярин невесту выкупал, денег много давал за неё* [Кем. Юрг.].

5. Разрезал сладкий пирог: *Бояре на конях приезжают. Старший [боярин] сладкий пирог режет. К жениху едут. Утром молода называется* [Том. Крив.].

6. Занимал специальное место за столом в соответствии со свадебной иерархией чинов: *На свадьбе дружки были, тысяцкий. Сначала тысяцкий около жениха, потом старший боярин, младший боярин сидит за столом, а после уж дружка* [Том. Пар.].

7. Имел высокий социально-имущественный статус: дарил молодым деньги в различных эпизодах обряда: *На пирог бросают кто что. Бояре обычно деньгами кладут* [Том. Шег.].

Высокий социальный, имущественный, иерархический статус *большого боярина* подтвержден и фольклорными материалами, что еще раз подчеркивает «особость» этого персонажа в общей эстетической концепции сибирской свадьбы. Фольклорное слово – обрядовая номинация персонажа – создает виртуальное обрядовое пространство, населенное условными персонажами: *У большого у боярина, / У него же стань красивая, // Ну за эту его стань государь-царь любил, кафтаном его дарил. // У большого у боярина, у него же кудри русые, /*

Как за эти его кудри государь-царь любил, чёрной шляпой подарил. // У большого у боярина, / У него же ножки резвы, / Как за эти его ножки государь-царь любил, сапогами подарил. // У большого у боярина, у него же ручки белые. / Как за эти его ручки государь-царь любил, / Перчатками подарил. // У большого у боярина, / У него же шея бела, / Как за эту его шею государь-царь любил галтусом его дарил¹.

♦СРЕДНИЙ БОЯРИН.

1. Обычно выбирался из друзей: *Большой боярин – это вот дядя, ли хрёстный, средний, младший ... из друзей приглашали* [Том. Том.].

2. Среднего возраста (см. пп. 2 ♦ **БОЛЬШОЙ (СТАРШИЙ, ВЫСОКИЙ) БОЯРИН**).

3. Занимал специальное место в свадебном поезде в соответствии со свадебной иерархией чинов: *Дружка вперёд едет, за ним малый бояр, затем средний боярин, потом большой, потом тысяцкий с женихом* [Том. Пар.]; *Свадебный поезд составляет из нечетного числа поезжан: семь-десять человек: жених, тысяцкий, три боярина: старший, средний, младший, одного или двух дружек, свахи, подружек* [Том. Пар.].

4. Как правило, был пассивен в свадебном обряде: *Делать то особого среднему боярину ничо не надо было* [Том. Пар.].

♦МАЛЫЙ (МЛАДШИЙ) БОЯРИН (БОЯР).

1. Обычно выбирался из друзей: *Бояры приезжают, ну брат ли, дядя – старший-та боярин, младший боярин – товарищи* [Том. Колп.]; *Младший боярин, ну, он самый последний, выбирали, родня что ли, друзья ли они с женихом-то* [Том. Том.].

2. Юного возраста: *Малому боярину было лет двадцать, совсем молодой* [Том. Кож.].

Как уже отмечалось, именно в высказывании происходит развертывание культурно значимых смыслов, связанных со словом. Таким образом, лингвокультурологический комментарий строится на базе **всего** имеющегося в распоряжении исследователя материала, учитывает **все** факты реализации лексемы, с опорой на них представляется зона толкования обрядового слова.

Толкование слов-символов производится также на основе всех семантических вариантов, реализуемых лексической единицей в дис-

¹ Текст песни записан от А.Н. Нестеровой (село Большое Нестерово Парабельского района Томской области в 1951 г.).

курсе свадебного обряда. Так, лексема **ЁЛКА (ЁЛОЧКА)** символизирует этап начала церемоний и эксплицирует семантику замещения невесты. Находим подтверждение символического значения слова в «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья»: «Ель. Вечнозелёное растение, воспринимаемое как символ постоянства и исключённости из повседневности и жизни вообще; как средство сакрализации использовалось в свадебной традиции аналогично с традицией похоронной» [10. С. 228]. Лингвокультурологический комментарий в «Словаре сибирского свадебного обряда» выглядит так: **ЁЛКА (ЁЛОЧКА)**. Вечнозелёное растение небольшого размера, устанавливается на угол стола, обычно в субботу. В подножье Е. кладется хлеб. Символизирует начало свадебных церемоний. Используется в качестве заместителя невесты: её украшают, наряжают. В эпизоде выкупа-продажи невесты символически используется в качестве предмета торга. – *Небольшую такую ёлочку привозят с леса, наряжают её, булочку хлеба. Всегда в четверг, пятницу венчались. В понедельник никогда не начиналось. В субботу начинается свадьба, ставят ёлку на стол, так, в углу. Сидит невеста, кругом подруги, свадебные песни поют. Плачет сидит, едет в чужой дом [Том. Пар.]; Ёлку выкупали. Дружка платит за ёлку двадцать рублей. Ёлку украшали бумагой цветной, красивой её делали [Том. Зыр.]; Наряжают ёлку, две бутылки ставят, и за шилец, и за мылец, и за тёлочку продадут [невесту]. Неделью девки на невесту шли. Ну, [говорят жениху] надо на вуаль там. От у нас невеста, дорога. Девки-то рот разинут, а дружки, а дружки – он эту ёлку «цоп» и украдут. Девки за ёлкой, а жених к невесте за стол. Тогда девки из-за стола вываливают, он своих гостей насадит. И от дорит, дорит [Том. Пар.]*.

Порядок расположения иллюстративного материала совпадает с композицией комментария, является своеобразным зеркальным отражением научного представления обрядовой единицы.

Итак, последовательность развертывания лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда» основывается на всех имеющиеся в распоряжении исследователя фактах реализации лексической единицы, учитывает ее контекстное окружение, в котором актуализируется культурная коннотация слова. Иллюстрации словарной статьи располагаются в соответствии с композицией комментария. Описанная процедура может стать универсальной основой для последующих лексикографических трудов, изучающих культурную семантику диалектного лексикона.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
2. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М. Диалектный «Словарь детства»: в поисках лексикографического формата (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 22–28.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Институт славяноведения РАН, 1995–2012.
4. Плотникова А.А. Славянские культурные диалекты в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» // Славянский альманах. М. : Индрик, 2003. С. 291–298.
5. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
6. Брилёва И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковишова М.Л., Красных В.В. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред.: В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. 784 с.
7. Ковишова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 262 с.
9. Костромичева М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. Орёл : Изд-во Орлов. гос. ун-та, 1998. 218 с.
10. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь : Перм. книж. изд-во, 2004. 360 с.
11. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.

Источники

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 5.

СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1.

Локальные пометы

Том. – Томская область
В.-Кет. – Верхне-Кетский район
Зыр. – Зырянский район
Карг. – Каргасокский район
Кож. – Кожевниковский район

Колп. – Колпашевский район
Крив. – Кривошеинский район
Пар. – Парабельский район
Том. – Томский район
Шег. – Шегарский район
Кем. – Кемеровская область
Юрг. – Юргинский район
Яшк. – Яшкинский район

On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialect Linguocultural Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 77–91.

DOI: 10.17223/22274200/16/5

Tatiana B. Bankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tatabank@mail.ru

Keywords: traditional culture, dialect language, ritual word, wedding rite, linguocultural dictionary, cultural connotation, linguocultural commentary.

The aim of this article is to substantiate the logic of building a procedure for interpreting lexical units in the *Dictionary of the Siberian Wedding Rite*, which is linguocultural in type. The actual basis of the dictionary is the Middle Ob region dialects, from which vocabulary words that represent the Siberian wedding ceremony were extracted. To implement the pioneer lexicographic idea, a new format of material interpretation is required, which implies adjustments to the representation of the linguocultural description. The article aims to solve problems related to the specifics of word interpretation: namely, going beyond the limits of traditional semantization and establishing a boundary between the descriptions of a word's meaning and of its cultural encyclopedic component. The tool for the interpretation of the wedding lexicon is a linguistic and cultural commentary, which consistently reveals the cultural component of the lexical meaning of the word, actualized in the real communication of native speakers. The article shows how the cultural connotative component is revealed in the semantics of the lexeme implemented in a dialect utterance, it is in it that the culturally significant meanings associated with the word are developed. Thus, a linguocultural commentary is a text with a clear composition. Its structure is based on facts of the real existence of a language unit. It is built on the basis of all the material available to the researcher and takes into account all instances of the lexeme's use, which supports the interpretation of the ritual word. Due to the inclusion of additional, as a rule, encyclopedic, information about the semantics of the lexicographed unit, taking into account all the facts of the realization of cultural meanings, the interpretation zone is expanded. The illustrations in the dictionary entry are arranged in accordance with the composition of the commentary, they are a mirror image of the scientific lexicographic description. Presented in the totality of implementations, the dictionary unit objectifies the traditional local culture. The procedure of linguocultural commenting presented in the article can become a universal basis for subsequent dictionary works studying the cultural semantics of the dialect vocabulary.

References

1. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt.
2. Bankova, T.B. & Ugryumova, M.M. (2016) Dialect "Dictionary of childhood": in search of a lexicographical format (a case study of the Middle Ob dialects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 22–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/3
3. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.
4. Plotnikova, A.A. (2003) Slavyanskiye kul'turnyye dialekty v etnolingvisticheskom slovare "Slavyanskiye drevnosti" [Slavic cultural dialects in the "Slavic Antiquities" ethnolinguistic dictionary]. *Slavyanskiy al'manakh*. Moscow: Indrik. pp. 291–298.
5. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoye kul'turnoye prostranstvo* [Russian Cultural Space]. Moscow: Gnozis.
6. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenkiye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press Kniga.
7. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM.
8. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
9. Kostromicheva, M.V. (1998) *Slovar' svadebnoy leksiki Orlovshchiny* [Dictionary of Wedding Vocabulary of the Oryol Region]. Oryol: Oryol State University.
10. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Dictionary of Wedding Terminology of Northern Prikamye]. Perm: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.
11. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovyye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Language embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.

Sources

- Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
- Palagina, V.V. (ed.) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian Dialects of the Old-Timers of the Middle Part of the Ob River Basin]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 81'374.822

DOI: 10.17223/22274200/16/6

Е.Б. Берг, М. Кит

ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ДВУЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКОГРАФИИ В СЛОВАРНОМ ПРОЕКТЕ LexSite

В статье приводятся результаты исследования наиболее популярных двуязычных интернет-словарей. Описываются проблемы их функционирования: отсутствие систематизации переводов, некачественный перевод фразеологизмов, неразличение омоформ, имитация переводов отсутствующих слов, ошибочный грамматический и лексический комментарий, проникновение недостоверной информации в словники. Приведено описание разработанного авторами словарного проекта LexSite, в котором предпринята попытка решить названные проблемы.

Ключевые слова: интернет-словарь, двуязычная лексикография, словарь LexSite, словари-переводчики, машинный перевод, словник.

Одним из важнейших инструментов межкультурной коммуникации являются двуязычные словари. За последние десятилетия словарь как источник информации претерпел существенные изменения. С развитием информационных технологий традиционные печатные словари стали вытесняться словарями электронными, а затем и интернет-словарями [1. С. 188], предлагающими высокую скорость поиска информации и обладающими новыми свойствами [2. С. 2]. Несмотря на многочисленные возможности, открывающиеся перед составителями словарей благодаря новым технологиям [3. С. 143–144], исследователи отмечают, что создание интернет-словарей сталкивается с многочисленными трудностями [4. С. 234], которые, в свою очередь, вызывают системное появление определенных недостатков таких словарей. «Идея двуязычного словаря обманчиво проста: представить все известные смыслы заглавного слова лексическими единицами языка перевода» [5. С. 329]. «К сожалению, выполнение этой задачи в большинстве случаев весьма затруднительно, а временами почти невозможно. Причиной тому являются три качества, присущие естественным языкам... размытость семантического поля, многозначность и отсутствие взаимно-однозначного соответствия между разными лексическими системами» [6. С. 225].

Проблемы, с которыми сталкиваются составители двуязычных и многоязычных интернет-словарей, не зависят от языков¹ и являются общими для большинства словарей. Соответственно, и недостатки у этих словарей оказываются общими. В данной статье остановимся на исследовании словарей, составленных для англо-русской языковой пары.

Для объективной оценки проблем двуязычной интернет-лексикографии и выяснения целесообразности создания нового словаря было проведено исследование четырех интернет-словарей, работающих в англо-русской языковой паре: Мультитран [7] (с 2001 г.), Google Translate [8] (с 2005 г.), ABBYY Lingvo Live [9] (с 2008 г.) и Яндекс.Переводчик [10] (с 2011 г.). Графические интерфейсы этих словарей представлены на рис. 1–4.

Выбор предмета исследования обусловлен степенью популярности данных ресурсов, проявляющейся в их посещаемости (табл. 1)², и, как следствие, степенью их влияния на язык и общество.

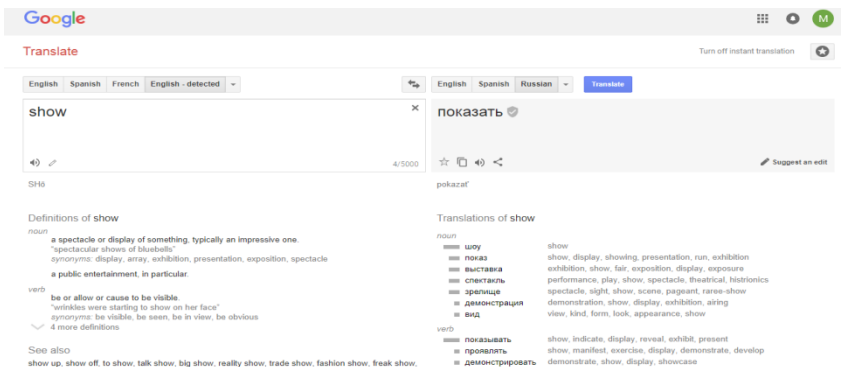

Рис. 1. Графический интерфейс Google Translate

¹ Существенные отличия имеют словари, работающие в паре «живой язык – мертвый язык», например, словарь англо-санскрит. «Особым случаем являются словари языков, носителей которых больше не существует... Такие словари, используемые преимущественно учеными, чаще основываются на дескриптивных объяснениях, чем на эквивалентах языка перевода. Это происходит оттого, что многие слова столь глубоко встроены в культуру языка-источника, что их перевод с помощью значений отдельных слов языка перевода невозможен» [6. С. 214], однако подобные словари не являются предметом рассмотрения данной статьи.

² По данным службы SimilarWeb, занимающейся сбором и анализом информации о посещаемости веб-сайтов [11], на июнь 2018 г.

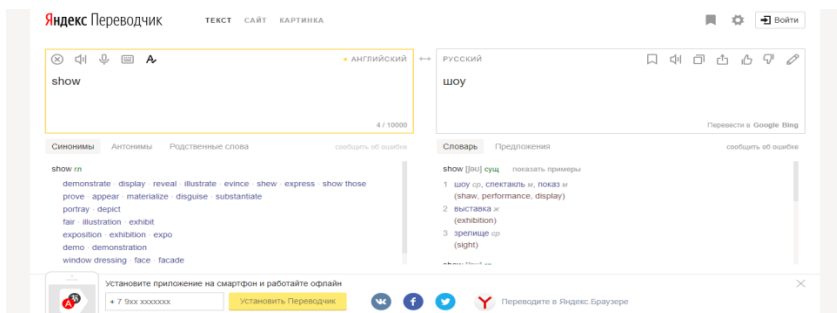

Рис. 2. Графический интерфейс Яндекс.Переводчик

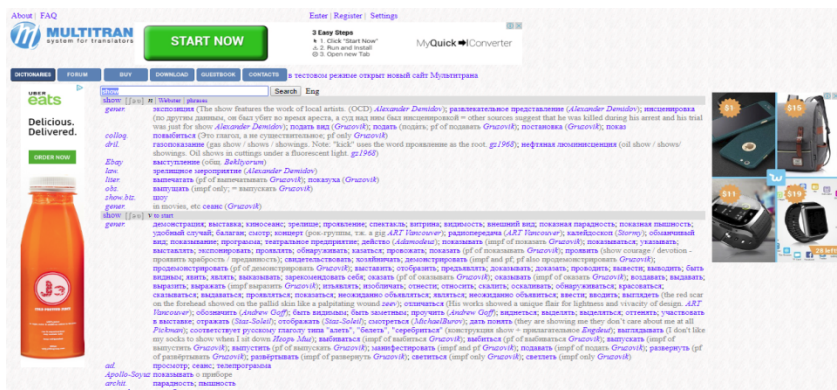

Рис. 3. Графический интерфейс словаря Мультитран

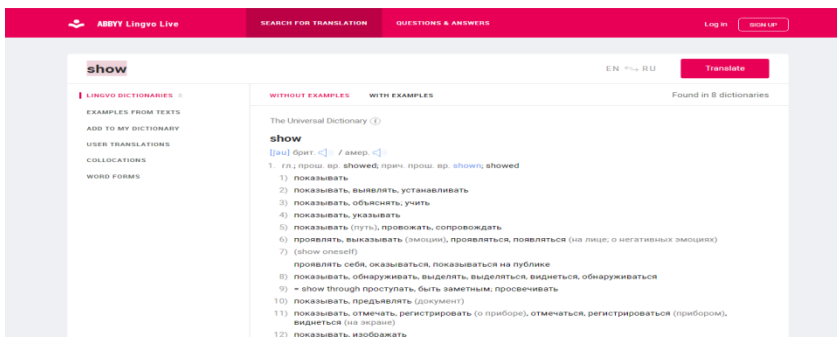

Рис. 4. Графический интерфейс словаря ABBYY Lingvo Live

Т а б л и ц а 1

Посещаемость сайтов двуязычных (многоязычных) интернет-словарей

Ресурс	Посещений в месяц	Доля российских посетителей, %	Количество российских посетителей в месяц
Словарь-переводчик Google	820 млн	3,8	31 млн 160 тыс.
Словарь-переводчик Яндекс	45 млн	79	35 млн 550 тыс.
Словарь Мультигран	14,7 млн	38,1	5 млн 600 тыс.
Словарь ABVYU Lingvo	3 млн	36,8	1 млн 104 тыс.
Кембриджский словарь	51 млн	менее 1	менее 510 тыс.
Словарь Bab.la	47 млн	менее 1	менее 470 тыс.
Словарь Dict.com	736 тыс.	менее 4	менее 30 тыс.

Как видно из приведенных данных, словарь-переводчик Google ежемесячно обслуживает огромное количество посетителей. И хотя англо-русская языковая пара в нем не единственная и даже не самая востребованная, доля пользователей этой составляющей выражается в десятках миллионов человек. Несмотря на то, что Яндекс тоже предлагает несколько языковых пар, он рассчитан в первую очередь на русскоязычное Интернет-пространство, поэтому доля пользователей англо-русской языковой парой очень велика и так же выражается в десятках миллионов посетителей в месяц. К словарям Lingvo и Мультигран ежемесячно обращаются миллионы пользователей. Следовательно, именно эти четыре словаря, являясь наиболее популярными, оказывают максимальное влияние на представления общества о переводе в англо-русской языковой паре.

Исследуемые словари по механизму функционирования можно разделить на два типа: собственно словари и словари-переводчики. Собственно словари находят переводы, содержащиеся в их словниках, тогда как словари-переводчики комбинируют этот механизм с механизмом использования своих дополнительных алгоритмов, основанных на статистическом анализе. К первому типу относятся Lingvo и Мультигран, ко второму – Google и Яндекс. Большая часть выявленных проблем функционирования интернет-словарей является общей для обоих типов; вместе с тем словарям-переводчикам свойственны еще и специфические проблемы.

Прежде всего, для словарей-переводчиков характерна **скудность результатов**. Например, русское слово *башимак* и Google, и Яндекс пе-

реводят 6 существительными, тогда как существует по меньшей мере 15 научно-технических единиц наряду с тремя общеупотребительными. К слову *таблица*, имеющему не менее 12 значений, Яндекс дает 5 переводов, Google – 6. Из 28 английских значений слова *матрица* Яндекс приводит 5, Google – 7, оставляя за пределами своих словарных статей, например, перевод *stamper*, необходимый переводчику, работающему над текстом по гальванопластике, или *binder*, востребованный в тексте по материаловедению.

В отличие от словарей-переводчиков, собственно словари выдают на запрос значительно большее количество переводов, однако из-за недостаточной систематизации представляемых результатов получить необходимую информацию сложно. В словаре Мультитран первоначальное распределение переводов по тематическим группам исчезло в огромном количестве дополнений, при этом как слова, так и тематические группы нередко повторяются. Словарь Lingvo представляет переводы запрошенного слова последовательно по данным разных словарей, поэтому, как правило, один и тот же перевод показывается многократно.

Словари-переводчики, по определению предлагая выполнение **переводов** не только отдельных слов, но также **словосочетаний и даже текстов**, выполняют их крайне **некачественно**. Висмеивание содержания автоматически переведенных текстов стало общим местом в сознании и поведении пользователей интернета, но, как ни парадоксально, низкое качество перевода текстов (или фрагментов текста) не смущает заказчиков переводов и руководителей переводческих организаций, уже повсеместно стремящихся принять на работу не переводчика, а «редактора машинного перевода». При этом предлагаемый «редактору» для исправления машинный перевод – результат деятельности словарей-переводчиков – часто оказывается столь низкого качества, что не может быть отредактирован переводчиком; требуется новый перевод, выполненный с учетом смысла текста, а не заложенных в автоматический переводчик схем, этот смысл игнорирующих. Единственный вариант, когда словарь-переводчик выдает качественный перевод, – наличие готового перевода запрошенного текста в его базе данных. Однако совпадение запрошенного текста с текстами, содержащимися в базе данных, наблюдается нечасто. На практике даже минимальные синтаксические единицы – словосочетания – переводятся с ошибками: словосочетание *громко пища* и Google, и Яндекс переводят

как «loud food» – буквально «громкая еда»; *о пельменном тесте* Google переводит как «about the dumpling test», Яндекс – «about pelmeni test», и то и другое означает «о проверке пельменей».

Эта проблема распространяется также и на **фразеологизмы**, которые словари-переводчики часто принимают за синтаксическую единицу и переводят пословно или, в других случаях, хотя и рассматривают их как лексическую единицу, переводят неправильно. Например, *бить ключом* Google переводит как «beat the key» (дословно – «бить ключ»). Фразеологизм *all fur coat and no knickers*, означающий «шикарный на вид и пустой внутри» [12] оба словаря-переводчика переводят, во-первых, пословно, а во-вторых, с грамматическими ошибками: «все шубы и без трусов» (Google), «все шубы и без трусиков» (Яндекс). Выражение *утереть нос*, имеющее английский эквивалент *to wipe someone's eye* [13. Т. 3. С. 727]. Google переводит другой идиомой – «to rub one's nose», означающей «ткнуть носом» [14]. Это же выражение Яндекс переводит как «lose nose» («потерять нос»), что не является ни английской идиомой, ни дословным переводом на английский язык.

В связи с тем, что ни один словарь не может содержать абсолютно все слова того или иного языка, корректным ответом на запрос отсутствующего слова в двуязычном интернет-словаре должно являться сообщение об отсутствии слова или о невозможности найти перевод. Однако словари-переводчики никогда не показывают подобное сообщение, а разными способами **имитируют перевод отсутствующих** в их словниках **слов**. Основными способами имитации являются: транслитерация запрошенного слова (причем не всегда корректная), генерирование перевода слова путем перевода морфем запрошенного слова, подбор слова по тематической или графической ассоциации, формирование случайного (иногда стилизованного) слова. Примеры имитации переводов представлены в табл. 2. Строки 1–4 таблицы содержат слова, реально существующие в английском и русском языках; строки 5–8 – несуществующие слова, специально сконструированные для экспериментальной проверки гипотезы об имитации переводов.

Данная проблема имитации переводов словарями-переводчиками является более опасной, чем кажется на первый взгляд, поскольку вследствие высокой степени доверия пользователей к данным словарям она порождает ситуацию фальсификации переводов, выполняемых ежедневно в большом количестве по всему миру.

Т а б л и ц а 2

Способы имитации переводов слов, отсутствующих в словаре

№	Запрошенное слово	Перевод, выдаваемый словарем-переводчиком	Фактическое значение выданного перевода	Способ имитации перевода
1	голодранец	holodranets (Google)	-----	транслитерация
2	синтепух	synthepus (Google)	-----	частичный морфемный перевод и неправильная транслитерация
3	ряженка	fermented burger (Google)	ферментированный гамбургер	ассоциативная связь и случайное слово
4	попадья	priest (Google)	священник	подбор слова по тематической ассоциации
5	king-of-the-herrings (обыкновенный сельдяной король, Regalecus glesne)	Царь-офселедки (Google)	-----	частичный пословный перевод сложного слова с элементами транслитерации
		Кинг-офселедки (Яндекс)	-----	
6	сикография	sycography (Google)	-----	морфемный перевод
		ecografia (Яндекс)	-----	формальный подбор ближайшего по буквенному составу слова
7	грандипуль	grandipad (Google)	-----	формирование стилизованной лексемы и частичная транслитерация
		grandeur (Яндекс)	грандиозность	подбор слова с графическим сходством
8	геолостический	geological (Google)	геологический	частичный морфемный перевод с элементами транслитерации
		geologicheskii (Яндекс)	-----	
9	гигрофарий	hygrophoric (Google)	-----	частичный морфемный перевод
		gyrotary (Яндекс)	-----	формирование случайной лексемы
10	огурел	pickled (Google)	маринованный	подбор слова по тематической ассоциации
		Ogura (Яндекс)	-----	формирование случайной лексемы с графическим сходством

Зачастую пользователи (включая профессиональных переводчиков) мотивируют свое предпочтение исследуемых словарей именно тем, что в них, в отличие от других словарей, всегда можно найти перевод слова, достоверность перевода при этом под сомнение не ставится. И если при переводе с иностранного языка на родной пользователь может квалифицировать предлагаемый перевод как неправильный, то при переводе на иностранный язык ложный перевод, симитированный словарно-переводческой системой, воспринимается как истинный и, будучи использованным при переводе текста, дает начало процессу переводческой фальсификации.

Общей для словарей-переводчиков и собственно словарей является проблема **неразличения омоформ**. Проявляется она в том, что пользователю, недостаточно хорошо знающему язык оригинала и запрашивающему слова в неосновной форме, при наличии у слова омоформ словарь может выдать перевод не требуемого слова, а другого, совпадающего с запрошенным в отдельных грамматических формах. Например, в качестве переводов русского слова *белила* и Google, и Lingvo дают переводы только существительного *белила*. При запросе слова *дуло* эти же словари дают переводы только существительного *дуло*. В ответ на запрос слова *гостя* Google показывает переводы только для слова *гость*, а Lingvo – только для слова *гостить*.

В некоторых случаях словари показывают омоформы, однако не дают никакого комментария к ситуации представления на один запрос нескольких очевидно разных слов. Так, для русского слова *карьер* Google в качестве основного варианта перевода дает *career* «карьера», а в качестве дополнительных – *quarry* и другие, означающие «карьер». Яндекс показывает переводы и слова *карьер*, и слова *карьерера*, не комментируя, в каком отношении друг к другу они находятся. Lingvo дает переводы только для слова *карьер*. Мультитран переводит это слово сначала как *full gallop; career; quarry*, т.е. показывая переводы для слов *карьер* и *карьерера* вперемешку, а потом приводит еще 77 вариантов перевода, нередко повторяя один и тот же по несколько раз и не разделяя переводы слов *карьер* и *карьерера*. Очевидно, что без пояснений к приведенным переводам разных слов пользователь не может осуществить выбор перевода, актуального для его текста.

Носитель английского языка, выполняющий перевод с русского, запросив в словаре Google слово *еду*, в качестве основного варианта перевода получает *food* «еда», а в качестве дополнительных – пять

вариантов перевода на английский язык слова *есть*. Обратившись с этим же запросом к словарию Яндекс и получив в ответ русское слово *еда* с десятью вариантами его перевода на английский язык и сразу же после него русское слово *есть* с семью переводами, англоязычный пользователь навряд ли сможет разобраться в предоставленной информации. Lingvo показывает только переводы слова *еда*; МультиТран – сначала переводы слова *еда* (67 вариантов), потом – *есть* (26) без комментариев относительно их связи с запрошенным словом *еду*. Отсутствие необходимого комментария при представлении омоформ затрудняет пользователю понимание содержания словарной статьи.

Словарные статьи двуязычных интернет-словарей часто содержат избыточный и неупорядоченный по структуре либо **ошибочный грамматический и лексический комментарий**. В частности, в разных словарях нередко встречается неправильное определение части речи. Словарь МультиТран, например, распределив переводы слова *lip* «губа» по частям речи, в группе глаголов указывает существительные *губа, край, выступ, порог* и еще несколько десятков существительных. Восклицание *блин!* по версии этого же словаря относится к существительным. Яндекс дает возможность ознакомиться с синонимами и антонимами к запрошенному слову, каковые отбираются не всегда корректно. Так, в качестве синонимов к слову *рот* представлены, среди прочего, *тор* и *топка*. Синонимом к слову *morning* «утро» Яндекс считает *night* «ночь». Словарь Lingvo на слово *белила* приводит перевод только существительного, а в разделе словарной статьи «Формы слова» на первом месте приводит парадигму спряжения глагола *белить*. Этот же словарь в каждой словарной статье приводит большое количество «Примеров из текстов», зачастую не имеющих отношения к представленному в словаре переводу слова. Вот один из приведенных примеров к существительному *дуло*: «Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Чехов А.П. Студент». Почти все примеры из текстов к существительному женского рода *полка* фактически содержат существительное мужского рода *полк* в форме родительного падежа: «... последние ряды полка», «Здесь стоит командир полка...», «...прикомандировали к штабу полка...» и т.д. Иногда отмеченная безотносительность примеров усугубляется опечатками, попавшими в их тексты и доводящими содержание словарной статьи до абсурдного. Вот пример из текста для существительного *мята*: «Каждый раз,

когда **мни** ноги касались почвы, я ощущал ужасающий холод, проникавший все глубже. Кларк, Артур Чарльз / Острова в небе». Из приведенного здесь же оригинала следует, что в качестве иллюстрации употребления слова *мята* было использовано притяжательное местоимение *мои*, написанное в русском переводе с опечаткой: «Every time **my** feet touched the ground I could feel the appalling chill striking deeper».

Намерение обогатить словарную статью дополнительными сведениями оборачивается переполнением статьи плохо структурированной и зачастую ложной информацией.

Искажение сути словаря как нормативно-справочного издания (и, соответственно, неспособность выполнения рассмотренными системами справочной, нормативной, систематизирующей и учебной функций), происходящее в результате описанных причин, усугубляется путем активного **привлечения пользователей к составлению словаря**. Словари Google и Яндекс позволяют пользователю «предложить перевод», Мультитран дает возможность добавлять новые переводы и новые словарные статьи. Словарь Lingvo не только приглашает пользователей добавлять свои переводы, но и поощряет их присвоением званий «бронзовый», «серебряный» и «золотой». Привлечение широких масс и поощрение их участия в наполнении словников приводят к появлению не только многочисленных повторов и неправильных переводов, внесенных непрофессиональными «лексикографоманами», но и нецензурных переводов, намеренно добавляемых хулиганами.

Повторы одного и того же варианта перевода, засоряющие лексикографическое описание слова, и наличие неправильных переводов свойственны прежде всего словарям Lingvo и Мультитран. Так, в словаре Lingvo описание слова *proud*, имеющее четырежды (по данным четырех словарей) показанный перевод «гордый», дополнено тремя пользователями все тем же переводом «гордый», причем один из этих пользователей имеет статус «золотой англо-русский». Перевод слова *squirrel* – «белка» – так же показан составителями четыре раза, после чего представлены дополнения трех пользователей: тот же перевод «белка». Еще меньше повезло слову *белка* при переводе на английский язык: кроме того, что в ответ на свой словарный запрос пользователь получает четыре раза показанный перевод «squirrel» (по данным разных словарей), ему предлагается список из семи дополни-

тельных переводов от пользователей (включая имеющих статус «золотого русско-английского» и «бронзового русско-английского»), шесть из которых – «squirrel», а седьмой – «quagrel», являющийся переводом не запрошенного слова *белка*, а слова *ссора*. Аналогичные недостатки имеет описание слова *rise* «подъем; подниматься»: в дополнение к имеющимся словарным переводам пользователями трижды внесен перевод «подъем» и четырежды – «подниматься». Один из пользователей внес перевод «рис», перепутав заглавное слово *rise* со словом *rice*.

В словарь Мультитран «народные лексикографы» вносят целые страницы своих переводов, нередко не являющихся переводами заглавного слова, а представляющих собой их контекстные синонимы, что нарушает описание системных отношений между словами. Например, в качестве одного из переводов слова *beauty* «красота, прелесть» предлагается «гол-красавец». Обоснованность такого перевода мотивируется высказыванием неизвестного автора по поводу гола: «Boy, was it a beauty!». Перевод междометия *блин!* – «why» («почему»). Если следовать такому принципу перевода, то любое русское слово может стать переводом любого английского слова, поскольку существует некоторая вероятность использования его по каким-либо экстралингвистическим причинам в любом значении.

Кроме контекстных синонимов словарные статьи Мультитран переполнены периферийной лексикой – устаревшими, жаргонными, диалектными словами, внесенными пользователями, несмотря на то, что «для включения такой единицы в словарь всегда нужно иметь какое-то дополнительное основание. Таким основанием может служить актуальность слова в современной художественной или общественно-политической литературе, его распространенность в литературе предшествующей эпохи, его включенность в личный тезаурус культурного носителя языка» [15. С. 11]. Анализ периферийных лексем-переводов в словаре Мультитран приводит к выводу об отсутствии оснований включения этих переводов в словарь: уже упоминавшееся существительное *beauty* получило переводы «лепота», «баса», «краля», «красава», «пригожество», «соколена», «красеха», «пригожуня». Слово *handsome* «красивый (о мужчине)» имеет добавленные пользователями переводы «баской», «красовитый», «благолепный», «лепообразный» и другие. Более того, словарная статья словаря окончательно теряет системность изложения и трансформируется в форум народно-

лексикографической общественности, наполняясь, наряду с пользовательскими переводами, комментариями пользователей относительно переводов, внесенных другими, а также лексикографических способностей последних. Например, в перечне вышеприведенных переводов прилагательного *handsome* содержится реплика их «автора»: «now, please stop bothering me with your asinine comments!». Среди переводов слова *quarrel* «ссора» содержится фраза, добавленная одним из пользователей: «Это существительное, а не междометие». Многие пользователи словаря Мультитран в качестве переводов существительного *зло* внесли переводы для наречия *зло*; после каждого из таких переводов (8 раз) следует фраза другого пользователя: «Это наречие, а ни прилагательное, ни существительное» (орфография оригинала).

В словаре-переводчике Google содержатся нецензурные переводы (например, для слов *cock*, *exhaust*, *crap* и др.).

Вследствие допуска неограниченного количества лиц к лексикографической практике словарь из нормативно-справочного издания трансформируется в источник бессистемно представленной непроверенной информации, а в некоторых случаях и в площадку для декларирования непрофессионалами их лексикографических воззрений.

К отдельным недостаткам рассмотренных словарей, влияющих на общее качество, можно отнести отсутствие фонетической справки в словаре Мультитран (отсутствие возможности звукового воспроизведения слов), и такие внелексикографические факторы, как **обязательная регистрация** в словаре Lingvo и перегруженность **рекламой** страниц Мультитран.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что рассмотренные интернет-словари не являются надлежащими источниками нормативно-справочной информации, снабжая пользователя информацией непредсказуемого качества при отсутствии четкой структуры изложения.

Кроме того, выявление и анализ общих и частных проблем функционирования двуязычных интернет-словарей, а также оценка степени влияния данных словарей на общество привели к выводу о необходимости срочного поиска решений этих проблем. Предлагаемые нами решения воплотились в создании двуязычного интернет-словаря LexSite, функционирующего в англо-русской языковой паре [16].

В основе словника LexSite лежат материалы, накопленные и систематизированные в процессе 20-летней работы компании Language

Interface (США), обеспечивающей лингвистическую поддержку крупных международных проектов в широком диапазоне отраслей, от отчетов и докладов ООН до Международной космической станции. Описание материалов корректировалось по авторитетным лексикографическим источникам: Новому большому англо-русскому словарю в трех томах [13], Большому современному англо-русскому и русско-английскому словарю [17], Большому англо-русскому политехническому словарю [18] и другим англо-русским и русско-английским отраслевым словарям, а также толковым словарям английского языка.

Наряду с общеупотребительной лексикой LexSite содержит термины науки и техники, а также некоторые частотные профессионализмы. Графический интерфейс словаря представлен как на русском, так и на английском языке с возможностью выбора языка в меню (рис. 5, 6).

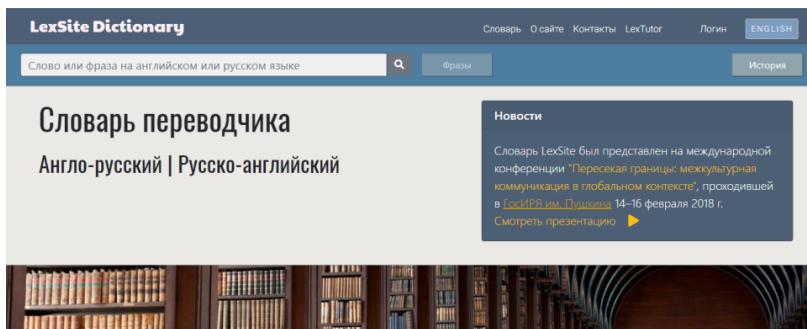

Рис. 5. Графический интерфейс словаря LexSite на русском языке

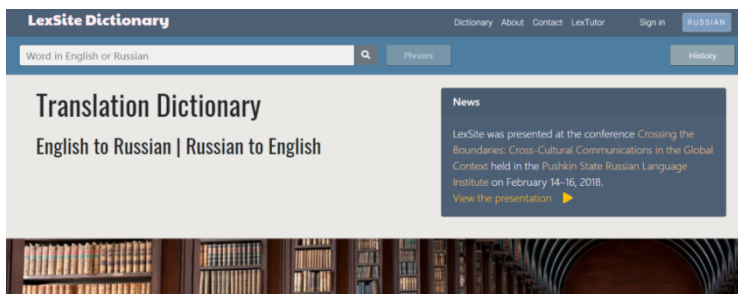

Рис. 6. Графический интерфейс словаря LexSite на английском языке

Переводы запрошенного пользователем слова размещаются в отдельных столбцах в соответствии с частичечной принадлежностью слова (рис. 7). Такой способ представления переводов позволяет показать большое количество вариантов переводов (включая специальную лексику) в удобной для восприятия форме.

Прилагательные, причастия и порядковые числительные объединены в одну группу («прил. / прич.»); количественные числительные, местоимения, междометия, предлоги и союзы – в группу «прочее» для возможности компактного представления на экране, при этом внутри столбца «прочее» часть речи указывается рядом с каждым словом.

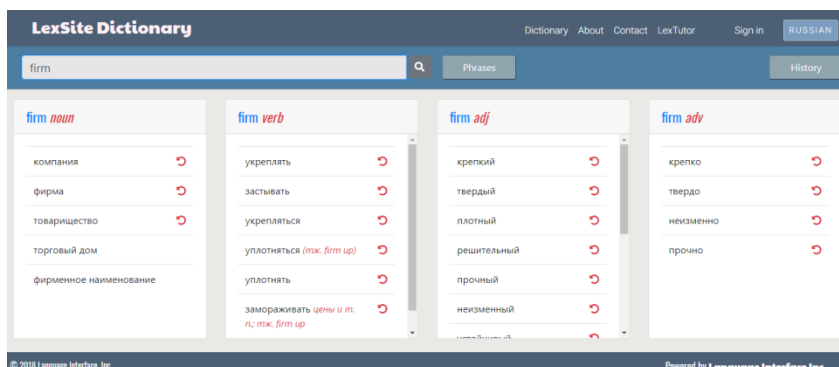

Рис. 7. Демонстрация переводов запрошенного слова

При отсутствии запрошенного слова в словнике словарь не имитирует перевод, а показывает оповещение о невозможности найти слово (рис. 8).

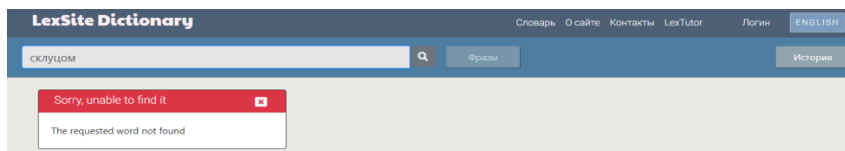

Рис. 8. Оповещение об отсутствии перевода слова

С целью устранения неопределенности при наборе слова с опечатками или орфографическими ошибками словарь показывает окно оповещения со списком графически сходных слов для выбора необходимого слова (рис. 9).

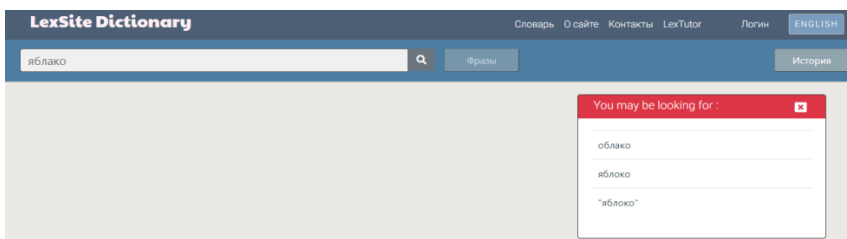

Рис. 9. Устранение неопределенности при опечатках и орфографических ошибках в запрошенном слове

Словарь обеспечивает возможность ознакомиться с переводом словосочетаний, включающих искомое слово, и с употреблением искомого слова в лингвистическом контексте (рис. 10).

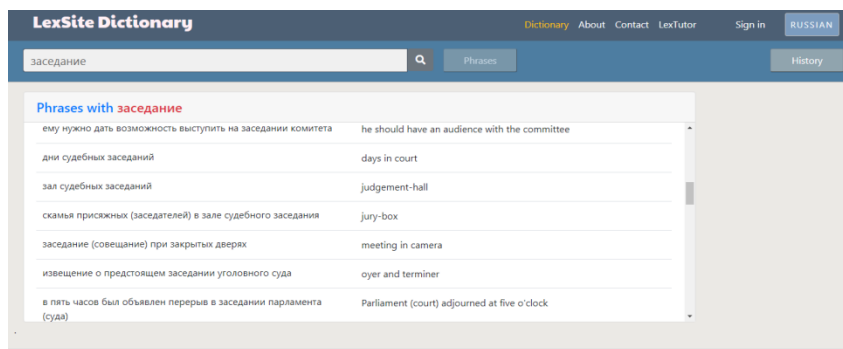

Рис. 10. Перевод словосочетаний с искомым словом и его употребления в лингвистических контекстах

Кроме того, словарь расценивает фразеологические единицы как элементы лексического уровня языковой системы и показывает перевод фразеологических единиц при наличии точных совпадений. Если точных совпадений нет, пользователю будут предложены смысловые эквиваленты искомого фразеологизма. При этом в отличие от автоматического перевода, предлагаемого словарями-переводчиками, описанными выше, всегда сохраняющего вероятность неправильного перевода, словарь LexSite выдает только те фразеологические единицы, которые существуют в языке и содержатся в его словнике (рис. 11).

Программа, обрабатывающая запросы пользователей, учитывает морфологические особенности английского и русского языков и при

наличии омоформ в качестве основного варианта перевода предлагает слово, начальная форма которого совпадает с запрошенным, а во всплывающем окне показывает сообщение о наличии омоформ с возможностью выбора другого слова из всплывающего окна (рис. 12).

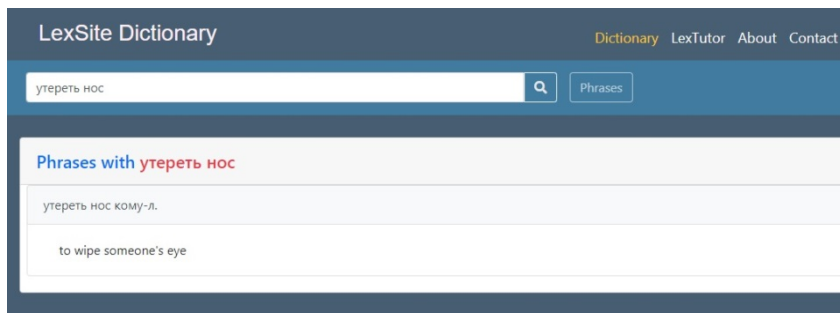

Рис. 11. Фразеологизмы

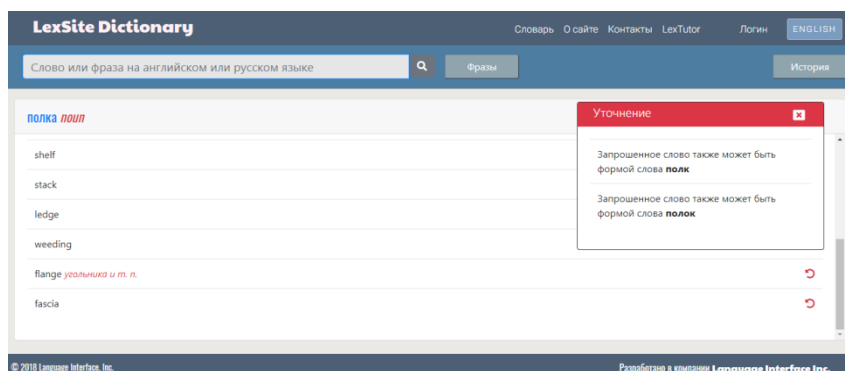

Рис. 12. Демонстрация переводов слова, имеющего омоформы

С целью уточнения лексического значения каждого из полученных пользователем вариантов переводов многозначного слова и выбора оптимального слова для переводимого текста, словарь предлагает обратный перевод каждого однословного варианта перевода без потери результатов поиска: рядом с каждым однословным вариантом перевода находится пиктограмма «красная стрелка», при нажатии на которую появляется всплывающее окно с обратным переводом (рис. 13).

LexSite фиксирует историю словарных запросов пользователя для облегчения повторных запросов, которые могут быть осуществлены путем выбора необходимого слова в «Истории поиска» (рис. 14).

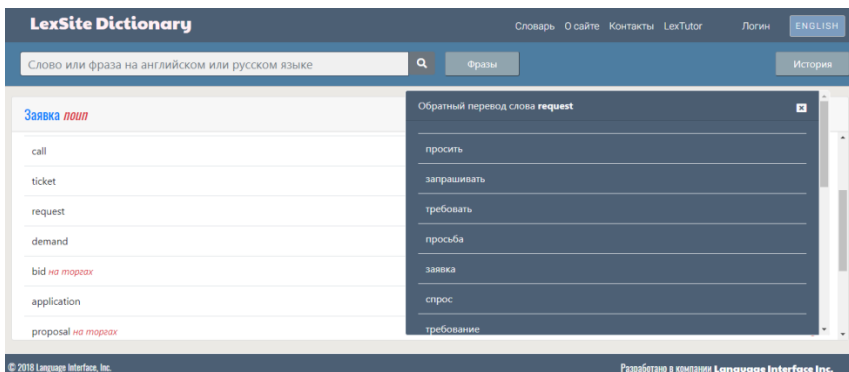

Рис. 13. Демонстрация обратных переводов слова

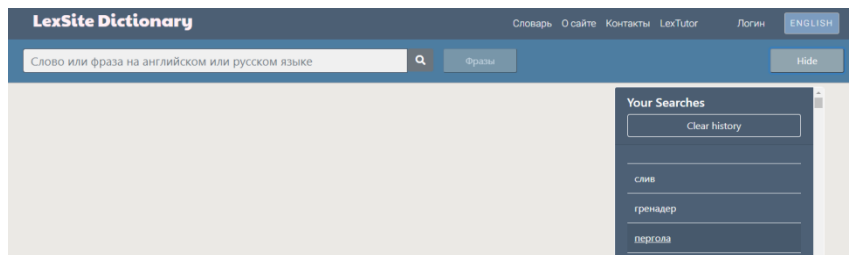

Рис. 14. История поиска

Для сохранения целостности словарной информации, проверенной при формировании словника по авторитетным изданиям словарей, LexSite исключает любую возможность участия пользователей в пополнении словника.

Словарь дает фонетическую справку в виде звукового воспроизведения запрошенных русских и английских слов.

Решение вне-лексикографических проблем двуязычных интернет-словарей в проекте LexSite нашло отражение в следующем. Во-первых, словарь LexSite является общедоступным и не требует регистрации пользователей. Во-вторых, на страницах LexSite отсутствует коммерческая реклама.

Работа над словарным проектом продолжается. Авторы видят свою задачу в обеспечении пользователя достоверной нормативно-справочной информацией при максимально удобном и быстром способе нахождения перевода и такой форме представления переводов, которая способна обеспечить однозначное понимание представленной лексикографической информации.

Литература

1. *Pruvost J.* Colloquium report: Des dictionnaires papier aux dictionnaires électroniques. VIIe Journee des dictionnaires (22 mars 2000) // *International Journal of Lexicography*. 2000. Vol. 13, is. 3. P. 187–193. DOI: 10.1093/ijl/13.3.187.
2. *Kit M., Berg E.* Online Bilingual Dictionary as a Learning Tool: Today and Tomorrow. URL: <https://conference.pixel-online.net/ICT4LL/files/ict4ll/ed0009/FP/3051-ETL1930-FP-ICT4LL9.pdf> (дата обращения: 06.06.2018).
3. *De Schryver G.-M.* Lexicographers' Dreams in the Electronic-Dictionary Age // *International Journal of Lexicography*. 2003. Vol. 16, is. 2. P. 143–199. DOI: 10.1093/ijl/16.2.143.
4. *Zaenen A.* Musings about the Impossible Electronic Dictionary / M.-H. Corraeard (ed.) // *Lexicography and Natural Language Processing*. Goteborg, 2002. P. 230–244.
5. *Adamska-Salaciak A.* Equivalence, Synonymy, and Sameness of Meaning in a Bilingual Dictionary // *International Journal of Lexicography*. 2013. Vol. 26, is. 3. P. 329–345. DOI: 10.1093/ijl/ect016.
6. *Adamska-Salaciak A.* Issues in compiling bilingual dictionaries / H. Jackson (ed.) // *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. London, 2013. P. 213–231.
7. *Мультитран.* URL: <https://www.Мультитран.ru/> (дата обращения: 06.06.2018).
8. *Google Translate.* URL: <https://translate.google.com/> (дата обращения: 06.06.2018).
9. *ABBY Lingvo Live.* <https://www.lingvolive.com/en-us> (дата обращения: 06.06.2018).
10. *Яндекс.Переводчик.* URL: <https://translate.Яндекс.ru/> (дата обращения: 06.06.2018).
11. URL: <https://www.similarweb.com/> (дата обращения: 06.06.2018).
12. *Oxford Dictionary.* URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/fur> (дата обращения: 06.06.2018).
13. *Новый Большой англо-русский словарь* : в 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 832 с.; 1994. Т. 3. 832 с.
14. *Словарь Макмиллан.* URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/rub-someone-s-nose-in-something> (дата обращения: 06.06.2018).
15. *Апресян Ю.Д.* Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // *Новый большой англо-русский словарь* : в 3 т. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1. С. 6–17.

16. *Словарь* LexSite. URL: www.lexsite-dictionary.com (дата обращения: 06.06.2018).

17. *Мюллер В.К.* Большой современный англо-русский, русско-английский словарь. М.: Цитадель-Трейд, 2009. 1056 с.

18. *Большой англо-русский политехнический словарь* : в 2 т. / М.В. Адамчик. Минск : Харвест, 2004. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 784 с.

Suggested Solutions for the Bilingual Internet Lexicography Problems in the LexSite Dictionary Project

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 92–112.

DOI: 10.17223/22274200/16/6

Elena B. Berg, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: elenabkct@gmail.com

Mark Kit, Language Interface (Seattle, United States). E-mail: clodpool@gmail.com

Keywords: Internet Dictionary, bilingual lexicography, LexSite dictionary, machine translation systems, machine translation, lexical dataset.

This article discusses identification of problems faced by the contemporary bilingual Internet lexicography and describes the LexSite dictionary the authors developed in the search for solutions. Data used in this research was obtained from four most popular Internet dictionaries users turn to for translations in the English-Russian language pair: Google Translate, Yandex.Translator, ABBYY Lingvo and Multitran. The first two are combined dictionaries-automatic translators while the other two are strictly dictionaries. The authors ran quantitative and qualitative comparison of translations offered by these dictionaries against the meanings of the same lexical units found in English thesauri. They also subjected examples of usage provided by the dictionaries to contextual analysis. They evaluated the completeness of translations given by those dictionaries and the quality of translations of individual lexemes and idioms. To test the translation veracity, the authors queried words that have homoforms and non-existing words made up for these tests followed by the analysis of methods applied to simulate translations for these non-existing words. They also investigated comments of grammatical and lexical nature included in the lexical entries, as well as the impact of users' involvement in adding entries to the dictionaries in terms of presentation and content. This research identified the following major issues faced by bilingual Internet dictionaries: (1) Combined dictionaries provide too few translations while 'pure' dictionaries produce poorly systematized numerous results. (2) Translations of multi-word strings and idioms made by combined dictionaries are of low quality. (3) Combined dictionaries often make up translations of words that they cannot find. (4) Both types of dictionaries often fail to recognize homoforms and give translations of wrong source words. (5) Many entries in these dictionaries come with non-systematic or wrong grammatical and lexical comments. (6) The departure of these dictionaries from a reference source is aggravated due to attempts to involve users in creation of dictionary entries. The outcome of the study suggests that the surveyed online dictionaries are inappropriate sources of the language base information since they produce data of unpredictable quality. The solutions found by the authors have

been implemented in the Internet dictionary LexSite. When unable to find translations for the user query, the dictionary informs the user on its inability to find the word. It translates phrases that include the requested word and its usage in the linguistic context. LexSite shows translations of idioms if exact matches are found. The dictionary recognizes morphological specifics of the languages and, if the requested word has homoforms, provides relevant comments. To disambiguate requested polysemic words, LexSite offers reverse translations while keeping the search results.

References

1. Pruvost, J. (2000) Colloquium report: Des dictionnaires papier aux dictionnaires électroniques. VIIe Journée des dictionnaires (22 mars 2000). *International Journal of Lexicography*. 3 (13). pp 187–193. DOI: 10.1093/ijl/13.3.187
2. Kit, M. & Berg, E. (2016) Online Bilingual Dictionary as a Learning Tool: Today and Tomorrow. *ICT for Language Learning*. Proceedings of the International Conference. Florence. 17–18 November 2016. Padova: [s.n.]. [Online]. Available from: <https://conference.pixel-online.net/ICT4LL/files/ict4ll/ed0009/FP/3051-ETL1930-FP-ICT4LL9.pdf>. (Accessed: 06.06.2018).
3. De Schryver, G.-M. (2003) Lexicographers' Dreams in the Electronic-Dictionary Age. *International Journal of Lexicography*. 2 (16). pp. 143–199. DOI: 10.1093/ijl/16.2.143
4. Zaenen, A. (2002) Musings about the Impossible Electronic Dictionary. In: Correard, M.-H. (ed.) *Lexicography and Natural Language Processing*. Göteborg. pp. 230–244.
5. Adamska-Salaciak, A. (2013) Equivalence, Synonymy, and Sameness of Meaning in a Bilingual Dictionary. *International Journal of Lexicography*. 3 (26). pp. 329–345. DOI: 10.1093/ijl/ect016
6. Adamska-Salaciak, A. (2013) Issues in compiling bilingual dictionaries. In: Jackson, H. (ed.) *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. London: Bloomsbury. pp. 213–231.
7. *Multitran*. [Online]. Available from: <https://www.multitran.ru/>. (Accessed: 06.06.2018).
8. *Google Translate*. [Online]. Available from: <https://translate.google.com/>. (Accessed: 06.06.2018).
9. *ABBY Lingvo Live*. [Online]. Available from: <https://www.lingvolive.com/en-us>. (Accessed: 06.06.2018).
10. *Yandex.Perevodchik*. [Yandex.Translator]. [Online]. Available from: <https://translate.yandex.ru/>. (Accessed: 06.06.2018).
11. *SimilarWeb*. [Online]. Available from: <https://www.similarweb.com/>. (Accessed: 06.06.2018).
12. *Oxford Dictionary*. [Online]. Available from: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/fur>. (Accessed: 06.06.2018).
13. Apresyan, Yu.D. et al. (eds) (1993–1994) *Novyy Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [The New Big English-Russian Dictionary]. Vols 1–3. Moscow: Russkiy yazyk.

14. *Macmillan Dictionary*. [Online]. Available from: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/rub-someone-s-nose-in-something>. (Accessed: 06.06.2018).
15. Apresyan, Yu.D. et al. (ed.) (1993) *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [The New Big English-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 6–17.
16. *LexSite Dictionary*. [Online]. Available from: www.lexsite-dictionary.com. (Accessed: 06.06.2018).
17. Myuller, V.K. (ed.) (2009) *Bol'shoy sovremennyy anglo-russkiy, russko-angliyskiy slovar'* [Large Modern English-Russian, Russian-English Dictionary]. Moscow: Tsitadel'-Treyd.
18. Adamchik, M.V. (ed.) (2004) *Bol'shoy anglo-russkiy politekhnicheskiy slovar'* [Large English-Russian Polytechnical Dictionary]. Vols 1–2. Minsk: Harvest.

УДК 801.3

DOI: 10.17223/22274200/16/7

Н.Д. Голев

ДИСКУРСИВНЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛАХ РУНЕТА): ИННОВАЦИОННЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ¹

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.
На всех словах – события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой...».
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

С. Маршак. Лирика. Переводы

Представлен новый тип диалектного словаря русского языка. Диалектная лексика, ранее уже зафиксированная в других источниках, рассматривается сквозь призму ее современного функционирования, которое, по мнению автора, достаточно надежно отражает российский интернет (Рунет), фиксирующий употребление диалектного слова в различных функциональных сферах и разных типах дискурса. Такое полидискурсивное функционирование трактуется как предпосылка семантического развития диалектного слова.

Ключевые слова: диалектная лексика, инновационный лексикографический проект, дискурсивный словарь, поисковые системы интернета.

Дискурсивный диалектный словарь на материале данных поисковых систем интернета как инновационный проект

В статье представляется новый тип диалектного словаря. В предлагаемом проекте содержатся два инновационных момента: 1) в со-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

держательном плане (с точки зрения отражаемого содержания) словарь является **дискурсивным**; 2) в плане технико-организационном – это словарь, для которого источником извлечения материала выступают **данные поисковых систем русскоязычного интернета** (Рунета).

1. В лексикографической традиции на первый план выдвигается задача дискретизации семантики слова: дискурс, контексты выступают как **средство** иллюстрирования семантики. Иными словами, семантика слова в очерченной модели лексикографического описания функционально-семантического плана языка первична, а его дискурсивное функционирование предстает как вторичное и зависимое от нее. Такая постановка вопроса соотносится с известной проблемой соотношения слова и контекста. К ее решению в лингвистике были и есть разные подходы.

Так, новосибирский языковед Ю.В. Фоменко в течение многих лет полемически отстаивает точку зрения, согласно которой контекст вторичен по отношению к значению слова. Свою статью 2001 г. он начинает так: «Одним из самых распространенных лингвистических мифов является миф о зависимости слова от контекста, миф о порождающей силе (функции) контекста» [1. С. 164]. В частности он критикует тезис Л. Ельмслева, согласно которому «так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» [2. С. 303]. Позднее Юрий Викторович напишет книгу «Мифы современной лингвистики» [3], в которой снова выскажет среди прочих свое несогласие с идеей зависимости слова от контекста. В рамках настоящей статьи нет необходимости вступать в широкую дискуссию с Ю.В. Фоменко, приводя развернутые контраргументы. Для нас важнее сформулировать собственную конструктивную позицию, которая заключается в принятии идеи естественного примата функциональной стороны знака по отношению к семантической. Семантика слова в нашей концепции напрямую вытекает из коммуникативной функции языка, его единиц и обусловленного ею закона экономии речевых усилий. Этот закон в конечном итоге определяет в языке все процессы, в том числе процессы дискретизации смыслового пространства, протекающей, с одной стороны, как выделение в языковой памяти

определенных коммуникативно значимых дискретных семантических единиц (семантем) и, с другой стороны, как процесс узуализации номинативных единиц, фиксирующих в языковой памяти языкового коллектива коммуникативно значимые семантемы. В этом смысле упоминаемый выше тезис Л. Ельмслева не кажется нам противоречащим логике языка и речевой деятельности. При этом нет необходимости абсолютизировать преобладание функциональной стороны над семантической, в речевой действительности эти стороны связаны диалектически; отрицая друг друга, они взаимодействуют. Таким образом, дискурсивный словарь описывает не значение само по себе, но значение как его дискурсивное употребление. Так, в нашем народном интернет-словаре «Викилексия» слово АТМОСФЕРНО квалифицируется носителем языка (автором словарной статьи) следующим образом: 1.1) душевно, весело, в приятной компании; 1.2) слово употребляется после посещения какого-либо мероприятия или заведения. Еще это слово можно употребить после того, как с друзьями посидели у кого-нибудь дома; 1.3) это слово носит позитивную оценку; 1.5) «Атмосферно посидели!»; 2.1) Слово нравится, необычное, непафосное, юморное; 3.2) Атмосферно может быть на паре, когда с преподавателем поговорили о жизни [4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22603674>].

В синхронно-функциональном плане типовая первичность контекста и дискурса выводится из того факта, что акт речепорождения не сводится к комбинированию слов и их значений для создания более крупных единиц, поэтому любой речевой акт начинается не с подбора слов, а с единиц глубинного плана, детерминирующих в дальнейшем подбор слов. Холистическое представление целого будущего высказывания доминирует над элементаристским (поэлементным). Так, например, С.Д. Кацнельсон представляет порождающую модель Н. Хомского следующим образом: «Уже в исходной синтаксической структуре, с которой начинается весь процесс, содержится в запрограммированном виде весь итог процесса» [5. С. 106]. Далее в своей модели цитируемый автор выделяет три ступени. Первая ступень – «квантование элементов сознания (знаний) на отдельные пропозиции и кончая формированием глубинных семантических структур», и лишь «на второй ступени совершаются процессы отбора лексических единиц...» [5. С. 123]. Такого рода речемыслительные процессы легко проецируются в сферу речевого взаимодействия контек-

ста (дискурса) и семантики слова. Если известный писатель в собственных письмах ласково называет свою жену словом «собака», то именно контекст определяет речевую семантику данного слова, снимая инвективные смыслы, ассоциированные с ним в изолированном употреблении. Такое снятие носит дискурсивный характер, так как подразумевает взаимную конвенцию двух коммуникативных субъектов, очевидно первичную по отношению к семантике.

Для лексикографии, фиксирующей в первую очередь не столько речемыслительные, сколько языкотворческие процессы (оппозиция, введенная Л.Н. Засориной [6]), важнее продекларировать **генетико-диахронный** план временной первичности дискурса по отношению к семантике. Перспективное (негэнтропийное) направление генезиса проявляется в трансформации функциональной позиции в функциональные семы (фиксируемые лексикографическими пометами стилистического содержания) и далее – в семы сигнификативного типа (входящие в словарную дефиницию). В этом смысле мы разделяем позицию Л.П. Крысина, высказанную в главе «Социосемантика» вузовского учебника «Современный русский язык». Автор замечает, что социальные различия «могут быть встроены в значение языковой единицы...», т.е. «социальные факторы становятся «компонентами содержательной структуры языкового знака», скажем, в содержание глагола *благоволить* входит сема социальной иерархии: *благоволить* могут только начальники к подчиненным [7. С. 270], уместно подключить к этому примеру поговорку – начальник не *опаздывает*, начальник *задерживается*. Разумеется, социальный статус субъектов действия – только частный аспект дискурсивного функционирования слова, о котором мы говорим. Его легко расширить. Так, книжное употребление слова ведет к формированию у него функциональной семы возвышенности и далее – мелиоративности, просторечное употребление, напротив, стимулирует формирование негативной семы. Такие процессы зависимости семантики от дискурса можно проиллюстрировать примерами дивергенции, в которых дискретизация семантики сопровождается материальным закреплением результатов функционально-семантического развития. Так, лексемы ПЕСНЯ – ПЕСНЬ разошлись дискурсивно, стилистически, формально и семантически (в современном русском языке они обозначают разные жанры), НЕВЕЖА и НЕВЕЖДА также, вероятно, выросли из разных дискурсов просторечного («*Поделом тебе, старый невежа! Впрядь тебе, невежа,*

наука: *Не садися не в свои сани!*») и книжного («*невежда... в ослепление бранит науки и ученье*») и сейчас достигли стадии семантического расхождения. Инвективные лексемы ПАСКУДА и ПАСКУДНИК имеют в своем значении негативно-оценивающую сему разной степени инвективности, их смысловое расхождение, скорее всего, «восходит» к разным контекстам употребления. Подобным образом можно интерпретировать расхождение лексем *дева*, *девица*, *девка*, *деваха*, *девочка*, *девушка*. Дискретизация некоторых лексем в этом ряду достигла высокой степени (*дева* и *деваха* обособились стилистически, лексема *девка* приобрела значение «служанка, работница», *чудный* и *чудной* различаются стилистически и семантически, *ворон* и *ворона* – на уровне денотативной семантики (обозначают биологически разные виды птиц) и концептных, символических смыслов, восходящих к разным дискурсам (фольклорно-поэтическому – *ворон* – символ гибели, и фольклорно-сказочному (*ворона* – вещая)). Расщепление смыслов корневых морфов *чест-*, *добр-* в однокоренных словах прослежено нами в статье «Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-* и *добр-*)» [8]. На основе результатов данного исследования можно сделать вывод о том, что в диахронно-генетическом плане негэнтропийные тенденции и энтропийное существованием образом переплетены: утрата общенародным словом исходных дискретных смыслов, качественной определенности семантики, вследствие употребления их в разных дискурсах, сопровождается формированием новых дискретных смыслов, в том числе юридического (основной предмет исследования в названной статье).

Ретроспективное (энтропийное) [9, 10] направление – главное для концепции дискурсивного словаря диалектной лексики предлагаемого нами типа – предполагает движение от сформированной в диалекте семантики, которую фиксирует узуальная (для данного диалекта) единица, к утрате ее качественной определенности. Механизм такого рассыпания – полидискурсивное употребление диалектной лексемы. Предлагаемый нами словарь призван зафиксировать такое «рассыпанное» в коммуникативном пространстве состояние диалектного слова. Словарь фиксирует направление энтропии дискретной семантики, которая в ряде случаев приводит к ее разного рода мутациям – расщеплению (образованию новых ЛСВ, иных функциональных смыслов и статусов, стилистических регистров). Далее читатель ста-

ты найдет примеры, в которых такой распад напоминает рассыпание сгустка космического вещества, возникающее в результате взрыва и приводящее к образованию Вселенной; дискретный сгусток, сформировавшийся в диалектной речи и существовавший некоторое (подчас длительное) время в лексической системе диалекта, разлетается в разные стороны (дискурсы, временные и территориальные участки), где стремится образовать самостоятельные дискретные сущности разной силы, конфигурации и разного места, статуса в функционально-семантическом пространстве русского языка. Поисковые системы интернета дают возможность проследить пути их движения, настоящий статус и прогнозировать будущее.

Теоретическую преамбулу в синергетическом ракурсе завершим сравнением с идеей, согласно которой энергия не исчезает, а превращается в другие ее формы. Так же и диалектное слово не исчезает бесследно из родного языка. Интернет – одно из пространств, где оно оставляет свои следы. Задача лексикографа – зафиксировать такие следы, задача семасиолога – описать их.

2. Поисковые системы интернета – количественные и содержательные сведения, сопровождающие результаты поиска отдельных слов и словосочетаний, – показывают достаточно объективную картину дискурсивного функционирования слова, поскольку в этих данных обнаруживается заслуживающая лингвистического внимания выборка исходного материала для разноаспектных обобщений. Ранее мы неоднократно касались вопроса об источниковом потенциале статистических данных интернета, приложимых к решению разнообразных исследовательских задач [11–15], в том числе лексикографических. В области лексикографической стороны лингвистических исследований автор уже имеет опыт разработки и реализации проекта народного интернет-словаря¹ особого типа [16].

¹ Считаю нужным внести коррективы в употребление термина «интернет-словарь». Как показывает узус, данный термин закрепился для обозначения словарей, размещаемых в интернете [14] и устроенных с учетом его особенностей (сайты, структура статьи, интернет-ссылки, принципы отбора лексем или фразеологизмов в словник словаря и т.п.). В предлагаемом нами словаре компонент «интернет» имеет другой смысл. Поэтому в заглавии мы использовали описательное выражение – «по материалам Рунета». На этом фоне оцениваем наше предшествующее употребление термина «интернет-словарь» как неудачное. Что касается термина Рунет в заглавии статьи как обозначение российского или – шире – рус-

В настоящей статье диалектная лексика становится **объектом** интернет-лексикографирования. Базой для выборки послужил «Областной словарь Кузбасса» [17]. Содержание этого словаря, подвергнутое предварительной исследовательской обработке, проецируется в новую область лексикографии (по целевой установке, отбору иллюстративного материала, организации словарной статьи). Мы полагаем, что данные поисковых систем интернета дают значимые функционально-семантические характеристики различным типам слов, в том числе особым диалектным словам. Надежность интернет-источника заключается в возможности всестороннего охвата разнообразных функциональных, социальных, территориальных пластов речевого материала и его больших массивов. Эта информация позволяет говорить о достоверности содержательных и количественных характеристик интернета. Он показывает большое разнообразие «биографий» слова в общенародном языке и – особенно – их современного состояния и позволяет прогнозировать их будущее. Это обосновывает возможность проекции в поисковое поле интернета лексических единиц, зафиксированных в диалектологических источниках, что позволяет описывать и оценивать (квалифицировать) их реальное функционирование в общенародном языке и на этом фоне выявлять функциональные возможности разных типов диалектных слов, обнаруживать тенденции их узуализации и – в идеале – создавать прогностические модели. В прикладном плане значимость такого подхода заключается в его способности уточнить и дополнить данные диалектных словарей, предложить их новые варианты. В статье обосновывается один из таких вариантов. Предварительное исследование проведено нами в соавторстве с Н.Б. Лебедевой, его результаты отражены в наших совместных публикациях [15, 18].

Образцы словарных статей диалектного словаря новейшего времени

Предлагаемый словарь направлен на отражение современного бытия диалектного слова и базируется на новых источниках информации о диалектном слове, каковыми, в частности, являются данные

скоязычного интернета, то его (термин), по-видимому, уже следует оценивать как узуальный [15].

Рунета. Опираясь на предваряющие исследования источниковых возможностей интернета для лингвистики [19–29], предлагаем проект дискурсивного словаря диалектной лексики. Идея проекта заключается в «пропускании» через поисковые системы Рунета слов, зафиксированных в традиционных диалектных словарях (или других диалектологических источниках), и фиксации полученных данных о современном функционировании слова в письменной речи в словарной статье по определенной схеме.

СХЕМА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Заглавная лексема

Исходные («доинтернетовские») металингвистические **характеристики**, приведенные в имеющихся словарях разного типа и других источниках.

Квантитативная характеристика, сопровождающая результаты поиска слова.

Дискурсивная характеристика

1. Лексикографический дискурс:

(От словаря Даля до интернет-словаря «Викилексия», создаваемого непрофессиональными лексикографами).

2. Научный дискурс: лингвистический, нелингвистический (этнографический, фольклористический, фенологический и т.п.).

3. Учебный дискурс.

4. Профессиональный дискурс с возможной конкретизацией, например: 4.1. Терминологический (сельскохозяйственный, кулинарный, ремесленный, медицинский).

5. Неофициальный: профессиональное арго с тематическими подразделениями по типу приведенных в п. 4.

6. Обыденный (повседневный, бытовой) дискурс.

7. Публицистический дискурс.

8. Художественный дискурс с возможной конкретизацией, например речь автора и речь персонажа.

9. Рекламный дискурс.

10. Номинативный дискурс – использование лексемы для номинации различных объектов.

Примеры словарных статей, составленных по данной схеме, с комментариями. Квантитативная характеристика, сопровождающая

результаты поиска слова, связана с общим принципом выборки – здесь и далее – представлены количественные показатели употребления слов из первых 100 страниц (Google).

БАЛАНТРЯС

Из «Областного словаря Кузбасса» [17. Вып. 1. С. 89]: «*О том, кто бездельничает, ведет праздный образ жизни*». В данном словаре отмечаются также формы «балантряситься», «балатряс», «балатрясать», «балатряситься», «балатрясничать».

Зафиксировано на 102 страницах (Google).

1. Лексикографический дискурс – 9 стр. контекстов; «БАЛАНТ-РЯС м. – шутник, балагур тамб. балант-рясить – шутить, балагурить твер (URL: <https://dictionaries.rin.ru/cgi-bin/detail.pl?sel=dal&word=%C1%C0%CB%C0%CD%D2%D0%DF%D1>).

2. Научный дискурс – 12 стр. контекстов: в основном этот дискурс представляют научные статьи по диалектологии, где данное слово используется в качестве иллюстративного материала и иногда в качестве объекта исследования, к примеру, «...*пропозицией «S-(V)»: бездельник, лентяй (балантряс, балахрыст, алырь (1), лынгуз, изгилай, измигул, аба- тур (5)*» (URL: «http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2008_1-1_13.pdf).

3. Учебный дискурс – 2 стр. контекстов. Методическое пособие по сбору диалектной лексики и практикум по диалектологии: «*собственно диалектные – балантряс...*» (URL: <https://studfiles.net/preview/6876732/page:3/>).

4. Профессиональный дискурс – 1 стр. контекстов «*Вот и у меня сегодня щука не клюёт, зато окунь, что с ума сошёл на балантряс и на блясну опустится не даёт!*».

5. Неофициальный – употреблений не зафиксировано.

6. Бытовой дискурс – 2 стр. контекстов: «*На самом деле: какого Илюшку знаю, совсем не Илюшка. Тот вообще был балантряс, а тут тихий, кроткий, угодительный, набожный. Я за это дело...*» (URL: <http://rlib.web-korolev.net/rlib/utf8/578572.html>).

7. Публицистический дискурс – употреблений не зафиксировано.

8. Художественный дискурс – 1 стр. контекстов: в форме «баланд-ряс»: «*Культура! У ей губа не дура: К ей с турусами, да с БАЛАНД-РЯСАМИ. Ликует культура, белоликая, белотелая, белolistая, Коль ласкают ей письменами, ласками-кляксам*» (Т. Чурус. Мои стихи или предстишия).

9. Рекламный дискурс – употреблений не зафиксировано.

10. Номинативный дискурс (1 стр. контекстов) через опосредование художественного зафиксирован: «*При тусклом свете звёзд на поляну пожаловали: Архаровец с Базанихой, Багуль с Басалаихой, БАЛАНТЯС с Бахвалкой, Бах с Беспелухой...*» (социальная сеть).

11. Номинативный дискурс – употреблений не зафиксировано.

БЕСИВО / БЕСЕВО

Из «Областного словаря Кузбасса» [17. Вып. 1. С. 186]: «*Травянистое растение, белена черная. *Hyoscyamus niger* L.*».

Зафиксировано на 102 страницах (Google).

1. Лексикографический дискурс – 12 стр. контекстов, отсылки на диалектные, синонимические, словообразовательные словари русского языка, энциклопедический, в том числе метаязыковой «поддискурсы»: «*Другие русские названия: блекота, слепота куриная, дурь-трава, бесиво, одурь. В России белена встречается по всей территории в средней и южной*» (URL: <https://assz.ru/sfera-ispolzovaniya-rasteniya-chnaya-belena-simptomy-i-pomoshch-pri-otravlenii/>);

2. Научный дискурс – 2 стр. контекстов: данный дискурс представляют этнографические и культурологические работы: «*...и колдунью называют “порчельник” (портежник) и “порчельница”; для всех одуряющих зелий существует общее, собирательное имя “бесиво”*» (А.Н. Афанасьев. Славянские колдуны и их свита); «*бесиво а-ля Франс. Как всё начиналось. Культ “разума”*». «*Когда читаешь писания Вольтера, когда узнаешь, каким успехом они пользовались*» (URL: <https://elena-sem.livejournal.com/2891365.html>).

3. Учебный дискурс – употреблений не зафиксировано.

4. Профессиональный дискурс – 1 стр. контекстов: «*Белена – ядовитое растение, принадлежащее к семейству пасленовых. Другие названия белены – *Hyoscyamus niger*, дурника, бешеная блекота, бешеная трава, бешенница, зубник, короста, куриная слепота, бесиво, дурь-трава, одурь*» (URL: <http://biofile.ru/bio/5128.html>).

5. Непрофессиональный – употреблений не зафиксировано.

6. Бытовой разговорный дискурс – 2 стр. контекстов: «*БЕСИВО зашкаливает! #я #Ася #собачка; Не гоните бесиво – есть нормальные тёлочки, которых можно оприходовать*» (социальная сеть).

7. Публицистический дискурс: «*...Богомерзкое БЕСИВО – наступление на русский язык*» (URL: <https://pravomd.ru/bogomerzкое-besivo-nastuplenie-na-russkiy-yazyk/>); «*Идентичность и инклюзивное обще-*

ство в Молдове: текущее положение дел и общее видение» (URL: <https://pravomd.ru/konferentsiya-po-probleмам-yazykovoy/>); «“Страшное БЕСИВО”. РПЦ приоткрывает завесу тайны “долго ли продержатся большевики у власти” будущего России» (URL: <https://grace-vandir.livejournal.com/575578.html>).

8. Художественный дискурс – 18 стр. контекстов. Доминирующее положение на этих страницах занимает отсылка на повесть Л. Бородин «Бесиво», в интернете приведено много цитат из этой повести, содержащих слово *бесиво*; другие употребления: «Слово “лаборатория” было прочно связано с именем “Константин”, а оно, в свою очередь с непонятным термином “БЕСИВО”» (URL: <https://books.google.ru/books?id=2>). Отмечены стихотворные тексты: «В пустоте Торичеллиевой Раскачались качели-то: Словно страшное месиво, Разноцветное БЕСИВО!» (Л. Иванова); «И врут, что это бесиво – История сама!.. Лихие девяностые, Буржуйский жуйский бур, Бандитские апостолы. Недели на шампур. Страну и население» (Ю. Мориц).

9. Рекламный дискурс – 1 стр. контекстов: «Корсет для похудения Waist Trainer – Женские секреты. / Талия превратилась в какое-то жирное БЕСИВО. Шеф-повар, видя, как я переживаю, посоветовала мне проверенное ею средство – waist trainer; бесиво маленьких померанских шпицев щенков питомник» (Глория Прайд. <http://gloriapride.narod.ru/> купить шпица, шпиц цена, продажа).

10. Номинативный дискурс – по-видимому, через опосредование профессионального и рекламного: «В Южной Корее одобрен препарат для лечения хронического гепатита В – БЕСИВО Besivo. Производитель – фармацевтическая компания Ildong Pharm» (URL: <https://spid.center/ru/posts/1688/>).

БОГОСЛОВИТЬ, БОГОСЛОВЛЯТЬ

Из «Областного словаря Кузбасса» [16. Вып. 1. С. 222–223]: «В христианском свадебном обряде – перекрестить иконой жениха и невесту; благословить; дать согласие, разрешение на брак. Разрешить, позволить что-либо сделать». В данном словаре отмечаются также формы: «басловить», «бласловить», «басловлять», «бласловение», «бласновление».

БОГОСЛОВИТЬ – в Google 1 370 стр., БОГОСЛОВЛЯТЬ – 334, БОГОСЛОВЛЕНИЕ – 640

1. Лексикографический дискурс – 8 стр. контекстов. Лексемы sporadически отмечаются в интернете как словнике словаря В. Даля, со-

временных областных словарей, в академических словарях не представлены.

2. Научный дискурс. В основном представлены богословские тексты и комментарии к ним: «*научил правильно БОГОСЛОВИТЬ Сына. Апостол написал три послания и книгу Апокалипсис, о том, что предстоит пережить Церкви*» (URL: http://eparhiya.od.ua/sobyitiya/sobyitiya/3222-v-den-pamyati-svyatogo-evangelista-ioanna-bogoslova-mitropolit-agafangel-sovershil-chin-osvyaschenie-hrama_-azatem-bojestvennyyu-liturgiyu-v-s_-fontanka-kominternovskogo-rayona).

3. Учебный дискурс – употреблений не зафиксировано.

4. Профессиональный дискурс – употреблений не зафиксировано.

5. Неофициальный – употреблений не зафиксировано.

6. Обыденный (повседневный, бытовой) дискурс: «*Видеотехника и Домашний кинотеатр. Извините, помочь не могу. Могу только БОГОСЛОВИТЬ на покупку. Таким классом аппаратуры не располагаю; Да, обматерить, кулаки сжать, перекрестить, БОГОСЛОВИТЬ и пинком под зад отправить!:-).* всё что было до неё-пыль всё что будет, таким не будет...». Обыденный дискурс не исключает высокого стиля, во многом заимствуемого из религиозного дискурса – «*да БОГОСЛОВИТЬ вас Аллах!!! чеченцы вы народ прекрасный да хранить Аллах молодых долгих лет жизни аминь. Я крестьянка но я уважаю верующих...*».

7. Повседневный религиозный дискурс: «*Молю БОГОСЛОВИТЬ нашу семью, Помогите нам Господи, и прости нас. Помогите с молитвой за деток моих что б они 7 деток были здоровенькие счастливые*».

8. Публицистический дискурс. «Светская» публицистика: «*Его можно любить или не любить, хвалить или оскорблять, БОГОСЛОВИТЬ или принижать, НО оставаться при виде него равнодушным просто невозможно; Коррупция побеждена-все свободны! Ваши бы слова да Богу в уши! Но тогда он должен Патриарха БОГОСЛОВИТЬ на трон*». Публицистический стиль широко представлен в его религиозной разновидности с ее склонностью к высокому стилю: «*Ни плоть и кровь, Петре, но Отец Бог вдохновил тебя БОГОСЛОВИТЬ Христа Сыном Бога живого, поэтому Он Сам свидетельствовал; Дорогие братья и сестра начиная этот день хочу поблагодарить и БОГОСЛОВИТЬ всех молящихся будьте богословенны во всем аминь. Прошу помолиться*».

9. Художественный дискурс. Контексты: «*Спас положение Михеев Андрюша, который вышел вперёд, упал передо мною ниц, стал цело-*

вать руки и просил БОГОСЛОВИТЬ его на хороший результат; Прошу пастырским посланием БОГОСЛОВИТЬ и укрепить в истязаниях. В каждом выстреле слышу славу вашего великого святого имени; Я рисую этот круг, который станет священным местом, где сила сможет проявиться и БОГОСЛОВИТЬ меня» (духовная проза). «Хочу не просто БОГОСЛОВИТЬ, Красиво изъясняться, А жизнью своей Бога славить» (Стихи.ру); «Мы должны их благодарить, Мы должны их БОГОСЛОВИТЬ, Мы должны благодарны им быть, За то, что они подарили» (из песни); «На всех языках БОГОСЛОВИТЬ. Крест выпал им благой юдоли: Свет для народов принести, Чтоб добродетели цвели» (духовные стихи).

10. Рекламный дискурс – употреблений не зафиксировано.

11. Номинативный дискурс – употреблений не зафиксировано.

Лингвистические комментарии к словарным статьям

Данные Рунета, составившие содержание словарных статей диалектной лексики Новейшего времени, представляют собой не только фиксацию материала, иллюстрирующего функционирование диалектного слова в современную эпоху. Они одновременно отражают важные семасиологические и ономасиологические тенденции, связанные как с конкретными (заглавными) словами, так и общелексические тенденции. Прежде всего, это тенденции, выявляемые в аспекте взаимодействия диалектной и общенародной лексики. Универсальный вывод о том, что в данной сфере действуют не только очевидные энтропические тенденции, обусловленные утратой диалектами своей социально-коммуникативной роли, но и тенденции негэнтропические (или – в другой терминологии – синтропические), поддерживается массой частных закономерностей, обнаруживаемых как на уровне групп (разрядов) лексики, так и на уровне отдельных лексем. Приводимые далее комментарии представляют собой краткие очерки на последнюю, конкретно-лексическую тему.

БАЛАНТРЯС

Слово осталось (хотя и на периферии) в языковой памяти носителей русского языка, продолжает функционировать в современной речи с невысокой степенью активности. В основном сохранило свою звуковую оболочку; зафиксирован лишь один фонетический вариант (*баландряс*) и ядерное исходное значение («тот, кто ведет праздный

образ жизни)). Можно констатировать наличие у лексемы потенциала семантического развития (значение пустословия, красноречия). В рыболовно-любительском дискурсе сформировалось терминологическое значение – БАЛАНТРИЯС здесь обозначает приспособление при ловле рыбы на блесну. Полагаем, что это игровая трансформация термина: *«балантριάс первый раз ловил на балантριάс. Вопрос: больше поклевков было на кембрик, но балантριάс сильно гуляет и поводок закручивает за основную леску»*. Метафорический перенос с использованием экспрессивной лексемы обоснован – приспособление выглядит ярко (и имеет синонимическое обозначение – «шут»).

БЕСИВО

Слово БЕСИВО несомненно живет в современном общенародном употреблении, при этом развивается. Наряду с синонимами и словообразовательными вариантами, фиксируемыми словарями (появился орфографический вариант «бесиво» по аналогии с *курево, кружево, варево, крошево* и подобными образованиями (заметим, что для написания с *ев* больше морфемных оснований, чем с *ив*: *месиво, сочиво*). Употребление слова в различных дискурсах способствует формированию у него вторичных значений разного типа. Ядовитость растения рождает контексты, где *БЕСИВО* – *отрава, зелье всякое одуряющее зелье; иногда вино. Кроме того, это одно из имен Белены черной: «И зачем тебе это БЕСИВО, кого морить думаешь? – Какая разница Лишь бы человек хороший попался. Могу тебя угостить. – Меня не возмет»*. Способность растения влиять на сознание ведет к формированию у слова негативных коннотаций разного типа. Формируется лексико-семантический вариант – «суматоха, суета»: *«Там уж до утра не уснешь – БЕСИВО без остановки...»*; *«Скорей бы морозы ударили... Артема звуки внешней жизни тоже раздражали, но иначе – хотелось. Неуправляемый человек, который начал вести себя подобно сумасшедшему»*. В ряде контекстов фиксируется общенегативное значение – *«Чушь, очень плохо: Фотоальбомы / Ох, работа БЕСИВО...))))))»*. В альбоме 10 фотографий. Комментарии к альбому. *К утру на работе, когда нету сил, нас дух расслабухи; У меня две крайности: либо депрессия жуткая со слезами-соплями, либо БЕСИВО до усрачки!!!»*. На максимальном уровне это значение концентрируется при употреблении в функции модальной частицы: *«Подвели, значит, к царю трех румяных на выбор. Царь и выбрал Марфутку, белолицую. Та стоит, зубы ласково на царя скалит, ух, БЕСИВО, хо-*

роша». Симптоматичным в данном развитии является ассоциирование с различными участками словообразовательного гнезда, организуемого корнем *бес-*. Так часто активизируется микрогнездо «*бесы, бесовство, бесовщина*» и микрогнездо «*бесить, беситься, бешенство*».

БОГОСЛОВЛЯТЬ

Появление лексемы «БОГОСЛОВИТЬ / БОГОСЛОВЛЯТЬ/ БОГОСЛОВЛЕНИЕ» – продукт народно-этимологического переосмысления лексемы «благословить/ благословлять/ богословление».

Несомненно влияние церковного обряда, в результате которого возникает ассоциация со словом-корнем «*бог*». В ряде интернет-контекстов их авторы заключают «БОГОСЛОВИТЬ» в кавычки, осознавая их ненормативность и, возможно, просторечный характер или неграмотность. Контексты показывают наличие в разговорно-просторечных употреблениях глагола тенденции к усилению религиозных смыслов, которую поддерживает книжная речь. Религиозный и «светский» дискурсы по-разному осваивают ненормативную лексему «БОГОСЛОВИТЬ» и ее производные, но в целом заметно сильное влияние первого на второе. Пример «обытовления» лексемы «БОГОСЛОВЛЯТЬ»: *«Во-первых, что авто вообще сломается равняется очень маленькому проценту. Во-вторых, как ты не пытайся БОГОСЛОВЛЯТЬ механику, она сама по себе...»*. К «обытовлению» относятся все многочисленные случаи употребления глагола «БОГОСЛОВИТЬ» в значении благодарить, например: *«А в предыдущих сезонах (где-то с 1 по 10) почти в каждой серии были такие моменты, что хотелось БОГОСЛОВЛЯТЬ Трея и Мэтта за их чувство юмора; И тогда тот же Эванс, Уэлбек или Клеверли заиграют так, что фанаты начнут их БОГОСЛОВЛЯТЬ. Любите Юнайтед больше побед. Верьте...»*. В этой же парадигме – употребления данного глагола в церковно-обрядовом смысле: *«Приехали в церковь на Красном – там сказали, что мол матушка такое действие не БОГОСЛОВЛЯЕТ. В итоге увезли пакеты с одеждой. А то что крёстные и родители должны самую простую молитву знать Отче наш, хоть одну – это правильно, как вы ребёнка БОГОСЛОВЛЯТЬ...»*. Наиболее активно представлен в интернете бытовой дискурс, в котором лексема «БОГОСЛОВИТЬ» и ее варианты широко представлены как в связи с церковным обрядом, так и религиозными смыслами более высокого порядка, последние поддерживает религиозный дискурс. Помимо конкуренции *бого* – *благо*, наблюдается конкуренция второй части гла-

голов *слав-* (*слава, славить*) – *слов-* (*слово*), она рождает два лексико-семантических варианта. В следующих контекстах просматривается конкуренция этих смыслов – славословить и боготворить: «*Все будут БОГОСЛОВИТЬ Путина, ну и он как всегда президентом, но уже на 6 лет. Теперь Крым его будет БОГОСЛОВЛЯТЬ и молиться на него – честно уже достали с этим Крымом*». Сема «боговорить, обожествлять»: «*Ну и смысл БОГОСЛОВИТЬ средненькую девушку, которая сейчас ещё и потолстела*». Сема поддержана народным словотворчеством: *БОГОСЛОВЛЯТЬ* – «*обоожествлять (новоизобретенный язык Валентия)*» (Форум Многодеток). Отмечаются иронические смыслы, снижение: «*мистер дудец сможет БОГОСЛОВИТЬ тебя кальцем и крепкими костями*». Дialeктные и просторечные формы глагола «*благословить / благословлять*» с сильной деформацией звуковой оболочки (*басловить, басловить, басловлять, басловение, басновление*) в интернете представлены спорадически, например, в этнографических, фольклорологических трудах. Так, в тексте песни «На чужой сторонushке», в которой передаются фонетические особенности исконного произношения, воспроизведена форма «*басловить*»:

*«И прыбудильсяй ронна матушка
Басловить сваю доченьку...
И басловить сваю доченьку
И чтой на путь най дароженьк...
И чтой на путь най дароженьку...»*

В книге «Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды» приведена информация: «...Согласие на какое-либо иное предприятие выражалось словами “басловить(ся)”, “басловить(ся)”, “басловенье”, “басловенье”, “басловление”». В словаре Д.Н. Ушакова помещен глагол «*богословствовать*» – «*вести богословские беседы*». Интернет дает один пример актуализации данного смысла: «*Значит и мне придётся... теологировать и БОГОСЛОВИТЬ. И, само собой, факеншитировать. Потому что без нормального, на здоровом скептицизме*».

Лексикографические перспективы принципов создания дискурсивного словаря

Очевидны перспективы применения лексикографических принципов дискурсивного словаря Новейшего времени, связанных с экстенсивным планом развития диалектной лексикографии: расширением

словника, привлечения словарей других регионов, других источников; менее очевидны перспективы интенсивного плана, которые предполагают повышение качества диалектной лексикографии¹. Помимо перспектив в диалектной лексикографии просматриваются выходы названных принципов в другие (не только диалектный) форматы лексикографии.

На наш взгляд, они вполне приложимы для описания современного бытования лексики прошлых эпох (историзмов), лексики ограниченного употребления (профессионализмов, авторских неологизмов², специальной терминологии). Примеры из художественной речи часто отражают процессы концептуализации лексем, тем самым дискурсивный словарь пересекается со словарем концептов (ср. иллюстрации из приводимой далее словарной статьи «Перепелка»).

Профессиональные словарные статьи и комментарии, реализованные в предлагаемом нами лексикографическом проекте диалектного словаря Новейшего времени, могут быть органично поддержаны любительским лексикографированием по типу принципов создания Викилексия [16]. Часть лексикографических перспектив использования материалов поисковых систем интернета описана нами в статье [33].

Специфический вариант дискурсивного лексикографирования диалектной лексики представлен в статье Н.А. Зюзьковой «“Жизнь” диалектных слов в региональном и общероссийском дискурсах» [34]. Диалект в данной статье рассматривается как источник пополнения словарного запаса современного национального языка и речи.

Более того, при исследовательской необходимости через призму функционирования в современном интернете можно рассмотреть **любое** слово, а не только слово ограниченного употребления. Для иллюстрации таких возможностей предложенного формата дискурсивного

¹ Например, обращение к поисковым системам интернета могло бы помочь достижению цели квалификации неологизмов в диалекте, помечаемых в словарях пометой «нов», о чем пишет М.Э. Рут в своих заметках [29]. «Определить удельный вес такой пометы и выяснить причины ее возникновения или отсутствия в лексикографических работах – такова цель данных заметок», – отмечает автор [29. С. 88].

² Так, например, могут быть «пропущены» через поисковые системы интернета лексемы, предлагаемые А.И. Солженицыным в его «Русском словаре языкового расширения» [30], и тем самым может быть получен ответ, насколько обогатили они русский язык. Отметим, что исследование подобного типа осуществили Е.В. Петрухина и О. Дедова по отношению к неологизмам М. Эпштейна, включенным в его сетевой проект «Дар слова» [31].

словаря приведем гипотетическую словарную статью «Перепёлка». Материалом для этого послужили также данные поисковых систем интернета.

ПЕРЕПЁЛКА

Рекламный дискурс

Сайт производителей перепелиных яиц.

«Этот сайт, посвящен одной из самых замечательных домашних птиц – перепелу. Почему замечательных? Да потому, что о пользе этих птиц сложены легенды. А правительство Японии, установив положительное влияние перепелиных яиц на умственное развитие детей, возвело ежедневное употребление школьниками на завтрак 2-х перепелиных яиц в ранг одного из законов страны. Возможно в этом одна из причин “японского чуда”? Кроме того, ПЕРЕПЕЛКА – это еще и космическая птичка, так как она одна из всего отряда куриных удостоилась чести несколько раз быть выведенной в космосе, на орбите Земли. Первым земным живым существом, родившимся в космосе, был перепеленок, пробивший скорлупу пестренького серо-коричневого яичка 22 марта 1990 года в специальном космическом инкубаторе на советской орбитальной станции “Салют-6”».

Профессиональный дискурс

Сайт охотников: *«Охота по перепелам имеет значение только на юге, т. е. на Украине и в черноземной полосе РСФСР, а во время пролета – в Крыму и на Кавказе, где их бьют тысячами. В Московском и более северных районах ПЕРЕПЕЛОК немного».*

Кулинарный сайт: *«Ставим в духовку на 2 минуты. В помидор можно положить одно филе перепелки и чернослив».*

«Кулинарный текст» писателя С. Аксакова: *«ПЕРЕПЕЛКА немного больше скворца, но мясистее его; впрочем, кто же ее не выдывал по крайней мере на столе? Кто не едал ее сочного, мягкого, вкусного, иногда до приторности жирного мяса? Устройством всех частей своего тела ПЕРЕПЕЛКА есть не что иное, как курица или куропатка в уменьшенном виде, только она кажется еще складнее и милее, виднее даже куропатки: вероятно, оттого, что несравненно ее меньше».*

Художественный дискурс

Фольклорные тексты:

«Поздно ли, рано ли Отыскать тропинку другую, Чтоб из чужой земли Возвратиться в землю родную... Забери меня с собою ты, ПЕ-

РЕПЕЛКА, Уведи в чащу глухую. Стану серой птичкой незаметной – да и только, Растоплю тоску ледяную».

Поэтические тексты:

«Вверх рвануться шальной ПЕРЕПЕЛКОЙ – такое напишет только поэт, действительно видевший, как они взлетают... Именно как шальные...»

Прозаические тексты:

«У нас в клетке жила ручная ПЕРЕПЁЛКА. Такая маленькая дикая курочка. Вся коричневая, в светлых полосках. И на горле у неё нагрудничек из пёрышек, будто ребячий слюнявник. ПЕРЕПЁЛОЧКА ходит по клетке и тихонько насвистывает – вот так: –Тюрр-тюрр! тюрр-тюрр!» (Е. Чарушин).

Таким образом, представленный подход дает возможность исследовать любую специализированную (ограниченную в употреблении) лексику с точки зрения ее реального функционирования в общенародном языке. При необходимости такому исследованию и лексикографическому описанию может быть подвергнута любая другая, не только ограниченная, лексика. Такая возможность проиллюстрирована выше на примере гипотетической словарной статьи «Перепелка». Выскажем для обсуждения идею расширенного представления дискурсов и контекстов в словарной статье предлагаемого типа. Его объектом может стать и общенародная лексика. Принципиально важно, что описание дискурсов выводит лексикографа из плоскости информативно-понятийной семантики и вводит в плоскость семантики концептной.

Литература

1. *Фоменко Ю.В.* Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. Новосибирск, 2001. С. 164–168.
2. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М. : КомКнига, 2006. 248 с.
3. *Фоменко Ю.В.* Мифы современной лингвистики. Новосибирск : НГПУ, 2010. 176 с.
4. *Голев Н.Д.* Викилексия – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. Томск, 2014. Вып. 2. С. 31–67.
5. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 213 с.
6. *Засорина Л.Н.* О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики: сборник ЛГУ, кафедра структурной и прикладной лингвистики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. С. 5–26.
7. *Современный русский язык : учеб. для филол. спец. высш. учеб. заведений / под ред. В.А. Белошапковой.* 4-е изд., стереотип. М. : Альянс, 2011. 925 с.

8. Голев Н.Д., Иркова А.В. Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-* и *добр-*) // Вестник Московского государственного университета. 2018. № 4. С. 212–242.

9. Воронцова Ю.А. Энтропия и негэнтропия в коммуникации // Символ науки. 2016. № 2–3 (14). С. 54–58.

10. Некipelова И.М. Энтропия языковой системы как основной показатель ее развития // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 12 (32). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-12-4. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/1220134/pdf_487 (дата обращения: 16.08.2019).

11. Голев Н.Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания // Осмь десать : сб. науч. ст. к 80-летию И.С. Улуханова. М. : Азбуковник, 2015. С. 183–193.

12. Голев Н.Д. Лексическое функционирование словообразования и лексико-словообразовательная системность русского языка в свете статистики Интернета // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 22–32.

13. Голев Н.Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : доклады XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. Е.В. Петрухиной. М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 424–443.

14. Голев Н.Д. О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты : материалы I Междунар. науч. конф. (23–24 марта 2006 г.). Кемерово : Меркурий, 2006. Вып. 1. С. 41–49.

15. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Современный интернет-словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 125–133.

16. Викилексия – Народный Интернет-словарь обыденных толкований русских слов. URL: <http://викилексия.рф>.

17. Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 1: А–Б. 394 с.

18. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Лексика регионального словаря в Интернете // Язык, литература и культура в региональном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 9–22.

19. Дементьев В.В. Ключевые метафоры двухтысячных (на материале Рунета) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2018. С. 69–77.

20. Ефремов В.А. Наивная интернет-лексикография // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. М., 2016. Ч. 1. С. 11–14.

21. Лассан Э.Р. О возможном аспекте развития сильной языковой личности в эпоху Рунета через диалог с текстами гражданской лирики // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-2. С. 53–57.

22. Шестакова Л.Л. Интернет-словари русского поэтического языка // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах : материалы VI Междунар. школы-семинара. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2005. С. 316–318.

23. Тоболин Д.Ю., Суровень Д.А. Современные компьютерные лексикографические источники в процессе изучения восточных языков на примере тайско-русского интернет-словаря // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI : сб. ст. и докл. участников I Междунар. науч.-практ. конф. Казань : Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2017. С. 184–190.

24. Панышева Т.Ю. Формирование профессиональной лексической компетенции у студентов неязыковых специальностей на базе интернет-словарей // Вопросы методики преподавания в вузе. 2012. № 1 (15). С. 28–33.

25. Галиуллин К.Р. Интернет-лингвография: русские текстоописывающие словари // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 635–39.

26. Тарса Я. Интернетовские словари жаргона как источник информации для лексикографа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 288–289.

27. Ридецкая Ю.С. Неография и интернет-лексикография // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докл. междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2018. С. 102–104.

28. Кит М., Берг Е.Б. Лексикография в сетях // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 129–130.

29. Язык поэзии Габдуллы Тукая : интернет-словарь. URL: <http://www.klf.kpfu.ru/tukay/index.php> (дата обращения: 16.08.2019).

30. Рут М.Э. Новое в диалектном лексиконе и помета «нов» в современных региональных словарях: заметки лексикографа // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 88–95.

31. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. М. : Русский путь, 2000. 280 с.

32. Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–159.

33. Голев Н.Д. Комплексная словарная статья «Словаря обыденных толкований русских слов»: технический проект (на материале предметной лексики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово, 2010. Ч. 3. С. 255–258.

34. Зюзькова Н.А. «Жизнь» диалектных слов в региональном и общероссийском дискурсах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых / под ред. Е.О. Третьякова. Томск, 2018. Вып. 19. С. 55–56.

A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 113–137.

DOI: 10.17223/22274200/16/7

Nikolay D. Golev, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: ngolevd@mail.ru

Keywords: dialect vocabulary, innovative lexicographic project, discourse dictionary, Internet search systems.

The article introduces a new type of dialect dictionary. The project includes two innovative points: (1) in terms of content (in terms of reflected content), the dictionary is discursive, (2) in terms of techniques and organization, it is a dictionary based on the data of the Russian-language Internet (Runet) search systems. On the one hand, discursiveness is understood as the discursive manifestation of a word's semantics, and, on the other hand, it is understood as its potential development, carried out in the line of meaning distribution by implications that determine discourse. The article begins with the analysis of the theoretical linguistic context, which includes the project of discourse dictionary. This project is formed in the discussion of the problem of the cause-and-effect relations of the word and context semantics. The author defends the thesis about the primacy of discourse in such relations. The peculiarities of the Internet search systems as the source of linguistic material are characterized separately. The main part of the article offers the scheme of a lexicographic description of the discursive-semantic space formed by the word functioning in Runet. The scheme consists of the following headings: lexicographic discourse, scientific discourse; linguistic, non-linguistic (ethnographic, folkloristic, phenological, etc.); educational discourse; professional discourse with possible specification, for example: terminological (agricultural, culinary, craft, medical); informal discourse: professional argo with thematic units; ordinary (everyday, household) discourse; publicist discourse; art discourse with possible concretization, for example, folklore, poetic discourses; advertising discourse; nominative discourse – the use of lexemes for naming various objects. The article gives the examples of implementation of the presented scheme in the format of a lexicographic entry (BALANTRYAS, BESIVO / BESEVO, BOGOSLOVIT / BOGOSLOVLYAT'). The semasiological results of each of these articles are analyzed (linguistic commentary). The prospects of applying the principles of the discourse dictionary to other vocabulary groups that have both limited and widespread use are considered.

References

1. Fomenko, Yu.V. (2001) Chelovek, slovo i kontekst [Man, word and context]. In: *Kontseptsiya cheloveka v sovremennoy filosofskoy i psikhologicheskoy mysli* [The concept of man in modern philosophical and psychological thought]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 164–168.
2. Yel'mslav, L. (2006) *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the Theory of Language]. Moscow: KomKniga.

3. Fomenko, Yu.V. (2010) *Mify sovremennoy lingvistiki* [Myths of Modern Linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
4. Golev, N.D. (2014) Wikilexia – The Public Internet Dictionary: Innovatory Lexicographic Project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 31–67. (In Russian).
5. Katsnel'son, S.D. (1972) *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad: Nauka.
6. Zazorina, L.N. (1973) O nekotorykh empiricheskikh printsipakh metalingvistiki [On some empirical principles of metalinguistics]. In: *Voprosy metalingvistiki* [Issues of Metalinguistics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 5–26.
7. Beloshapkova, V.A. (ed.) (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. 4th ed. Moscow: Al'yans.
8. Golev, N.D. & Irkova, A.V. (2018) The marking of a legal term out of a general word: a discursive and semantic analysis of words with the roots chest and dobr. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta – Moscow University Bulletin*. 4. pp. 212–242. (In Russian).
9. Vorontsova, Yu.A. (2016) Entropiya i negentropiya v kommunikatsii [Entropy and negentropy in communication]. *Simvol nauki*. 2–3 (14). pp. 54–58.
10. Nekipelova, I.M. (2013) Entropy of language system as main development indicator. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*. 12 (32). [Online]. Available from: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/1220134/pdf/48>. (Accessed: 16.08.2019). (In Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-12-4
11. Golev, N.D. (2015) Leksicheskaya realizatsiya kak funktsional'naya kharakteristika slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i kolichestvennyye parametry yeye opisaniya [The lexical implementation as a functional characteristic of the word-formation system of the Russian language and the quantitative parameters of its description]. In: *Osm' desyat': sbornik nauchnykh statey k 80-letiyu I.S. Ulukhanova* [Eighty: collected scientific articles on I.S. Ulukhanov's 80th anniversary]. Moscow: Azbukovnik. pp. 183–193.
12. Golev, N.D. (2011) Lexical functioning of word-building and the lexical-word-building system of the Russian language in the light of Internet statistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 22–32. (In Russian).
13. Golev, N.D. (2010) [Internet search engines as a linguistic source (by the example of solving some theoretical and applied issues of Russian word formation)]. *Novyye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovaniye* [New Phenomena in Slavic Word Formation: System and Functioning]. Proceedings of the XI International Conference of Commission on Slavic word formation at the International Committee of Slavists. Moscow. 24–26 March 2009. Moscow: Moscow State University. pp. 424–443. (In Russian).
14. Golev, N.D. (2006) [On the possibilities of the Internet in a quantitative description of lexical semantics]. *Slavyanskaya filologiya: issledovatel'skiy i metodicheskiy aspekty* [Slavic philology: research and methodological aspects].

Proceedings of the I International Conference. Kemerovo. 23–24 March 2006. Kemerovo: Merkuriy. 1. pp. 41–49. (In Russian).

15. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2016) The modern online dictionary of dialect vocabulary. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/14

16. *Vikileksiya – Narodnyy Internet-slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov* [Wikilexia – People's Internet dictionary of everyday interpretations of Russian words]. [Online]. Available from: <http://викилексия.рф>.

17. Vasil'yeva, E.V. (ed.) (2001) *Oblastnoy slovar' Kuzbassa* [Regional Dictionary of Kuzbass]. Vol. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

18. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2007) [The vocabulary of the regional dictionary on the Internet]. *Yazyk, literatura i kul'tura v regional'nom prostranstve* [Language, Literature and Culture in the Regional Space]. Proceedings of the All-Russian Conference in memory of prof. I.A. Vorob'yeva. Barnaul: Altai State University. pp. 9–22. (In Russian).

19. Dement'yev, V.V. (2018) Klyuchevyye metafory dvukhtysyachnykh (na materiale Runeta) [Key metaphors of the two thousands (based on Runet material)]. In: Kormilitsyn, M.A. & Sirotinina, O.B. (eds) *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov: Saratov State University. pp. 69–77.

20. Yefremov, V.A. (2016) [Naive Internet Lexicography]. *Yazykovaya norma i rechevaya praktika v Orenburgskom regione* [Language Norm and Speech Practice in the Orenburg Region]. Pt. 1. Proceedings of the International Conference. Orenburg. 14 October 2016. Orenburg: Orenburgskaya kniga. pp. 11–14. (In Russian).

21. Lassan, E.R. (2017) O vozmozhnom aspekte razvitiya sil'noy yazykovoy lichnosti v epokhu Runeta cherez dialog s tekstami grazhdanskoy liriki [On a possible aspect of the development of a strong linguistic personality in the Runet era through dialogue with texts of civic lyrics]. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*. 22-2. pp. 53–57.

22. Shestakova, L.L. (2005) Internet-slovari russkogo poeticheskogo yazyka [Internet dictionaries of the Russian poetic language]. *Leksika, leksikografiya, terminografiya v russkoy, amerikanskoy i drugikh kul'turakh* [Vocabulary, Lexicography, Termography in Russian, American and Other Cultures]. Proceedings of the VI International Seminar. Ivanovo. 12–15 September 2005. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 316–318.

23. Tobolin, D.Yu. & Suroven', D.A. (2017) [Modern computer lexicographic sources in the process of studying Oriental languages on the example of the Thai-Russian Internet dictionary]. *Aktual'nyye voprosy prepodavaniya kitayskogo i drugikh vostochnykh yazykov v XXI* [Relevant Issues of Teaching Chinese and Other Oriental Languages in the 21st Century]. Proceedings of the I International Conference. Kazan: Izdatel'stvo "FEN" AN RT. pp. 184–190. (In Russian).

24. Panysheva, T.Yu. (2012) Professional lexical competence formation in students from technical departments based on online dictionaries. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze – Teaching Methodology in Higher Education*. 1 (15). pp. 28–33. (In Russian).

25. Galiullin, K.R. (2009) Internet-lingvografiya: russkiye tekstoopisyvayushchiye slovari [Internet linguography: Russian text dictionaries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2 (24). pp. 635–639.
26. Tarsa, Ya. (2014) Internet jargon dictionaries as a source of information for a lexicographer. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3 (45). pp. 288–289. (In Russian).
27. Ridetskaya, Yu.S. (2018) Neografiya i internet-leksikografiya [Neography and Internet lexicography]. *Fortunatovskiye chteniya v Karelii* [Fortunatov Readings in Karelia]. Proceedings of the International Conference. Petrozavodsk. 10–12 September 2018. Petrozavodsk: [s.n.]. pp. 102–104.
28. Kit, M. & Berg, Ye.B. (2018) [Lexicography under the nets]. *Peresekaya granitsy: mezhkul'turnaya kommunikatsiya v global'nom kontekste* [Crossing borders: intercultural communication in a global context]. Proceedings of the I International Conference. Moscow. 14–16 February 2018. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute. pp. 129–130. (In Russian).
29. Kazan Linguographic Fund. (2009) *Yazyk poezii Gabdully Tukaya* [The Language of Gabdulla Tukay's Poetry]. [Online]. Available from: <http://www.klf.kpfu.ru/tukay/index.php>. (Accessed: 16.08.2019).
30. Rut, M.E. (1998) *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Lexics]. Yekaterinburg: Ural Federal University. 2. pp. 88–95.
31. Solzhenitsyn, A.I. (2000) *Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Extension]. 3rd ed. Moscow: Russkiy put'.
32. Petrukhina, Ye.V. & Dedova, O.V. (2019) The internet as a source of linguistic information (for studying the dynamics of Russian word formation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 137–159. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/8
33. Golev, N.D. (ed.) (2010) *Obydennoye metayazykovoye soznaniye: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Pt. 3. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 255–258.
34. Zyuz'kova, N.A. (2018) [“Life” of dialect words in regional and all-Russian discourses] *Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. 19. Proceedings of the V (XIX) International Conference. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: STT. pp. 55–56.

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/16/8

А.Э. Мезит

КОНЦЕПЦИЯ «СЛОВАРЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОЙ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ»

Статья посвящена описанию концепции «Словаря специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли». Целью словаря является толкование специальной лексики гидроэнергетической отрасли. Словарь является инвентаризационным, ненормативным, так как включает не только кодифицированную терминологию подъязыка гидроэнергетической отрасли, но и профессионализмы, профессиональные жаргонизмы. Проект Словаря разработан на примере трех терминологических микрополей: «Виды ГЭС», «Плотина» и «Гидроагрегат».

Ключевые слова: терминография, концепция словаря, словарь специальной лексики, специальная лексика, профессиональный подъязык.

Лексикографическое описание специальной лексики – задача терминологической лексикографии, или терминографии, отрасли, занимающейся теорией и практикой составления словарей, в которых фиксируются словарный состав и терминоэлементы различных профессиональных подъязиков. Предметом терминографии является разработка методологии и конкретных приемов составления специальных, терминологических словарей [1. С. 5]. Объектом выступают термины, терминоиды, терминоэлементы, номены, профессионализмы и отчасти профессиональные жаргонизмы.

Изучением терминографии занимались О.В. Борхвальдт [2], И.С. Кудашев [3], Ю.Н. Марчук [4], В.Д. Табанакова [5], S. Nielsen [6, 7]. Практическая терминография возникла раньше, чем ее теоретическое направление. По данным О.В. Фельде, первый российский терминологический словарь появился в конце XVII – начале XVIII в. Это был «Русско-голландский глоссарий корабельных частей», составленный лично Петром I [8]. Начиная с XVIII в. появляются терминологические словари различных типов и жанров. В современном мире очевидно, что без специальных словарей невозможно ни развитие различных отраслей знания, ни международное общение в самых разных областях.

Терминологические словари, специальные энциклопедии и справочники имеют важное значение для специалистов, поскольку они

позволяют ориентироваться в понятийном пространстве отрасли, способствуют накоплению и распространению профессиональных знаний, используются в учебном процессе при подготовке специалистов, содействуют эффективной переводческой деятельности.

В отечественной лексикографии в настоящее время отсутствуют толковые словари подъязыка гидроэнергетической отрасли. Терминология гидроэнергетики лишь частично отражена в переводных [9, 10] и политехнических словарях [11], а также в виде вкраплений представлена в словарях смежных отраслей – энергетики [12, 13] и гидрологии [14]. Особую роль в упорядочении терминологии подъязыка сотрудников гидроэнергетической отрасли играют терминологические ГОСТы, которые были приняты в 2013–2014 гг. Однако в имеющихся ГОСТах [15–23] отражен лишь малый процент терминологии гидроэнергетики (331 термин). Большинство кодифицированных, рекомендуемых ГОСТами терминов относится к гидротехнической части ГЭС.

Цель статьи – представить концепцию «Словаря специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли».

Поскольку вся предметная область «Гидроэнергетика» достаточно широка для ее полного лексикографического описания, проект словаря создан на примере трех терминологических полей: «Виды ГЭС», «Плотина», «Гидроагрегат». Выбор полей обусловлен профессиональной значимостью данных объектов: плотина и гидроагрегат являются главными объектами, без которых функционирование гидроэлектростанции невозможно.

Фактографической базой данных для разрабатываемого словаря послужили:

1) энциклопедические, терминологические, учебные словари и справочники (общие и отраслевые) – всего 15 наименований;

2) терминологические ГОСТы и нормативные документы – всего 17 наименований;

3) научная, учебная литература по гидроэнергетике – всего 9 наименований общим объемом 337 печ. л.;

4) статьи из специальных периодических изданий: газета «Вестник РусГидро» (2012–2017 гг.); газета «Сибирский энергетик» (2010–2017 гг.); журнал «Гидротехника» (2012–2017 гг.) и др.;

5) данные профессиональных блогов и официальных сайтов крупных гидроэнергетических компаний, ГЭС: блог РусГидро

(<http://blog.rushydro.ru/>), сайт РусГидро (<http://www.rushydro.ru/>), сайт Саяно-Шушенской ГЭС (<http://www.sshges.rushydro.ru/>), сайт Новосибирской ГЭС (<http://www.nges.rushydro.ru/>), сайт Чебоксарской ГЭС (<http://www.cheges.rushydro.ru/>) и др.;

б) языковые данные, полученные в результате анкетирования и интервьюирования сотрудников турбинных, электромашинных и гидротехнических цехов, а также производственно-технических отделов, административного и дежурного персонала ПАО «Красноярская ГЭС» (г. Дивногорск), ПАО «Богучанская ГЭС» (г. Кодинск), ПАО «Волжская ГЭС» (г. Волжский), – всего 150 анкет, 179 опрошенных;

Целью проектируемого словаря является обеспечение пользователям словаря возможности быстро и эффективно получить необходимую информацию относительно специальной лексики гидроэнергетической отрасли. Важно не только дать толкование ключевых понятий и представлений изучаемой отрасли, но и многоаспектно и системно описать специальные наименования. Данная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- представление в словаре оптимального количества лексических единиц, адекватно отражающих сферу гидроэнергетики;
- выработка методики репрезентации единиц различных групп специальной лексики (терминов, предтерминов, профессионализмов);
- составление алгоритма подачи материала в словарных статьях;
- отбор минимума грамматических помет;
- выявление лексического значения представленных единиц;
- установление отношений полисемии, синонимии, антонимии;
- отбор и определение способов подачи иллюстративного материала.

Создаваемый нами Словарь специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли может быть описан при помощи типологических и композиционных характеристик.

Тип словаря. «Словарь специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли» по тематической ориентации является *отраслевым*, поскольку объект описания ограничен сферой конкретной профессиональной деятельности человека. По языковой ориентации создаваемый словарь *одноязычный*, по временной ориентации – *словарь современной лексики*.

В соответствии с назначением «Словарь специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли» является *толковым*.

Адресная ориентация создаваемого словаря: специалисты, в том числе и студенты, обучающиеся по программе «Гидроэнергетика».

Словарь является *инвентаризационным, ненормативным*, так как включает не только кодифицированную терминологию подъязыка гидроэнергетической отрасли, но и профессионализмы, профессиональные жаргонизмы. Лексикографическая репрезентация ненормированных специальных наименований осложняется тем, что объем их лексического значения зачастую определить трудно, поскольку они обозначают не строгие научно-технические понятия, а представления; некоторые профессиональные жаргонизмы имеют локальное функционирование.

Ведущей **функцией словаря** считаем *систематизирующую*, поскольку данный словарь представляет собой первую попытку представить термин как фрагмент подъязыка сотрудников гидроэнергетической отрасли. Систематизирующая функция реализуется при помощи следующих средств: включение в словарь понятийного / тематического указателя; использование помет или ссылок, отражающих родовидовые, синонимические и другие парадигматические отношения между терминами; таксономическое описание терминов в рамках словарной статьи; отражение терминологической сочетаемости как системных отношений на синтагматическом уровне. Помимо систематизирующей проектируемый словарь осуществляет *справочную* функцию.

По **объему** проектируемый словарь является *малым*, поскольку его вокабуляр трех рассмотренных микрополей включает около 90 специальных наименований. Всего картотека эмпирического материала составляет более тысячи текстов разных жанров и 2 417 специальных наименований.

Параметры описания словарных единиц. В «Словаре специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли» содержится *семантическая, грамматическая, стилистическая* информация (подробнее об этом см. ниже).

По общепризнанному мнению, структуру словаря составляет совокупность макро- и микроструктур.

Макроструктура словаря – это его строение в целом, обусловленное выбором принципов представления и расположения лексики, определение главных частей словаря.

Идеографический принцип репрезентации специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли предполагает разделение масси-

ва специальных наименований изучаемого подязыка на терминологические микрополя, терминологические группы и терминологические подгруппы, совокупность которых образует терминологическое поле всех наименований отрасли. Терминологическое поле, вслед за О.В. Борхвальдт (Фельде), понимается как «унифицированная, системно организованная совокупность терминов профессиональной сферы <...> отличительной чертой которых является наличие парадигматических, синтагматических, деривационных и других системных связей» [24. С. 76]. Отмечаются такие характерные признаки терминологического поля, как концептуальность, целостность, динамичность, эволюционность, упорядоченность, устойчивость, непрерывность, смысловая аттракция, полнота и размытость границ [25. С. 50].

Ниже представлен фрагмент схемы терминологического микрополя «Плотина», которое формируют три терминологические группы: «Родовые наименования плотины», «Наименования разновидностей плотин» и «Основные части плотины». Терминологическую группу «Основные части плотины» образуют три терминологические подгруппы: «Верхняя часть», «Центральная часть», «Нижняя часть». Классификация плотин дана по шести критериям, определяющим терминологические подгруппы «Наименования плотин по величине напора», «Наименования плотин по назначению», «Наименования плотин в зависимости от роли, выполняемой в составе гидроузла», «Наименования плотин по основному материалу, из которого возводят плотины», «Наименования плотин по способу восприятия основных нагрузок», «Наименования плотин по способу возведения».

Терминологическое микрополе «Плотина»

Терминологические группы

1.1. Родовые наименования плотины

- *Плотина*
- *Утюг*

1.2. Наименования разновидностей плотин

1.2.1. Наименования плотин по величине напора

- *Плотина высоконапорная*
- *Плотина средненапорная*
- *Плотина низконапорная*

1.2.2. Наименования плотин по назначению

- *Плотина водохранилищная*
- *Плотина водоподъёмная*

1.2.3. Наименования плотин в зависимости от роли, выполняемой в составе гидроузла

- *Плотина водосливная*
- *Плотина станционная*

1.2.4. Наименования плотин по основному материалу, из которого возводят плотины

- *Плотина грунтовая*
 - *Плотина земляная*
 - *Плотина каменная*
 - *Плотина каменно-земляная*
- *Плотина бетонная*
- *Плотина железобетонная*
- *Плотина деревянная*

1.2.5. Наименования плотин по способу восприятия основных нагрузок

- *Плотина гравитационная*
- *Плотина арочная*
- *Плотина арочно-гравитационная*
- *Плотина контрфорсная*
 - *Плотина многоарочная*
 - *Плотина массивно-контрфорсная*
 - *Плотина контрфорсная с плоскими перекрытиями*

1.2.6 Наименования плотин по способу возведения

- *Плотина намывная*
- *Плотина насыпная*
- *Плотина взрывонабросная*

1.3 Основные части плотины

1.3.1 Верхняя часть плотины:

- *Гребень плотины*

1.3.2 Центральная часть плотины:

- *Тело плотины*

1.3.3 Нижняя часть плотины:

- *Основание плотины*
- *Подойма плотины*
- *Зуб плотины*

Пята арки

Макроструктура «Словаря специальной лексики русской гидро-энергетической отрасли»:

1) предисловие (приводятся общие принципы построения словаря и конкретные указания по его использованию);

2) список используемых сокращений;

3) корпус;

4) алфавитный словник;

5) список источников.

Микроструктура словаря – это структура словарной статьи, которая включает в себя зоны, одни из которых являются обязательными, другие факультативными. Принимая во внимание тот факт, что тенденцией современной терминографии является полиаспектность как следствие когнитивного подхода к описанию словарных единиц, словарная статья носит комплексный характер. Общая структура словарных статей всех лексических единиц проектируемого словаря подъязыка гидроэнергетической отрасли выглядит следующим образом:

1) вокабула;

2) зона формальной характеристики;

3) зона стратификационной характеристики;

4) зона стилистической характеристики;

5) зона словарной дефиниции;

6) иллюстративная зона.

Рассмотрим содержание и форму презентации каждой из вышеперечисленных зон.

Вокабула. Заголовочная единица может быть представлена словом или словосочетанием. Слово подается в начальной форме, словосочетания включаются как самостоятельные лексические единицы в инверсивной форме. Заголовочная единица выделяется полужирным шрифтом, снабжена ударением.

Зона формальной характеристики. Данная зона включает информацию грамматического характера: указание на частеречную принадлежность; указание на особые формы словоизменения (нескл., только ед., только мн.).

Зона стратификационной характеристики. В названной зоне содержится указание на отнесенность единицы к одной из групп специальной лексики: терминам, профессионализмам, профессиональным жаргонизмам.

Основными единицами верхнего регистра языка для специальных целей являются термины. С их помощью фиксируются научные понятия (основная смысловая информация) и передается информация. От-

личительной чертой терминологии гидроэнергетической отрасли является то, что однословные термины преимущественно иноязычного происхождения (*дренаж, каптаж, контактор*), а среди двусловных терминов выделяются термины-гибриды (*поворотно-лопастная турбина, статор подпятника, зонтичный гидрогенератор*) и собственно русские термины (*глубинный затвор, живучесть энергосистемы, зуб плотины*).

ПЛОТИНА ЗЕМЛЯНАЯ, терм. Грунтовая плотина, при сооружении которой используется земляной грунт. – *Первая земляная (грунтовая) плотина была построена в 1191 г. во Франции, она разрушилась лишь через 100 лет* [Затеев, 2007, с. 49]. *Земляная плотина отсыпана насухо из песчаных грунтов* [Красев, Степаненко, 2003, с. 82].

СТАТОР, сущ., м., терм. Неподвижная часть генератора, включающая в себя корпус и сердечник с обмоткой. – *Используя методы тепловизионного контроля, можно проводить испытания стали статора гидрогенератора* [Гераськин, 2016, с. 360]. *Сердечник статора (активное железо) имеет пазы, в которые уложена обмотка статора (витки проводников, соединенные по специальной схеме)* [Затеев, 2007, с. 84].

Решающим в разграничении «термины и профессионализмы» представляется фактор «официальности» первых и «неофициальности» вторых. Термины и профессионализмы, имея близкую или тождественную семантическую характеристику, резко различаются узусом, ориентацией на сферу употребления. Профессионализмы – слова и словосочетания, не являющиеся в данный момент официально признанными обозначениями специальных понятий, они появляются, когда возникает необходимость обозначить разновидность какого-либо понятия, предмета и существуют в качестве таковых до тех пор, пока официально не признаются.

УТЮГ, сущ., м., проф., шутол. Плотина Красноярской ГЭС. – *Смотришь на нее (прим. на плотину) и сразу понимаешь – утюг, похожа ведь*. Из интервью с сотрудниками Красноярской ГЭС.

ШАЙБА, сущ., ж., проф., шутол. Ротор главного генератора Красноярской ГЭС. – *Перенос шайбы, ее установка и центровка – самый сложный этап монтажа*. Из интервью с сотрудниками Красноярской ГЭС. См. РОТОР.

Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы различаются степенью экспрессии, степенью распространенности (жаргонизмы по

сравнению с профессионализмами имеют меньшую распространенность, часто ограничены конкретным коллективом), степенью устойчивости (более устойчивыми единицами являются профессионализмы), сферой функционирования (профессиональные жаргонизмы употребляются только в неофициальной устной речи) [26. С. 99].

ПЕРДУН, сущ., м., жарг., вульг. Клапан сброса воздуха на ВВБ-500. – *Клапан сброса воздуха на ВВБ-500 – «пердун» из-за характерного звука.* Из анкеты сотрудников Красноярской ГЭС.

КЛИЗМА, сущ., ж., жарг. Принудительная смазка подпятника. – *Для облегчения пуска у мощных гидроагрегатов иногда предусматривают центральное отверстие в сегменте, из которого под зеркало в момент пуска гидроагрегата подается масло под высоким давлением – около 29 МПа (300 кгс/см²), т.н. «клизма» [Эксплуатация генераторов, синхронных компенсаторов]. «Поставить клизму» – значит провести принудительную смазку подпятника генератора, «клизма» – это смазка.* Из интервью с сотрудниками Красноярской ГЭС.

Зона стилистической характеристики. Для маркированных единиц (профессионализмы и профессиональные жаргонизмы) приводятся пометы, свидетельствующие об эмоционально-экспрессивной принадлежности слова: *ласк.* (для слов, передающих ласковое, доброе отношение); *шутл.* (для слов, содержащих забавную, несерьезную, шутливую оценку). С экспрессивно-стилистической точки зрения маркирующая лексика нижнего регистра подъязыка гидроэнергетической отрасли подразделяется на: 1) ласкательные наименования (*бугорок* – ‘младший бригадир’, *транsik* – ‘трансформатор’, *ротарёнок* – ‘ротор тахогенератора’); 2) уважительные наименования (*мария ивановна* – ‘16-килограммовая кувалда’); 3) шутливые наименования (*кис-кис-мяу* – ‘отдел комплексных и информационных систем, КИС’, *насос* – ‘начальник смены станции, НСС’); 4) насмешливые наименования (*маслопузы* – ‘сотрудники турбинного цеха, использующие в работе масло’; *недоделанные сварщики* – ‘монтажеры’); 5) пренебрежительные (*рохля* – ‘низкая тележка крана’); 6) вульгарные наименования (*говно* – ‘проводящая смазка’, *ебунец* – ‘спецключ, предназначенный для рассоединения наиболее прочных гаек’).

Зона словарной дефиниции. В этой зоне приводится значение специального наименования подъязыка русской гидроэнергетической отрасли. Способы толкования:

1) семантический:

РоТОР, сущ., м., терм. Вращающаяся часть генератора, включающая в себя остов, спицы, обод и полюса. – *Рабочее колесо турбины соединено валом с ротором генератора* [Затеев, 2007, с. 32]. *Пото-косцепление обмотки каждой фазы является функцией всех токов статора и ротора* [Кочетков, Курочкин, Пермина, Васенькин, 2014, с. 68]. См. ШАЙБА.

2) отсылочный:

КОЛЕСо, сущ., ср., проф. То же что гидроагрегат. – *Это колесо работало долго и успешно, но к 2000-м годам устарело и морально, и физически, заменили гидроагрегат*. Из интервью с сотрудниками Волжской ГЭС. *Тоже говорим иногда не гидроагрегат, а просто колесо, так быстрее же*. Из интервью с сотрудниками Красноярской ГЭС. См. ГИДРОАГРЕГАТ, МАШИНА.

3) семантический с элементами энциклопедического описания:

АППАРАТ НАПРАВЛЯЮЩИЙ, терм. Деталь, расположенная перед входом в камеру рабочего колеса и представляющая собой вертикально расположенные лопатки, способные поворачиваться вокруг вертикальной оси вплоть до полного закрытия межлопаточного пространства. – *Поворотно-лопастная гидротурбина (имеет двойное регулирование мощности одновременным поворотом лопаток направляющего аппарата и лопастей рабочего колеса) была изобретена австрийским инженером Капланом в 1920 г.* [Затеев, 2007, с. 10]. *Вода подводится к рабочему колесу в активных гидротурбинах через сопла, в реактивных – через направляющий аппарат* [Галиахметов, 2011].

Иллюстративная зона. Данная зона содержит иллюстративный материал: цитаты из специальной, справочной литературы, периодики на профессиональную тематику, устной речи специалистов. При цитировании дается ссылка на источник. Иллюстративный материал выделяется курсивом и приводится после лексикографического тире –.

Ниже приведены примеры словарных статей, в которых помимо словарной дефиниции и иллюстрации даются их формальные, стратификационные и стилистические характеристики.

ВАЛ, сущ., м, терм. Деталь, предназначенная для передачи крутящего момента от рабочего колеса к ротору генератора. – *Вал для турбины Саяно-Шушенской ГЭС изготовлен сварным из двух полуцилиндров с толщиной стенки 300 мм* [Брызгалов, 2002, с. 325]. *Турбина и генератор Красноярской ГЭС связаны между собой единым валом*.

Вал агрегата предназначен для передачи крутящего момента от рабочего колеса к ротору генератора. Сайт Красноярской ГЭС.

КаМЕРА СПИРАЛЬНАЯ, терм. Устройство, обеспечивающее равномерное поступление воды по периметру направляющего аппарата. – *У входа в турбинный водовод, где наибольшие расходы воды, площадь сечения спиральной камеры наибольшая* [Затеев, 2007, с. 61]. *При принудительной подаче воздуха через трубы спиральной камеры на режиме холостого хода со свёрнутыми лопастями уровень динамических процессов снижается в среднем на 40%* [Щенин, 2014, с. 172]. См. УЛИТКА.

ТУРБИНА АКТИВНАЯ, терм. Турбина, использующая исключительно кинетическую энергию потока. – *В классе активных турбин наиболее распространенной системой являются ковшовые (турбины Пельтона <...>)* [Затеев, 2007, с. 63]. *В активной Гидротурбине вода перед рабочим колесом и за ним имеет давление, равное атмосферному* [Галиахметов, 2011].

Словарь, подготовленный с учетом разработанной концепции, найдет применение не только среди специалистов, работающих на ГЭС, но и может быть полезен терминологам, переводчикам, а также в учебной практике. На данный момент завершён сбор рабочей карточки «Словаря специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли», в перспективе предполагается дальнейшая разработка словаря, расширение словника за счёт включения новых терминологических групп, а также лексикографическое описание терминологических полей.

Литература

1. *Гринев С.В.* Введение в терминологическую лексикографию : учеб. пособие. М. : МГУ, 1986. 98 с.
2. *Борхвальдт О.В.* Русская терминография в историческом аспекте. Красноярск : Платина, 1998. 119 с.
3. *Кудашев И.С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики // Helsinki University Translation Studies, Monographs 3. Helsinki, 2007. Vol. 3. 443 с.
4. *Марчук Ю.Н.* Основы терминографии : метод. пособие. М. : ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
5. *Табанакowa В.Д.* Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. 200 с.
6. *Nielsen S.* Contrastive description of dictionaries covering LSP communication // International Journal of LSP. 1990. № 3–4. P. 129–136.

7. *Nielsen S.* Lexicographical basis for an electronic bilingual accounting dictionary: Theoretical considerations // *LexicoNordica*. 2002. № 9. P. 173–194.

8. *Фельде О.В.* Язык для специальных целей // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. С. 709.

9. *Англо-русский словарь по гидротехнике*: ок. 18 000 терминов / В.А. Владимиров, Б.Ф. Горюнов, М.Ф. Губин и др. ; науч. ред. Г.Л. Игнатюк. М. : Рус. яз., 1983. 294 с.

10. *Технический словарь по плотинам*: русский, английский, болгарский, испанский, польский, португальский, румынский, чешский, французский / Международ. комиссия по большим плотинам. М. : Физматгиз, 1962. 380 с.

11. *Новый политехнический словарь* / А.Ю. Ишлинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 671 с.

12. *Панков Б.В.* Терминология современной электроэнергетики : словарь-справочник. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2006. 91 с.

13. *Словарь-справочник электромонтажника* : терминологический словарь / авт.-сост. А.Н. Бредихин. М. : РадиоСофт, 2014. 293 с.

14. *Русско-эстонский словарь*: Гидравлика, гидрология, гидротехника, водоснабжение и водоотведение / Х. Тибар, А. Маастик, Я. Кару, Х. Мельдер ; Таллин. техн. ун-т. Таллинн : Таллин. техн. ун-т, 1990. 108 с.

15. *ГОСТ Р 55260.1.1-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 1-1. Сооружения ГЭС гидротехнические. Требования безопасности. М., 2014. IV. 44 с.

16. *ГОСТ Р 55260.1.7-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 1-7. Сооружения ГЭС гидротехнические. Общие требования по ремонту и реконструкции сооружений и оборудования. М., 2015. IV. 50 с.

17. *ГОСТ Р 55260.2.2-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 2-2. Гидрогенераторы. Методики оценки технического. М., 2014. IV. 81 с.

18. *ГОСТ Р 55260.3.1-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 3-1. Гидротурбины. Технические требования к поставке. М., 2014. IV. 48 с.

19. *ГОСТ Р 55260.3.2-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 3-2. Гидротурбины. Методики оценки технического состояния. М., 2015. 198 с.

20. *ГОСТ Р 55260.3.3-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 3-3. Гидротурбины. Технические требования к системам эксплуатационного мониторинга. М., 2015. IV. 19 с.

21. *ГОСТ Р 55260.4.1-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 4-1. Технологическая часть гидроэлектростанций и гидроаккумулирующих электростанций. Общие технические требования. М., 2015. V. 70 с.

22. *ГОСТ Р 55260.1.9-2013*. Гидроэлектростанции. Ч. 1-9. Сооружения ГЭС гидротехнические. Требования безопасности при эксплуатации. М, 2014. IV. 31 с.

23. *ГОСТ Р 56125-2014 (МЭК 61116:1992)*. Возобновляемая энергетика. Гидроэнергетика. Руководство по электромеханическому оборудованию для гидроэлектрических установок малой мощности. М., 2015. II, 37, [1] с.

24. *Фельде (Борхвальдт) О.В.* Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000. 401 с.

25. Морозова Л.А. Теория и практика построения терминологических полей // Терминоведение. 1996. № 1–3. С. 49–50.

26. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Филол. фак-т СПб. ун-та, 2003. 279 с.

The Concept of the Russian Hydropower Industry Specific Vocabulary Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 138–152.

DOI: 10.17223/22274200/16/8

Anna E. Mezit, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: mezit.anna@gmail.com / prezidentishe@yandex.ru

Keywords: terminography, dictionary concept, dictionary of specific vocabulary, specific vocabulary, professional sublanguage.

The article describes the concept of the Russian Hydropower Industry Specific Vocabulary Dictionary and aims to present its prototype. The following sources served as the factual database for the dictionary: (1) lexicographical sources; (2) scientific, academic and popular scientific literature on hydroelectric engineering; (3) nomenclative National State Standards; (4) articles from specialized periodicals; (5) linguistic material collected during questionnaires and interviews with the workers of Krasnoyarsk, Boguchany and Volga hydroelectric power stations. In the study, a continuous sampling method for specialized texts and a sociolinguistic method with its techniques of interviewing and questioning were used for collecting materials; a lexicographical method was used at the practical stage. According to its typological properties, the Russian Hydropower Industry Specific Vocabulary Dictionary is characterized as specific (by its topic); monolingual (by its language); contemporary (by time); academic (by its designation); explanatory (by its lexicographic genre); small (by its size); inventory and non-normative (by its vocabulary). The ideographic principle of representing specific vocabulary of the Russian hydropower industry assumes classifying its terms into terminological microfields, terminological groups and terminological subgroups. The dictionary includes the following terminological microfields: “Types of Hydropower Stations”, “Dams”, and “Hydropower Unit”. The microstructure of the dictionary is the structure of a dictionary entry including particular zones, some of these zones are obligatory, others are optional. Taking into consideration the fact that modern terminography is multiaspect as a result of a cognitive approach to the lexical units’ description, a dictionary entry is complex by its nature. The general structure of the entries of all the lexical units in the dictionary is as follows: (1) lemma; (2) zone of formal description; (3) zone of stratification description; (4) zone of stylistic description; (5) zone of dictionary definition; (6) zone of examples. The dictionary was designed with regard to the developed concept, and it will find application not only among specialists who work at hydropower stations, but also can be helpful to terminologists, translators and interpreters, as well as in academic training. Further development of the dictionary, its vocabulary extension by the inclusion of new terminological groups and a lexicographic description of terminological fields are prospective.

References

1. Grinev, S.V. (1986) *Vvedeniye v terminologicheskuyu leksikografiyu* [Introduction to Terminological Lexicography]. Moscow: Moscow State University.
2. Borkhval'dt, O.V. (1998) *Russkaya terminografiya v istoricheskom aspekte* [Russian Terminography in Historical Aspect]. Krasnoyarsk: Platina.
3. Kudashev, I.S. (2007) *Proyektirovaniye perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Designing LSP Dictionaries for Translators]. Helsinki: Helsinki University Print.
4. Marchuk, Yu.N. (1992) *Osnovy terminografii* [The Basics of Terminography]. Moscow: Moscow State University.
5. Tabanakova, V.D. (1999) *Ideograficheskoye opisaniye nauchnoy terminologii* [Ideographic Description of Scientific Terminology]. Tyumen: Tyumen State University.
6. Nielsen, S. (1990) Contrastive description of dictionaries covering LSP communication. *International Journal of LSP*. 3–4. pp. 129–136.
7. Nielsen, S. (2002) Lexicographical basis for an electronic bilingual accounting dictionary: Theoretical considerations. *LexicoNordica*. 9. pp. 173–194.
8. Fel'de, O.V. (2012) Yazyk dlya spetsial'nykh tseley [Language for special purposes]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (Basic Competencies)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
9. Ignatyuk, G.L. (ed.) (1983) *Anglo-russkiy slovar' po gidrotekhnike* [English-Russian Hydrotechny Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Mezhdunarodnaya komissiya po bol'shim plotinam [International commission on large dams]. (1962) *Tekhnicheskii slovar' po plotinam: russkiy, angliyskiy, bolgarskiy, ispanskiy, pol'skiy, portugal'skiy, rumynskiy, cheshskiy, frantsuzskiy* [Technical Dictionary of Dams: Russian, English, Bulgarian, Spanish, Polish, Portuguese, Romanian, Czech, French]. Moscow: Fizmatgiz.
11. Ishlinskiy, A.Yu. (ed.) (2000) *Novyy politekhnicheskii slovar'* [New Polytechnic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
12. Papkov, B.V. (2006) *Terminologiya sovremennoy elektroenergetiki* [Terminology of Modern Electric Power Industry]. Nizhniy Novgorod: Volga-Vyatka Academy of State Service.
13. Bredikhin, A.N. (ed.) (2014) *Slovar'-spravochnik elektromontazhnika* [An Electrician Dictionary-Reference Book]. Moscow: RadioSoft.
14. Tibar, Kh. et al. (eds) (1990) *Russko-estonskiy slovar': Gidravlika, gidrologiya, gidrotekhnika, vodosnabzheniye i vodootvedeniye* [Russian-Estonian Dictionary: Hydraulics, hydrology, hydraulic engineering, water supply and water disposal]. Tallinn: Tallin Technical University.
15. GOST R 55260.1.1-2013. (2004) *Hydro power plants. Part 1–1. Hydraulic structures of hydropower plants. Safety requirements*. IV. Moscow: Standartinform.
16. GOST R 55260.1.7-2013. (2015) *Hydro power plants. Part 1–7. Hydroelectric power stations. General requirements for repair and reconstruction of constructions and equipment*. IV. Moscow: Standartinform.

17. GOST R 55260.2.2-2013. (2014) *Hydro power plants. Part 2–2. Hydrotreaters. Estimation procedures of operating conditions*. IV. Moscow: Standartinform.
18. GOST R 55260.3.1-2013. (2014) *Hydro power plants. Part 3–1. Hydraulic turbines. Procurement specification*. IV. Moscow: Standartinform.
19. GOST R 55260.3.2-2013. (2015) *Hydro Power Plants. Part 3–2. Estimation procedures of hydroturbine operating conditions*. Moscow: Standartinform.
20. GOST R 55260.3.3-2013. (2015) *Hydro power plants. Part 3–3. Hydraulic turbines. Technical requirements for operation monitoring systems*. IV. Moscow: Standartinform.
21. GOST R 55260.4.1-2013. (2015) *Hydroelectric power plants. Part 4–1. The technological part of hydroelectric power plants and pumped storage plants. General technical requirements*. V. Moscow: Standartinform.
22. GOST R 55260.1.9-2013. (2014) *Hydro power plants. Part 1–9. Hydraulic structures of hydropower stations. Safety requirements under operation*. IV. Moscow: Standartinform.
23. GOST R 56125-2014 (MEK 61116:1992). (2015) *Hydro power plants. Part 1–9. Hydraulic structures of hydropower stations. Safety requirements under operation II*. Moscow: Standartinform.
24. Fel'de (Borkhval'dt), O.V. (2000) *Leksika russkoy zolotopromyshlennosti v istoricheskom osveshchenii* [The Vocabulary of the Russian Gold Industry in Historical Coverage]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
25. Morozova, L.A. (1996) *Teoriya i praktika postroyeniya terminologicheskikh poley* [Theory and practice of constructing terminological fields]. *Terminovedeniye*. 1–3. pp. 49–50.
26. Shelov, S.D. (2003) *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskiye opredeleniya* [Term. Terminology. Terminological Definitions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/16/9

В.М. Мокиенко, Е.И. Зыкова

«ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КРЫЛАТЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

Статья представляет собой полное описание основных принципов «Школьного словаря крылатых слов русского языка», входящего в серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется на филологическом факультете СПбГУ. Одним из главных принципов формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Для отбора крылатых слов авторы ориентировались на результаты эксперимента. Ключевые слова: русистика, фразеология, крылатика, фразеология языка писателей, крылатые слова.

История лексикографической обработки крылатых слов и выражений (далее КС) достаточно хорошо известна. Жанр словарей крылатых слов уже более ста лет популярен в России. Достаточно вспомнить словарь М.И. Михельсона [1], справочник «Крылатые слова» С.В. Максимова [2], словарь Н.С. и М.Н. Ашукиных [3], В.П. Беркова [4], С.Г. Шулежковой [5].

В русской лексикографической практике описания КС прочно закрепился алфавитный принцип расположения материала, начиная со «Словаря крылатых слов» Ашукиных [3]. Такой же принцип положен в основу «Большого словаря крылатых слов» [7], «Словаря крылатых выражений из области искусства» С.Г. Шулежковой [8], «Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино» А.Ю. Кожевникова [9], а также и в структуру двуязычных словарей КС – украинско-русского [10] и польско-русского [11].

Во фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ под руководством В.М. Мокиенко был разработан принцип лексикогра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» (№ 17-29-09064офи-м).

фического описания крылатых слов по стержневому слову. Стержневой подход допускает возможность более компактно описывать ассоциативные гнезда крылатых слов, что позволяет не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Данный структурный метод был апробирован в словарях поговорок, пословиц и устойчивых сравнений В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [11–13], а также в кратком словаре-справочнике крылатых слов В.М. Мокиенко и Е.И. Зыковой, который вышел в серии «Давайте говорить правильно!» [14].

«Школьный словарь крылатых слов русского языка», с одной стороны, продолжает традиции лексикографирования крылатых слов, а также серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется фразеологической группой В.М. Мокиенко. Так, например, уже два издания выдержал «Школьный словарь живых русских пословиц» [15].

С другой стороны, мы, составители этого словаря и авторы настоящей статьи, положили в основу структуры «Школьного словаря» принцип расположения материала по источнику крылатых слов, что позволило сформировать четыре больших раздела: античные КС, библеизмы, фольклоризмы и крылатые слова и выражения, которые отражены художественной литературой.

При отборе материала мы вслед за С.Г. Шулежковой [16. С. 53] под крылатыми словами и выражениями понимали образно-экспрессивные лексические, фразеологические и афористические единицы разного структурного типа, вошедшие в язык из определенных литературных, исторических, культурологических источников. Ниже термин *крылатые слова* (КС) мы употребляем в широком смысле, т.е. обозначая им как однословные языковые единицы, так и словосочетания разного структурного типа, имеющие авторское происхождение.

Следует отметить, что главным принципом формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Важным критерием отбора материала (в том числе и контекстного) для словаря стало определение частотности употребления крылатых слов и выражений того или иного писателя-классика. Такая частотность определялась как на основе имеющейся у составителей картотеки, так и на основе последовательного анализа лексикографи-

ческого опыта предшественников, отразивших уже большой массив материала. Одним из значимых критериев выявления наиболее употребительных крылатых слов стало и экспериментальное анкетирование школьников и студентов из разных городов России – Москвы, Петербурга, Тулы, Костромы, Пскова и Новгорода. Такой опрос показал также «слабые места» в знании крылатых слов учащимися и подсказал способы активизации соответствующих знаний.

Именно поэтому последний раздел словаря – КС из художественной литературы – является самым многочисленным, так как словник включает в себя крылатые слова из произведений, входящих в программу общеобразовательной средней школы РФ и прежде всего в курс русской литературы. По этой причине раздел литературных цитат подразделен на 5 подразделов: КС из древнерусской литературы, из русской литературы VIII в., XIX и XX вв., а также КС из произведений зарубежной литературы.

Внутри каждого из подразделов выделены гнезда авторов литературных произведений, ставших источниками КС.

Данный принцип структуры словаря предполагается разумным, учитывая его конкретного адресата – школьников. Он должен облегчить школьникам поиск нужного выражения, сконцентрированно предоставить информацию о культурном наследии изучаемого писателя, коим, несомненно, являются крылатые слова и выражения, а также расширить знания молодого поколения в области изучения языка писателя, с творчеством которого они знакомятся на уроках литературы.

В связи с этим список авторов и источников КС определялся строго в соответствии с Государственным стандартом по русской литературе для среднего образования РФ. В словарь включены 93 автора.

В настоящее время корпус словаря насчитывает более 1 600 единиц. Общеизвестно, что самым цитируемым из русских писателей является А.С. Пушкин, поэтому и в нашем словаре он занимает первое место по количеству включенных в него цитат: 217. Это лишь малая толика по сравнению с 3 000 пушкинскими цитатами, входящими в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [17]. Второе место по количеству представленных КС в ряду писателей занимают А.С. Грибоедов – 75 выражений и В.В. Маяковский – 73 выражения, затем Н.В. Гоголь – 67 единиц, И. Ильф и Е. Петров – 47, И.А. Крылов – 46, В. Шекспир – 32 КС.

Еще одним принципом формирования словника был принцип частотности, т.е. в словарь включены единицы, которые не только восходят к произведениям, изучаемым в средней школе, но и наиболее активно употребляющиеся крылатые слова и выражения. Поэтому одним из важных критериев отбора КС в словник было количество их употреблений как в языке художественной литературы, так и в языке СМИ, о чем наглядно свидетельствуют контекстные иллюстрации, включенные в словарную статью.

Словарная статья включает в себя выражение или крылатое слово, которое приводится с прописной буквы, со строчной указывается его грамматическая характеристика, например, управление. Для крылатых выражений, структура которых представляет собой словосочетание, в круглых скобках указаны лексические варианты. Например: *Благими (добрыми) намерениями ад вымощен* или *Ни [одного] дня без строчки (черты, линии)*.

Как видно из примера, в выражении выделяются и факультативные компоненты или части цитат, которые нередко опускаются при употреблении данного КС, условно обозначенные в квадратных скобках. Например: *Блажен, кто смолоду был молод [блажен, кто вовремя созрел]* или *Ешь ананасы, рябчиков жуй! [день твой последний приходит, буржуй!]*.

Далее в словарной статье приводится стилистическая помета данного выражения. В словаре используются два типа помет, которые уже были апробированы в вышеуказанных словарях крылатых слов. Это пометы из сферы функционирования КС (*разг., прост., книжн., фольк., публ., устар.*) и пометы эмоционально-экспрессивной окраски (*шутл., ирон., одоб., высок.*).

Кроме того, в статье дается толкование данной единицы. Вопрос о дефиниции КС достаточно сложен, что объясняется прежде всего их широким структурно-синтаксическим диапазоном: от отдельного слова до развернутой цитаты-афоризма. Типология дефиниций крылатых слов и выражений, представленная в данном проекте, была описана в предисловии к краткому словарю-справочнику крылатых слов из серии «Давайте говорить правильно!» [18. С. 16–18]. Она такова:

1. Толкование крылатых слов-лексем соотносится с толкованием лексик:

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК. Пренебр. О наивном, непрактичном, крайне доверчивом, но справедливом и сообразительном в случае необходимости человеке.

ЕХИДНА. Злой, язвительный и коварный человек.

ОБЛОМОВ. Неодобр. О ленивом, праздном и апатичном человеке.

2. Дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов:

КРАСНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА. Публ. прост. О советском паспорте.

МОЛОТКАСТЫЙ, СЕРПАСТЫЙ СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ. Публ. Употребляется как образное описание паспорта гражданина СССР.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ чего. Книжн. Большая и лучшая часть чего-л.

3. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний: *А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? Шутл. А было ли что-л, о чем говорят, что обсуждают?* или с толкованиями афоризма: *ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... Одобр. или шутл. Употребляется как характеристика необыкновенности русских женщин. МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ». Книжн. или публ. Употребляется как образное описание влияния Н.В. Гоголя на развитие русской литературы и преемственность этой традиции; расширительно – о преемственности литературной традиции вообще.*

4. Дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно паремиологическим значением соотносимы с толкованием пословиц: *КОГО БОГ (ЮПИТЕР) ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ (НАКАЗАТЬ, ПОКАРАТЬ), ТОГО ОН ЛИШАЕТ РАЗУМА. Посл. книжн. Потеря рассудка – самое страшное наказание для человека; НЕЛЬЗЯ ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ (ВОДУ). Книжн. Невозможно абсолютно точное и полное повторение чего-л.*

5. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических оборотов:

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА! Обычно шутл. 1. Выражение удивления при неожиданной встрече с людьми, которых не рассчитывал встретить. 2. Выражение удивления в случаях, когда обнаруживают, что работа, теория, идеи, аргументы и т.п., выдаваемые за новые, оказываются, на самом деле, старыми и хорошо известными.

Основной частью словарной статьи является историко-этимологический комментарий об исходном источнике крылатого

слова или выражения, их авторе. При этом для авторской цитаты указывается точно произведение и дата его написания, а в некоторых случаях, особенно для поэтических цитат, приводится авторский контекст-источник данного: *КЛЯЧА ИСТОРИИ. Выражение из первой строфы стихотворения В.В. Маяковского «Левый марш» (1918):*

*Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.*

Клячу истории загоним.
Левой! Левой! Левой!

Для некоторых единиц дается указание на исходную языковую принадлежность, при заимствовании – на языковой источник: *ИСТИНА В ВИНЕ. Книжн. часто шутл.-ирон. Цитируется также полатыни: In vino veritas. Слова Плиния Старшего (Естественная история. 14, 28, 22).*

В некоторых случаях приводится развернутый комментарий с указанием всех вариантов вторичного цитирования КС: *И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. Книжн., иногда ирон. Восходит к латинской пословице Et fumus patriae dulcis; Dulcis fumus patriae (букв. И дым отечества сладок; Дым отечества сладок). Аналогичные изречения встречаются в античной литературе – напр., в “Одиссее” Гомера: “Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий...” (1, 56–58) или у Овидия (“Понтийские послания” (1, 3, 33): “...чтоб мог увидеть дым отечественного очага”. В русском языке пословица появляется, видимо, в 70-е гг. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности. Она приводится в разных вариациях Державиным (стихотворение “Арфа” – 1798), Вяземским, Батюшковым. Крылатой, т.е. воспринимаемой носителями русского языка как авторский афоризм, она стала в русском литературном языке благодаря употреблению в комедии “Горе от ума” А.С. Грибоедова (д. 1, явл. 7 – 1824).*

Одним из основных отличий данного словаря, кроме его явной ориентированности на адресата – школьников, является наличие контекстных иллюстраций, что позволяет создать достаточно полную картину реального функционирования крылатых слов и выражений в современном русском языке, показать их культурологический и коннотативный потенциал. Источниками контекстов послужили произведения современной художественной литературы, материалы СМИ, в том числе и интернет-ресурсы.

При подборе контекстов авторы учитывали необходимость проиллюстрировать все возможные нюансы употребления КС, случаи разнообразного их каламбурного обыгрывания, а также показать использование крылатых выражений в источниках разного рода. Для каждого крылатого выражения или слова мы старались привести около 5 контекстов, иллюстрирующих его с разных сторон, например:

ЛЕД ТРОНУЛСЯ, ГОСПОДА ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ! Ирон. Выражение из романа И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев” (1928). *Что-л. неожиданно и резко изменилось к лучшему; наступил благоприятный переломный момент в какой-л. важной ситуации.*

*Так, в Бирмингеме огромная толпа леди решила направиться в городской суд с требованием удовлетворить их требования. По этому поводу королевский прокурор Д. Диксон предупредил: – **Леди тронутись, господа присяжные заседатели!*** (ЛГ. 7.03.90, с. 16).

*Уважаемый Евгений Сазонов-отец!.. Разделяю Ваши восторг по поводу падшего бастиона и **тронутого льда!** Но это крохи, так сказать, мелкие ручейки, а где же бурный поток?* (ЛГ. 14.01.90, с. 16).

Лед тронулся, господа рыболовы! (заголовок заметки) Пошел ладожский лед. Вчера он появился в верхнем течении Невы и уже к вечеру достиг Финского залива (Зоя Федорова. СПб ведомости. № 83. 5.05.1996).

Шельф тронулся // последним участником проекта по освоению Штокмана стала Statoilhydro. (заголовок статьи) Вторым иностранным участником проекта по освоению штокмановского месторождения после французской Total станет норвежская Statoilhydro (газета «Коммерсантъ» № 197(3773) от 26.10.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=818952>).

*Однако популярная писательница Полина Дашкова медлила. Предложения экранизации ее романов постоянно поступали, но она относилась к ним очень осторожно, так как боялась сериального «мыла». «Когда я слышу “текстухи”, произносимые персонажами, я вижу за ними затюканного сценариста-халтурщика», – признавалась Дашкова. Но вот **лед тронулся** – вместе с Владимиром Железниковым, автором «Чучела», и его женой Галиной писательница решила написать сценарий (Дашкова не халтурит // Панорама ТВ. № 27. 2002).*

Для расширения диапазона использования словаря в конце приводится список всех крылатых слов и выражений в алфавитном порядке,

а также список авторов данных КС. Это поможет и учителю, и школьнику легче ориентироваться в нем.

Словарное описание русских крылатых слов и выражений в предлагаемом «Школьном словаре крылатых слов русского языка» призвано способствовать повышению культуры речи в той области, которая бесспорно является духовной сокровищницей каждого языка. Хочется надеяться, что это хотя бы отчасти поможет читателям (особенно молодежи) более осознанно отнестись к нашему культурному наследию, повысит культуру речи и – что, может быть, самое главное – заставит более вдумчиво отнестись к языковому богатству, запечатленному в классике.

Работа над словарем проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и находится на завершающей стадии.

Литература

1. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1: А–О. СПб., 1902. 779 с.; Т. 2: П–В. СПб., 1903. 580 с.
2. Максимов С.В. Крылатые слова. М.: Терра, 1995. 416 с.
3. Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худ. лит., 1987. 527 с.
4. Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. 1 000 ед. / под ред. Сири Свердруп Лյонден и Терье Матиассена. М.: Рус. яз., 1980. 175 с.
5. Шулежкова С.Г. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Челябинск: Факел, 1994. Вып. 1–4.
6. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов. М.: Астрель, 2000. 624 с.
7. Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М.: Азбуковник, 2003. 426 с.
8. Кожневников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. СПб.: Нева; М.: Олма-ПРЕСС, 2001. 831 с.
9. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи. Крылатые слова (материалы для словаря) : в 4 т. Киев : Изд-во Киев. ун-та, 2001.
10. Chlebda W., Mokienko V.M., Szuleżkowska S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask, 2003. 459 с.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа-пресс, 2008. 784 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских устойчивых сравнений. М. : Олма Медиа-пресс, 2008. 800 с.

14. Зыкова Е.И., Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке : краткий словарь-справочник. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2005. 356 с.

15. Ермолаева Ю.А., Зайнульдинов А.А., Кормилицына Т.В., Мокиенко В.М., Селиверстова Е.И., Якименко Н.Е. Школьный словарь живых русских пословиц. Около 1000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко. 2-е изд. СПб. : Нева – Олма-пресс, 2002. М. : Астрель: АСТ, 2007. 352 с.

16. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск : Факел, 1995. 385 с.

17. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Нева, 2005. 800 с.

18. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. В.М. Мокиенко. М. : РУДН, 2018. 344 с. : ил.

The School Dictionary of Russian Winged Words as an Object of Lexicographical Description

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 153–163.

DOI: 10.17223/22274200/16/9

Valeriy M. Mokienko, Elena I. Zykova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru / ezykova@mail.ru

Keywords: Russian studies, phraseology, series, the phraseology of the language of writers, winged words

The problem that is solved in the article is the development and demonstration of the principles of Russian winged words' lexicographic description in a school dictionary. Winged words of both Russian and foreign classical literature serve as material for the dictionary. The authors selected the words by the method of studying school programs and questioning schoolchildren and students of different cities. The structure of the *School Dictionary* is based on the principle of winged words' arrangement by their source (resp. authorship), which made it possible to form four large sections: ancient winged words, winged words from the Bible, winged words from folklore and winged words and phrases that go back to works of fiction. The last section, in turn, is subdivided into five subsections: "Old Russian Literature", "Russian Literature of the 18th Century", "Russian Literature of the 19th Century", "Russian Literature of the 20th Century" and "Foreign Literature". The main principles of forming the dictionary and determining its structure were its focus on the addressee: students of Russian schools, colleges, secondary education teachers, the frequency of using this or that popular expression, as well as the results of an experimental survey of high school and university students from different regions of Russia. The main method of compiling the *School Dictionary* is a system description of the most complete lexicographic parameters: (1) a clear definition of the winged word and expression; (2) its stylistic characteristics; (3) its detailed interpretation (definition); (4) an extremely accurate reference with an indication of the source in the Russian classical

literature and the citation in which the corresponding expression is used in a specific literary text; (5) illustrative material from classical and modern Russian literature, journalism, mass media and the Internet. As a result of the study, the following principle was developed for the material: the winged words and expressions are given in alphabetical order under the name of the corresponding writer in each section of the dictionary. Entries are subject to the chronological principle and the personalities of the Russian classics, i.e. the grouping of the material concentrates around each author who has left their “winged” legacy in Russian. This arrangement of the material allows a more efficient use of projected dictionaries for educational purposes. The result of the lexicographical investigation will be the creation of the *School Dictionary of Russian Winged Words*, which will contribute to a more conscious and in-depth study of classical literature by Russian schoolchildren and students.

References

1. Mikhel'son, M.I. (1902–1903) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoye. Opyt russkoy frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech. Own and Alien. The Experience of Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories]. Vols 1–2. Saint Petersburg: [s.n.].
2. Maksimov, S.V. (1995) *Krylatyye slova* [Winged Words]. Moscow: Terra.
3. Ashukin, N.S. & Ashukina M.G. (1987) *Krylatyye slova. Literaturnyye tsitaty, obraznyye vyrazheniya* [Winged Words. Literary quotes, figurative expressions]. 4th ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Berkov, V.P. (ed.) (1980) *Russko-norvezhskiy slovar' krylatykh slov* [Russian-Norwegian Dictionary of Winged Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Shulezhkova, S.G. (1994) *Materialy k slovaryu "Krylatyye vyrazheniya iz oblasti iskusstva"* [Materials for the Dictionary “Winged Expressions from the Field of Art”]. Vols 1–4. Chelyabinsk: Fakel.
6. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2000) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov* [Large Dictionary of Winged Words]. Moscow: Astrel'.
7. Shulezhkova, S.G. (2003) *Slovar' krylatykh vyrazheniy iz oblasti iskusstva* [Dictionary of Winged Expressions from the Field of Art]. Moscow: Azbukovnik.
8. Kozhevnikov, A.Yu. (2001) *Bol'shoy slovar': Krylatyye frazy otechestvennogo kino* [Big Dictionary: Popular phrases of domestic cinema]. Saint Petersburg: Neva; Moscow: Olma-PRESS.
9. Dyadechko, L.P. (2001) *Novoye v russkoy i ukrainskoy rechi. Krylatyye slova (materialy dlya slovary)* [The New in Russian and Ukrainian Speech. Winged words (materials for the dictionary)]. Kyiv: Kyiv State University.
10. Chlebdá, W., Mokienko, V.M. & Szuleżkowa, S.G. (2003) *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask: [s.n.].
11. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma Media-press.
12. Mokienko, V.M. (ed.) (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [A Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

13. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh ustoychivyykh sravneniy* [A Large Dictionary of Russian Fixed Comparisons]. Moscow: Olma Media-press.

14. Zykova, Ye.I. & Mokienko, V.M. (2005) *Davayte govorit' pravil'no! Krylatyye slova v sovremennom russkom yazyke* [Let's Speak Correctly! Winged words in modern Russian]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

15. Mokienko, V.M. (ed.) (2007) *Shkol'nyy slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [School Dictionary of Living Russian Proverbs]. 2nd ed. Moscow: Astrel': AST, 2007.

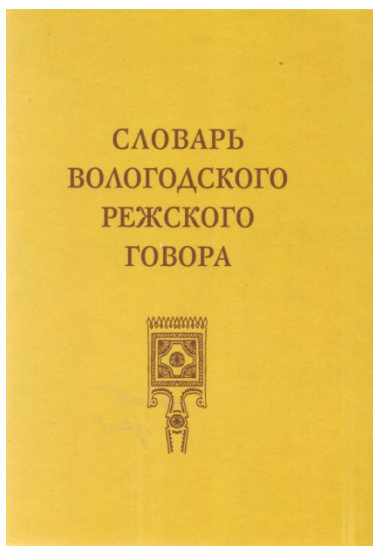
16. Shulezhkova, S.G. (1995) *Krylatyye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Winged Expressions of the Russian Language, Their Sources and Development]. Chelyabinsk: Fakel.

17. Mokienko, V.M. & Sidorenko K.P. (2005) *Shkol'nyy slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* [School Dictionary of Winged Expressions of Pushkin]. Saint Petersburg: Neva.

18. Lomakina, O.V. (2018) *Frazeologiya v tekste: funktsionirovaniye i idiosstil'* [Phraseology in the Text: Functioning and Idiostyle]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/16/10

Золотое слово режаков. Рецензия на книгу: Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во науки и образования РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с.

В словаре систематизирована диалектная лексика режского говора, бытующего в бассейне малой северной реки Режи в Сямженском районе Вологодской области. Собрание местных слов включает в себя наименования и характеристики человека, названия предметов одежды, пищи, домашнего обихода, явлений природы и др. Богатый иллюстративный материал демонстрирует значения слов и дает ценную этнографическую и культурологическую информацию.

Словарь будет интересен диалектологам и историкам русского языка, краеведам, учителям русского языка и литературы, работающим в диалектном окружении, а также учащимся, которые проникнутся идеей патриотического, любовного отношения к говорам родного края.

Вологодская школа историков языка и диалектологов хорошо известна далеко за пределами региона прежде всего благодаря неутомимой деятельности А.С. Ягодинского, Т.Г. Паникаровской, Ю.И. Чайкиной, Г.В. Судакова, Л.Ю. Зориной, Л.Г. Яцкевич и других лингвистов, в центре внимания которых живая народная речь. Результатом работы по исследованию этнокультурного ландшафта края стал «Словарь вологодских говоров» [1]. Только незначительная часть его материалов использовалась при подготовке рецензируемого словаря, который был создан на основе специальной картотеки научных экспедиций Л.Ю. Зориной, представляющей собой уникальное фактографическое описание говора одной местности. Изучение необъятных

просторов севера России продолжается и поныне (автор рецензии и сам, по счастью, участвовал в такой экспедиции в 2012 г.).

Новый словарь – один из успешных проектов многолетней научно-практической деятельности (с 1983 по 2017 г.) авторского коллектива преподавателей, аспирантов и студентов Вологодского государственного педагогического института (позднее – университета) по описанию и анализу оригинального режского диалекта, который сохранился благодаря природным и социокультурным условиям почти до настоящего времени в деревнях, расположенных по руслу реки Режи Сямженского района Вологодской области. В ходе экспедиционных поездок и работы над «Словарем» были изучены отдельные лексические пласты, осуществлялась фонетическая расшифровка речи диалектоносителей и уточнялись акцентологические характеристики говора, свидетельствующие об островном характере севернорусского феномена «режаков». Результаты полевой практики нашли отражение в коллективных монографиях [2, 3] и многочисленных статьях. В изучении этого лингвистического явления участвовали Е.П. Андреева, Е.Н. Варникова, С.Б. Виноградова, Д.В. Глебова, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, Н.В. Комлева, Н.А. Новожилова, Т.Г. Овсянникова, Т.В. Парменова и др. Финальная часть проекта осуществлялась при поддержке РГНФ в течение 2015–2017 гг. и «была нацелена на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области» [4. С. 5].

Новизна «Словаря» заключается в том, что введен в оборот ранее не описанный языковой материал, собранный в полевых условиях: это «значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, паремий, в том числе архаических, не отмеченных на других территориях, специфичных в национально-культурном отношении» [4. С. 6]. По мнению руководителя проекта Л.Ю. Зориной, «в ходе исследования подтверждено, что Режа – это уникальное поселение со свойственной ему самобытной народной культурой» [4. С. 6], которую удалось не только сохранить в виде традиционной бумажной картотеки, но и оцифровать. Работа носила комплексный характер: изучение речи диалектоносителей сопровождалось проникновением в их мироустройство, в островной менталитет, знакомством с предметами быта и реальной профессиональной практикой.

Колоритные старинные обычаи и обряды «режаков» сопровождали исследователей повсюду и давали возможность прикоснуться ко многим

исчезающим явлениям народной культуры. Таковы, например, отмеченные в «Словаре» специальные народные названия из сферы ткацкого дела, продуктов питания, обрядовая лексика: *дотыка́льно* ‘приспособление у навоя домашнего ткацкого стана в виде раздвижной рамы для заканчивания, “дотыкания” основы’ [5. С. 102], *дрочёна* ‘кушанье из запеченной смеси вареного толченого картофеля, молока и яиц’ [5. С. 104], *загибёнка* ‘пирог, в процессе приготовления которого на половину раскатанного теста накладывается начинка, другой половиной ее закрывают и защипывают края с овальной стороны’ [5. С. 125].

В «Предисловии» к «Словарю» так говорится о специфике изучаемой местности: «Вплоть до 80-х – 90-х годов XX века сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора» [5. С. 4].

Структура рецензируемого издания состоит из «Предисловия» с указанием принятых сокращений [5. С. 4–10] и словника [5. С. 11–602]. В небольшом вступлении содержится информация об истории изучения режского говора и принципах построения словарной статьи. Важно, что в тексте отражены характерные фонетические особенности: у-неслоговое, цоканье и другие явления. Авторы отмечают, что в толковании слова они придерживаются как описательного, так и энциклопедического способов [5. С. 7]. Указаны грамматические, стилистические и специальные пометы (в том числе «охот.», «плотн.», «рыбол.», «ткац.») слов, обозначены устойчивые сочетания. Отмечается также динамика функционирования лексемы в виде сокращений «нов.» и «устар.» [5. С. 8]. Включены названия населенных пунктов и список информантов (указаны фамилии, имена и отчества последних, в словарных статьях даются только сокращенные наименования деревень и сельсовета). Количество иллюстративного материала авторы ограничили максимум пятью фразами [5. С. 7]. Публикация записей речи диалектоносителей приводится в упрощенной орфографии [5. С. 7].

Приведем примеры словарных статей:

1. Ба́бка: Ба́бка-яга́бка. 1. *Баба-яга.* У, заберёт тя ба́бка-яга́бка! *Грид.* 2. *Злая старая женщина.* Как злая ба́бка, дак зову́т ба́бка-яга́бка. *Грид.*

2. Ба́бка: Ба́бка-ли́пка. *Бабочка.* Вон, деУки, погледитё, кака́я ба́бка-ли́пка-то красivaя, вон сидит на цветке́-то. *Монаст.* [5. С. 12];

Челядёнок, нка, м. *Непослушный ребенок*. А он у них такой прыткий! Не ребёнок, а челядёнок! *Монаст.* [5. С. 571].

К достоинствам «Словаря» стоит отнести, во-первых, использование оригинального, лично собранного и лингвистически идентифицированного разнообразного диалектного материала, сохранившегося на небольшом пространстве одной исторической местности по течению реки Режи: наименований предметов быта (*зобёнька* ‘небольшая корзина круглой или овальной формы, плетенная из бересты, березового лыка’) [5. С. 160] и духовной культуры (*мудрушка* ‘ряженный на святках’) [5. С. 265], устойчивых выражений (*при однём лёбе* ‘о неразделенной любви’) [5. С. 249], эмоционально-экспрессивной лексики (*охіточка* ‘уход за собой’) [5. С. 333] и т.д.

Во-вторых, «Словарь» дает не только «перевод» диалектного слова на современный литературный язык, но и объясняет его использование в конкретной речевой ситуации. В ряде случаев авторы дают расширенное энциклопедическое объяснение тому или иному понятию, показывают его национальный «характер». Таково, например, объяснение слова *бук* ‘деревянная кадка на ножках с отверстием сбоку для слива воды, в которой кипятили и отбеливали белье и пряжу. В бук наливали воду, нагревали ее, опуская раскаленные камни, затем клали белье, покрывая его сверху соломой, на которую сыпали золу и лили горячую воду для получения щелока; воду в буке меняли несколько раз’ [5. С. 35–36].

В-третьих, преимущество словаря одного говора типа «Деулинского» и «Вершининского» заключается в том, что описание и анализ монодиалектного материала позволяют ученым проникнуть в систему субкультуры языка, понять законы его развития и причины угасания, выделить наиболее значимые свойства живой речи, найти и прокомментировать специфические для этой местности глоссы, установить связи с другими региолектами и др. Таким образом, создается подобие филологической энциклопедии русской деревни, в которой не только звук, но и знак как элемент духа народа составляют единое пространство психологической, лингвистической, ментальной, эстетической и даже философской картины мира – тот уникальный феномен языковой личности, который разгадывали А.Ф. Гильфердинг и В.И. Даль, А.Н. Афанасьев и Ф.И. Буслаев. Ее «система координат» как раз начинает работать именно в рамках монокультуры и социолекта, каким можно считать «режское наречие».

Четвертый признак – *этнографизм* цветного полотна народного слова. Оно, несмотря на суровые условия быта жителей, раскрашивает своими узорами традиционный уклад, создает определенный микроареал, выросший на уникальном диалектном ландшафте, – то, что теперь называют *региональным текстом*. Выразительны, образны и приятны на слух многие режские словечки, впитавшие, как кажется, сам природный орнамент русской глубинки и выразившие его в своих особенных звуках, интонациях, метафорике: *У неё дѣУка-то форсістая, без ковыляшки не уснѣт*, где *ковыляшка* – ‘детская кроватка, ножки которой прибиты к загнутым брускам-подставкам; колыбелька’ [5. С. 197]; *Здрáвствуй, нос красной, коковá как зáрево*, здесь *коковá* – ‘кончик носа’ [5. С. 200]; *Колобушки-ти бóльно слáдкие получились*, т.е. булочки круглой формы [5. С. 203]; *Чегó кусничае́те, куски́ оставля́ете?* [5. С. 235]; *Лешачи́на тебѣ понеси́* – имеется в виду ‘в суеверных представлениях – дух леса, его хозяин; леший’ [5. С. 241]; *Ма́тица-доброхо́тица, ба́тюшко-доброхо́тушко! Пойде́м со мной домо́й. Так гово́рят, когда́ неве́ста переезжа́ет в дом му́жа. Или семья́ в друго́й дом*; здесь *ма́тица* – ‘сверхъестественное существо женского пола, добрый дух, живущий в доме’ [5. С. 254–255]. Именно эта черта диалектных словарей, по мнению В.М. Мокиенко, «делает их ценнейшим культурологическим источником» [6. С. 148]. В нем обнаруживаются черты старинных языческих верований и обрядов – народной мифологии и демонологии.

«Ласковые» слова – тоже характерная примета народной речи. Безымянные создатели выразили в них свои душевные чувства, как будто Божья благодать осенила их и вела играючи по тропинкам словесных рисунков народной речи: *обу́точка* ‘обувь’ [5. С. 307], *огóшек* и *огошо́к* ‘огонь, пламя’ [5. С. 310], *огошо́чек* ‘огонек’ [5. С. 310], *окомёлочек* ‘старый, истершийся от применения веник’ [5. С. 317], *пестёрик* ‘плетенный из лыка или бересты футляр, в который кладут брусок для правки косы’ [5. С. 353], *тевелёчек* ‘кусочек чего-либо’ [5. С. 525], *чи́ченька* ‘ласковое обращение к овце’ [5. С. 577] и мн. др.

Красива и разнообразна лексическая система живой речи «режаков», где можно обнаружить как собственно диалектизмы вроде *бздава́ть* ‘прибавлять пару в крестьянской русской бане, плеская водой на раскаленную печку-каменку’ [5. С. 24], уменьшительно-ласкательное *долóбинка* ‘тропинка’ [5. С. 98]; семантические диалектизмы типа *тоска́* ‘постоянная ноющая боль’ [5. С. 534], *ябло́ки* ‘картофель’ [5. С. 597];

лексико-словообразовательные, например *лужáек* ‘луг, лужок на территории деревни’ [5. С. 247], *шурáк* ‘брат жены, шурин’ [5. С. 591]; фонематические диалектизмы: *дёнышко* ‘дно’ [5. С. 86], *жулётка* ‘жилетка’ [5. С. 116].

Очень интересны и показательны фразеологизмы в составе режского говора, например: *за мiлу бéлку* ‘с большим удовольствием, охотно’ [5. С. 20], *káшка берёзовая* ‘физическое наказание, порка’ [5. С. 22], *блэнд-выша поймáть* ‘получить сильный удар’ [5. С. 25], *как бóжий бычóк* ‘об очень глупом человеке’ [5. С. 28], *грехi сдавáть* ‘исповедаться’ [5. С. 74], *зáдницу привалiть* ‘прилечь для отдыха’ [5. С. 128], *воробью до колéна* ‘мелко (об уровне воды в водоеме)’ [5. С. 201], *с Москвóй в однóм огорóде* ‘о чем-либо, что не отделено забором, не огорожено’ [5. С. 263], *яз≥чик почiстить* ‘полакомиться’ [5. С. 600] и мн. др.

Особое внимание Л.Ю. Зорина, как и в других своих работах (см., например [7]), уделила описанию системы этикетных средств – благопожеланий. Эти выразительные черты народного говора не только характеризуют его формальные особенности, но и показывают духовный облик жителей тех мест, ведь категория вежливости всегда была свойственна русскому крестьянину. Замечательны такие примеры благопожеланий, приводимые в «Словаре»: *Добрá и здорóвья печёюшке!* – женщине, которая печет хлеб, пироги [5. С. 355]; *Сáхар – мясо!* – человеку, забивающему скотину на мясо [5. С. 460]; *Споринá в квашнiю (на квашнiю)!* – хозяйке, замешивающей тесто [5. С. 499]; *Шерсть – нiтки!* или *Шерсть под нóжницы!* – тому, кто стрижет овцу [5. С. 585] и т.д.

Обращают на себя внимание и элементы режской паремиологии, например: *Без верхос≥тки и стол не богáт (верхосы́тка – ‘кушанье, подаваемое в завершение обеда или ужина’)* [5. С. 42]; *Не уродiсь, дéрево, на сковорóдник, а пáрень на живóтника (живóтник – муж, перешедший жить в дом жены)* [5. С. 114]; *У плохóго хозя́ина в телéге и два колесá захоботя́т (захоботiть – ‘начать болтаться, вихлять’)* [5. С. 152].

В редких примерах и выражениях современный читатель, незнакомый с реалиями быта прошлого века, может услышать и отголоски советской «культурной традиции». Например, во фразе *Мы-то прóжили – однá рабóта удавлённая* говорится «об очень тяжелой, многотрудной жизни» [5. С. 547].

В «Предисловии» указано, что в книгу включены «слова, не входящие в состав русского литературного языка» [5. С. 6], однако от-

дельные элементы нормативности все же присутствуют в статьях и под влиянием народной речи перерабатывают свое «культурное» значение, придают ему местный колорит. В результате такого взаимодействия происходит семантический сдвиг, а рожденная в говоре лексема получает оттенок в значении: внешняя оболочка остается той же, но содержание наполняется «духом народа». В таких контекстах данные слова могут относиться к семантическим диалектизмам. Это, например, лексемы *артель* [5. С. 11] в первом значении ‘группа лиц, связанных общими действиями’, *бахилы* ‘род обуви типа высоких галош’ [5. С. 18], *божественный* ‘относящийся к религии; церковный’ [5. С. 27]. Необходимо отметить, что здесь очень тонкая грань, и, на наш взгляд, бывает недостаточно только одного примера для доказательства «народности» слова, как в случае с глаголом *покурить* ‘покурить’, где в качестве иллюстрации приводится такой текст: *Утром вышел покурить, дак у меня и спинá замёрзла* [5. С. 384].

В «Словаре», кроме собственно режской диалектной стихии, представлены также устаревшие и современные срезы лексики, которые характеризуют этнокультурное пространство жителей вологодских деревень и вообще Русского Севера. Значит, в «энциклопедии режских говоров» будут уместны как локальные, узусные элементы, так и общеславянские, и старорусские, и общенародные слова. К подобным примерам можно отнести следующие статьи: *вёкиша* ‘белка’ [5. С. 40], *вепрь* ‘поросенок’ [5. С. 41], *вякать* ‘говорить, рассказывать’ [5. С. 64], *давеча* и *дávече* ‘некоторое время тому назад, незадолго до момента разговора, совсем недавно’ [5. С. 77], *завсегдá* ‘постоянно, всегда’ [5. С. 123], *кажись* ‘возможно, кажется’ [5. С. 176] и др. Конечно, вопрос включения / не включения в «Словарь» дифференциального типа лексем, функционирующих в системе литературного языка, непростой и требует дополнительной проработки. Эта «общезыковая плоть» диалектов (выражение В.М. Мокиенко) входит в каждый, даже самый «замкнутый» говор и уживается в нем как часть национальной субкультуры, воспринимается его носителями как реальный (=местный) словарный архетип речи.

Рецензия предполагает не только общий обзор лексикографического источника, оценку качества проведенной работы, но и показывает пути усовершенствования «Словаря». К числу этих пожеланий отнесем, например, такое: считаем целесообразным составить и поместить в конце издания указатель слов и перечень устойчивых оборотов и фразеологизмов.

Полагаем, что необходимо упорядочить энциклопедические (ботанические) наименования растений и грибов. Так, в одном случае читаем: *беломойка* ‘растение тайник яйцевидный из семейства орхидных, из корня которого готовился настой для умывания, придающий лицу румянец’ [5. С. 21]. Следующая статья упрощена: *белу́с* ‘травянистое злаковое растение’ [5. С. 21]. В другом примере помещена отсылка к латинскому названию: *клеверник* ‘клевер, *Trifolium pratense* L., а также цветы (головки) этого растения’ [5. С. 191]. Иногда точное наименование растения не установлено: *вдовец* ‘сорная трава с колючими стеблями (какая?)’ [5. С. 39], *горчунник* ‘трава (какая?)’ [5. С. 72]. В словарной статье *кипрейник* ‘кипрей’ [5. С. 188] дается предельно краткая характеристика названия растения. Похожее наблюдается при характеристике грибов, например: *подберёзоватик* – это только ‘гриб подберезовик’ [5. С. 368], а *подосиноватик* – ‘гриб *Boletus auranliacus*, подосиновик’ [5. С. 375].

Не во всех случаях имеются стилистические пометы, например: *буза* > *наводить бузу* ‘провоцировать ссору’ [5. С. 36], *бутылка в рыле* ‘о распитии спиртных напитков из горлышка’ [5. С. 37]; после заголовочного слова *прогариночка* ‘пропущенное место в поле при пахоте, посеве, уборке <...>’ дается помета «ум.-ласк.» [5. С. 419], а в статьях *ребёничок (робёничок)* и *ребятёничок* [5. С. 444–445], *теплушечка* [5. С. 527] отсутствует.

Отдельный вопрос, который всегда возникает при ознакомлении с необычной народной лексикой, – это ее происхождение. И хотя Л.Ю. Зорина уже поднимала данную проблему [4], думается, к ней стоит вернуться. Предлагаем в приложении к переизданию «Словаря» дать список заимствований с указанием кратких историко-этимологических справок (или поместить их в самой статье после заголовочного слова), например, о словах *вомель* (*вомёл*) ‘до крайней степени, совершенно’ [5. С. 52], *куржевина* и *куржовина* ‘иней’ [5. С. 235], *курья* ‘глубокое место в реке, омут’ [5. С. 235], *шаньга* ‘сочень из мороженого теста с начинкой из пшенной каши, толченого картофеля или др.’ [5. С. 582], *шарга* ‘тонкая металлическая полоска, скрепляющая деревянную ручку косы с полотном’ [Там же. С. 583], *юста* ‘сырой снегопад’ [5. С. 596] и т.п.

Еще в рецензии на «Словарь вологодских говоров» В.М. Мокиенко отмечал как положительный факт наличие в первом выпуске рисунков предметов деревенской материальной культуры [6. С. 149]. Счи-

таем, что эту практику стоит учитывать и при разработке концепции монодиалектных словарей.

Многие вопросы, которые мы указали во второй части рецензии, конечно же, можно трактовать и по-другому, опустив спорные моменты или сопроводив ими научную работу иного жанра. Словарная практика во многом консервативна, но желание *увидеть* диалектный текст с разных сторон позволило нам в какой-то мере посягнуть и на святая святых традиционной лексикографической школы.

Подведем итог нашим наблюдениям. «Словарь вологодского режского говора» – очень ценный, редкий источник социо- и этнокультурного языкового материала о жизни, быте и деятельности вологжан, которые в течение многих веков хранили и передавали из поколения в поколение уникальные особенности местного диалекта, развивавшегося вплоть до конца XX в. и составившего неотъемлемую черту народного самосознания «режаков» (по словам автора идеи, Л.Ю. Зориной, в Реже в 1983 г. проживало около 4 тыс. жителей, а к настоящему времени, по данным местной администрации, осталось немногим более двухсот человек). Их черты, обаяние живого слова и созданные природным умом образы рисуют уходящий мир русской деревни с ее многовековым укладом, традициями, верованиями и безыскусной фантазией людей, преданных исконному корнеслову и обретших в нем гармонию духа.

Опубликованный «Словарь» существенно обогатил научную теорию и практику интересными находками, фиксацией *звучащей* речи и фактически описал в малом нашу историю – ту летопись языка, которая создавалась вдохновенным разумом, смекалкой, творчеством и человеческой любовью к слову наших предков. Когда-то, на заре научной диалектологии, наши классики призывали ученых беречь и изучать народную культуру [8]. Можно сказать, что рецензируемый лексикон – это памятник жителям Режи, их говору и богатой событиями хронике жизни забытых ныне и почти стертых с лица земли поселений Русского Севера. Хочется верить, что интересный опыт вологодских ученых будет востребован лексикографами при составлении новых словарей и получит заслуженное признание не только филологов, но и краеведов, историков, музейных работников, а слова В.И. Даля о том, что «язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник наш», еще долго будут подпитывать творческим энтузиазмом поколения исследователей-словознатцев.

Литература

1. *Словарь вологодских говоров* / под ред. Т.Г. Паникаровской (вып. 1–6) и Л.Ю. Зориной (вып. 7–12). Вологда : ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Вып. 1–12.
2. *Андреева Е.П., Зорина Л.Ю., Иванова Е.Н. и др.* Описание говора режского поселения Сямженского района Вологодской области в контексте изучения речевой культуры Вологодского края // *Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим* / науч. ред. Ю.Н. Драчева, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. Вологда : Легия, 2015. С. 9–109.
3. *Андреева Е.П., Варникова Е.Н., Глебова Д.В. и др.* Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда : ВоГУ, 2016. 261 с.
4. *Зорина Л.Ю.* Режа и режаки: от идеи до завершения проекта // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 5–15.
5. *Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)* / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во науки и образования РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда : ВоГУ, 2017. 604 с.
6. *Мокиенко В.М.* (рец.) *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ун-та, 1983–2007; *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Республики Мордовия)*. Т. 1–8. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006; *Словарь смоленских говоров*. Вып. 1–11. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005 // *Вопросы языкознания*. 2009. № 1. С. 147–154.
7. *Зорина Л.Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда : ВГПУ, 2012. 216 с.
8. *Никитин О.В.* Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // *Вопросы языкознания*. 2002. № 1. С. 91–102.

О.В. Никитин

The Folk Word of Vologda. Book Review: Zorina, L.Yu. (Ed.) (2017) *Slovar' Vologodskogo Rezhskogo Govora (Po Materialam Dialektologicheskikh Ekspeditsiy v Syamzhenskiy Rayon Vologodskoy Oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezh Dialect (Based on the Materials of Dialectological Expeditions to the Syamzhensky District of Vologda Oblast)]. Vologda: Vologda State University. 604 P.

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 164–174.

DOI: 10.17223/22274200/16/10

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olnikitin@yandex.ru

References

1. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L. Yu. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

2. Andreyeva, Ye.P. et al. (2015) Opisaniye govora rezhskogo poseleniya Syamzhenskogo rayona Vologodskoy oblasti v kontekste izucheniya rechevoy kul'tury Vologodskogo kraya [Description of the dialect of the Rezh settlement of the Syamzhensky district of the Vologda region in the context of the study of the speech culture of the Vologda territory]. In: Dracheva, Yu.N., Zorina, L.Yu. & Il'ina, Ye.N. (eds) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: mezhdru proshlym i budushchim* [Vernacular Speech of the Vologda territory: between the past and the future]. Vologda: Legiya. pp. 9–109.

3. Andreyeva, Ye.P. et al. (2016) *Rezhskiye tekсты kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo dialekta* [Rezh Texts as a Source of Ethnolinguistic Description of the North Russian Dialect]. Vologda: Vologda State University.

4. Zorina, L.Yu. (2018) Rezha and Rezhaki: from the idea to the completion of the project. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2 (10). pp. 5–15. (In Russian).

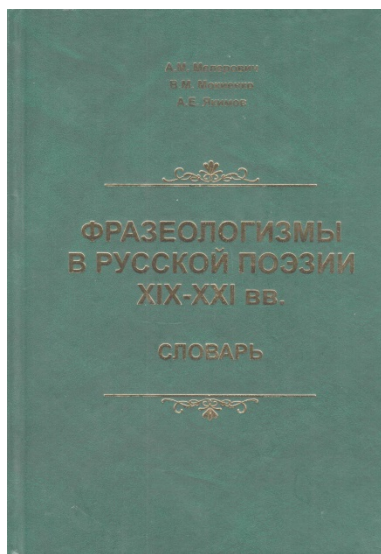
5. Zorina, L.Yu. (ed.) (2017) *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsiy v Syamzhenskiy rayon Vologodskoy oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezh Dialect (based on materials of dialectological expeditions to the Syamzhensky district of the Vologda region)]. Vologda: Vologda State University.

6. Mokiyenko, V.M. (2009) Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1983–2007; Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoy ASSR (Respubliki Mordoviya). T. 1–8. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 1978–2006; Slovar' smolenskikh govorov. Vyp. 1–11. Smolensk: SGPI (SGPU), 1974–2005 [Dictionary of Vologda Dialects. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University, 1983–2007; Dictionary of Russian dialects on the territory of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic (Republic of Mordovia). Vols 1–8. Saransk: Mordovia State University, 1978–2006; Dictionary of Smolensk dialects. Vols 1–11. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University, 1974–2005]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 147–154.

7. Zorina, L.Yu. (2012) *Vologodskiye dialektnyye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Vologda Dialect Well-Wishes in the Context of Traditional Folk Culture]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

8. Nikitin, O.V. (2002) Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D.N. Ushakova, N.N. Durnovo i A.M. Selishcheva (neizvestnyye stranitsy istorii Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly) [Moscow dialectological commission in the memoirs of D.N. Ushakova, N.N. Durnovo and A.M. Selishcheva (unknown pages of the history of the Moscow Linguistic School)]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 91–102.

DOI: 10.17223/22274200/16/11

Рецензия на книгу: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Е. Якимов; под науч. ред. В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ, 2016. – 628 с.

Словарь представляет собой не имеющее аналогов фразеографическое исследование, в котором обобщен опыт анализа употреблений фразеологизмов в русской поэзии, способов преобразования их значения и формы. При этом каждое употребление фразеологической единицы рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества автора, его идиостиля. Представленное в словаре описание фразеологизмов в русской

поэзии фиксирует ключевые образы в творчестве разных поэтов, способствует обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира. Каждую словарную статью завершает историко-этимологический комментарий.

Словарь адресован учащимся школ, гимназий, лицеев, колледжей, изучающим русский язык, русскую литературу; студентам вузов, учителям и преподавателям, филологам, писателям, переводчикам, этнографам, журналистам, а также всем, кто проявляет интерес к русской фразеологии и русской поэзии.

Словарь продолжает серию изданий, принадлежащих авторам-составителям, и в первую очередь – словаря «Фразеологизмы в русской речи» (первое изд. – 1997 г.), определившего принципы лексикографической обработки индивидуально-авторских употреблений идиоматических единиц, основанных на объединении теории и практики русской фразеографии. Именно это издание является теоретической и практической основой, на которой создавались последующие словари фразеологических модификаций.

В рецензируемой книге обобщается огромный опыт изучения формальных и семантических изменений фразеологизмов, дающих многочисленные трансформации и функциональные варианты, осуществляется описание русской поэтической идиоматики в ее «речевой

динамике» (с. 5). Такой подход позволил рассматривать, по сути, каждый фразеологизм как элемент идиостиля конкретного автора. Показательно, что словарная статья сопровождается историко-этимологическим комментарием, позволяющим осмыслить процессы фразеобразования, систематизировать корпус фразеологических символов, в значительной степени определяющих функционирование русской фразеологии.

Основополагающей позицией авторов является воплощение принципа фиксации и систематизации тех изменений, которые сопровождают «реальную жизнь фразеологизма» (с. 5), развертывание его функционально-семантического и прагматического текстового потенциала. Последовательно воплощается лексикографическое положение, согласно которому становится очевидным, что изменение формы и содержания является не курьезом, нарушением или даже небрежностью в использовании идиоматических средств языка, а закономерностью, условием их употребления. Такой подход позволяет не только выявить пути развития русской фразеологии, но и осмыслить особенности языка писателя, специфику авторской поэтической картины мира в аспекте истории русского литературного языка.

Принципы отбора материала ориентированы на широкое понимание фразеологии, включающее собственно фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения, при этом, как отмечают авторы, упор делается на «устойчивые сочетания слов, основанные на полном переосмыслении» (с. 7), соответствующие в классификации В.В. Виноградова фразеологическим единствам и фразеологическим сращениям, составляющим основу русской идиоматики.

Обращение к пласту паремиологическому и интертекстовому (т.е. пословицам и крылатым выражениям) имеет глубоко продуманный и оригинальный характер. Этот материал отражается в соответствующих специализированных словарях, однако фактическое их «присутствие» в живой речи происходит часто через трансформацию, сегментацию, переосмысление и т.п. При этом разного рода обыгрывание дает единицы, близкие структурно к традиционным фразеологизмам, существующим, однако, «на фоне» источника и являющимся фразеологическими дериватами. Например, паремия **Ложка дегтя портит бочку меда** образует серию производных выражений: **припасать ложку дегтя, опрокинуть бочку дегтя, выловить каплю меда для подслащения бочки дегтя, подлить дегтя в финиам** и др. Соответ-

ствующим образом строится и словарная статья. В качестве заголовка берется «стержневой» компонент. После примеров использования выражения в узуальном значении вводятся трансформации, показываются стилистические приемы и функциональные особенности, связанные с концептуальным содержанием, системой художественных образов конкретного автора. При этом последовательно учитывалась степень полноты сохранения исходного содержания фразеологизмов, их креативный потенциал. Такой подход позволял выделить то, что авторы называют «продуктивными способами индивидуально-авторского преобразования» (с. 9). Например, вокабула **добро** как стержневой компонент получает интерпретацию через сочетание **добро и зло**, «обозначающее взаимно детерминированные понятия: **добро** в значении ‘благо, благополучие’ противопоставлено **злу** в значении ‘нечто плохое, дурное’, и наоборот, **зло** в данном значении противопоставляется **добру** в данном значении» (с. 173). Далее следуют комментируемые производные единицы: **бездна добра и зла** (Ф. Искандер), **игра добра и зла** (Г. Иванов), **искать добра и находить лишь зло** (А. Фет), **меж добра и зла** (Б. Ахмадулина, с комментированием синтаксической конструкции как результата интертекстовой деривации со ссылкой на М.Ю. Лермонтова), **печать добра и зла** (А. Тарковский), **поперек добра и зла** (А. Межиров), **добро и зло соседствуют исконно** (С. Липкин), **к добру и злу посыдно равнодушны** (М. Лермонтов) и др.

Показательно, что наряду с толкованием узуального значения последовательно даются «ситуативные подтолкования» (с. 11), указывающие на типовую ситуацию или способствующие уяснению текстовых смысловых вариаций, расширяющих собственно исходное содержание. Например, фразеологизм **открывать Америку** в индивидуальном употреблении представлен как **открывать в Америке Америку** – ‘обнаруживать в уже известном новое’, иллюстрируемый цитатой из А. Вознесенского – «**Открываю, сопя, В Америке Америку**»).

Обработка материала опирается на систематизацию основных тенденций речевого структурно-семантического моделирования, что, без сомнения, «способствует выявлению закономерных связей между значением и формой ФЕ» (с. 12). Подобный подход позволяет выявить такие глубинные функциональные тенденции, как установление внутрифразовых значений слов-компонентов, выявление их системных связей в проекции на лексическую систему русского языка.

Особо хотелось бы отметить иллюстративную составляющую словаря. Здесь подбор литературного материала соответствует стремлению авторов отразить структуру инвариантного значения фразеологизма, учесть многочисленные функционально-семантические оттенки, особенности текстовой актуализации, лексическую и синтаксическую сочетаемость. Такая интерпретационная методика была последовательно подчинена стремлению показать «продуктивные способы индивидуально-авторского преобразования» (с. 14). Очевидно, что предпочтение оказывалось цитатам, имеющим «наибольшую художественно-познавательную ценность» (Там же). Такой подход позволил показать преемственность приемов окказионального употребления выражений, интертекстуальную перспективность идиостиля конкретного автора или литературного направления, наметить выявление образов-концептов.

Одним из принципиальных положений для авторов-составителей стало понятие «фразеологическая конфигурация», под которой понимается «структурно-семантическое единство, образуемое фразеологической единицей и фразеологическим контекстом – ее вербальным окружением, достаточным для идентификации ФЕ в тексте и реализации ее функционального значения» (с. 15). Соответственно, этот подход позволил структурировать иллюстративную часть с учетом основных функциональных разновидностей описываемого материала (семантизации, или определения смыслового содержания, выявления семантико-стилистической вариантности, а также случаев, совмещающих семантизацию и функционально-стилистические особенности). Например библеизм **не от мира сего** ('о крайне неприспособленном к жизни человеке, мечтателе') вводится с использованием структурно-семантической аналогии по противоположности **от мира сего** ('о человеке «себе на уме», умеющем приспосабливаться к разным обстоятельствам, находить свою выгоду'). При этом образуется одноструктурное антонимическое противопоставление. Функциональная перспектива представлена в иллюстративном примере из И. Бродского – **от мира сего заочно** («Речь о пролитом молоке»).

По этому же принципу строятся словарные статьи под ключевыми словами. Например, **орех** в составе фразеологизма **щелкать как (будто, словно, точно) орехи** трансформируется в сравнение **как орехи грецкие щелкаю я их (дороги)** (В. Высоцкий); **песня (из песни слова не выкинешь)** встречается у Ю. Левитанского как **слова те из**

песни я выброшу); плечо (сбрасывать / сбросить, сваливать / свалить с плеч) дает серию модификаций: не сбросить тяжесть с плеч (А. Кушнер), сбросить с плеч воспоминаний груз (Л. Мартынов), чужую ношу сбросить с плеч (А. Тарковский), день этот синий, скинутый с плеч (К. Ваншенкин), ноши не будет с этих плеч (М. Цветаева); пуд (пуд соли съесть) включает съесть пуды совместной каши (И. Губерман), пуд соли столовой съесть (В. Маяковский).

Приведем еще один пример использования фразеологической конфигурации в словарной статье слово – серебро, а молчание – золото: помолчи – попадешь в богачи (А. Галич); Золотом во тьме веков Порой молчанье покупали» Молчанье – золото... Не так! Молчанье – ложь! Молчанье – враг! <...> Суровый голос из бессмертья Взывает: «Не могу молчать» (Д. Кугультинов).

Функциональный потенциал русской поэтической фразеологии представлен преобразованиями, которые отражаются в соответствующей рубрикации, помещенной во Введении (приобретение дополнительного семантического оттенка, переосмысление, изменение коннотативного содержания, двойная актуализация, буквализация, переосмысление внутренней формы, экспликация внутренней формы, расширение компонентного состава и мн. др.) (с. 16–24). Показательно, что вводная часть издания содержит обширный «Список словесных обозначений фразеологических конфигураций» (с. 43), завершается издание содержательным «Указателем ключевых слов», позволяющих читателю не заблудиться в хитросплетениях русской поэтической фразеологии, почувствовать ее гибкость, ощутить бесконечную семантическую, экспрессивную, грамматическую вариативность материала.

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» построен на глубоко продуманной научной методике, основанной на многосторонней интерпретации употреблений фразеологизмов. Данное издание не имеет аналогов и представляет собой плодотворный опыт проникновения в глубинные пласты фразеологии, ее структурные и семантические преобразования в системе поэтического текста, позволяющие вывить константы русской поэтической картины мира, показать процессы фразеологической вариантности и фразеологической деривации. Словарь адресован учащимся средних учебных заведений, студентам вузов, преподавателям, писателям и переводчикам, всем, кто неравнодушен к живому русскому слову.

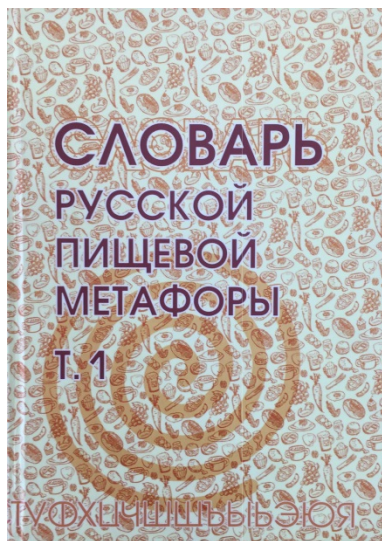
К.П. Сидоренко

Book Review: Mokienko, V.M. (Ed.) (2016) *Frazeologizmy v Russkoy Poezii XIX–XXI Vv. Slovar’: Opyt Leksikograficheskoy Sistematizatsii Upotrebleniya Frazeologizmov v Russkoy Poezii* [Phraseological Units in Russian Poetry of the 19th–21st Centuries. A Dictionary: An Experience of Lexicographical Systematization of Phraseological Units in Russian Poetry]. Kostroma: Kostroma State University. 628 P.

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 175–180.

DOI: 10.17223/22274200/16/112

Konstantin P. Sidorenko, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

Рецензия на книгу: Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 428 с.; Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 2: Гастрономическая деятельность / А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 546 с.

Издание представляет образные средства русского языка, называющие различные явления окружающего мира по аналогии с продуктами питания, блюдами русской национальной кухни, процессами приготовления и поглощения пищи. В его составе языковые, речевые и авторские метафоры, устойчивые сравнения, идиомы,

пословицы и поговорки, выражающие образы, связанные с продуктами питания и явлениями гастрономической сферы.

Для специалистов в области русского языка, литературы и культуры, а также для широкого круга любителей русской словесности.

Бурное развитие современной лексикографии стимулировало разнонаправленные процессы: с одной стороны, совершенствуются и получают глубокое теоретическое обоснование принципы описания языковых единиц в различных типах словарей, с другой – задачи лексикографической интерпретации углубляют лингвистическое постижение описываемых фрагментов языковой действительности. Эти процессы в полной мере отражает рецензируемый «Словарь русской пищевой метафоры», отвечающий новейшим тенденциям развития словарного дела и в то же время наследующий лучшие традиции Томской лексикографической школы, связанные с описанием живой речи и экспрессивного фонда русского языка.

Впервые комплексное лексикографическое описание получили русские метафоры, сравнения, идиомы, пословицы и поговорки, отражающие образное переосмысление концептуальной сферы «Еда». Неожиданный и частный, на первый взгляд, объект описания – пище-

вая метафора – оказывается внутренне мотивированным. Как показывает огромный материал, впервые с такой полнотой описанный в словаре, метафорические модели, исходно связанные с одной из важнейших составляющих существования человека – едой, питанием, приготовлением пищи, – чрезвычайно распространены в русском языке и являются значимой частью русской языковой картины мира. Словарь демонстрирует активное и сохраняющееся на протяжении веков метафорическое и символическое переосмысление пищевой традиции в русском языке, выявляет концептуальное и семантическое сходство реалий, связанных с едой, и различных объектов окружающего мира.

Два тома словаря – «Блюда и продукты питания» и «Гастрономическая деятельность» – представляют источники метафорических проекций и демонстрируют метафорическое переосмысление гастрономических образов. Готовящийся к изданию третий том призван, по замыслу составителей, показать своеобразные «сферы-мишени метафорических проекций», т.е. выявить направления образной категоризации мира посредством метафоры еды. Составители обосновывают новое направление, в которое вписывается рецензируемый словарь, – *фигуративная лексикография*, – представляющее различные языковые единицы, воплощающие иносказательный способ представления мысли.

Словарь отличает серьезное теоретическое обоснование лексикографических параметров, репрезентирующих образную систему языка и существенно углубляющих представления о ресурсах метафоризации (апробация базовых теоретических положений нашла отражение в целом ряде работ составителей). Два тома словаря представляют различные типы образных единиц:

языковые метафоры: **КАША**. 1. Полужидкая масса (грязь, мокрый снег и т.п. 2. Путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений. *Неодобр.* 3. Суматоха, нестабильная военная или политическая ситуация; **СВАРИТЬСЯ**. Стать вялым, разомлевшим, покраснеть и вспотеть из-за долгого пребывания на солнце или в жарком месте;

собственно образные слова: **ЛИМОНКА**. Ручная граната овальной формы, напоминающая лимон; **ЛИМОННИЦА**. Бабочка лимонно-желтого цвета. **ВПЕРЕМЕШКУ**;

двухкомпонентные образные номинации: **АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА; АДАМОВО ЯБЛОКО; ГЛАЗНОЕ ЯБЛОКО;**

устойчивые образные сравнения различной структуры: **КАК БАРАНКИ; КАК ЛАПША; РУМЯНЫЙ, КАК ЯБЛОКО; КАК ОГУРЕЦ / ОГУРЧИК; ЦВЕТА АПЕЛЬСИНА; БАРАНКОЙ; КАЛАЧОМ;**

образные фразеологические единицы: **ЗАВАРИТЬ КАШУ; КАША В ГОЛОВЕ; КАША ВО РТУ; МАЛО КАШИ ЕЛ; РАСХЛЕБЫВАТЬ КАШУ; СВАРИТЬ КАШУ ИЗ ТОПОРА; БЫТЬ ХУЖЕ ГОРЬКОЙ РЕДЬКИ; НАДОЕСТЬ ХУЖЕ ГОРЬКОЙ РЕДЬКИ;**

пословицы и поговорки: **КАШУ / КАШИ МАСЛОМ НЕ ИСПОРТИТЬ; ХРЕН РЕДЬКИ НЕ СЛАЩЕ.**

Особенно богатой оказалась зона фразеологизмов, выразительно демонстрирующая своеобразие русской языковой картины мира. Нет сомнений, что рецензируемый словарь будет востребован и составителями фразеологических словарей, и учеными-фразеологами.

Производные от вершины гнезда единицы, например, *миндаль, миндалина, миндальный, миндалевидный, миндальничать; мешать, перемешать, смешать, смешивать, мешанина, вперемешку* и многие другие прекрасно демонстрируют и широкую вариативность семантики слова, и мощное влияние, которое оказывает образный компонент производного слова на все виды системных отношений лексических единиц: на образование словообразовательных гнезд, на развитие многозначности (в этом отношении чрезвычайно показательны гнезда глаголов, например, *варить, жарить, кипеть, месить, мешать, печь*).

Заслуживает одобрения включение в словарь наряду с устоявшимися номинациями большого числа авторских метафор и сравнений. Сравним: *Память его превратилась в огромный прокисший блин, в котором реалии и факты каторжного быта спеклись с небылицами, фантазиями, легендами и выдумками* (Н. Мандельштам. Воспоминания); *Он изменил позу, снял руки с колен, он уже не был похож на крендель* (И. Грекова. Без улыбок); *Малышева отчеканила слова, как семь аккуратных пельменей загнула* (В. Шукшин. Бессовестные); *Утром они розовые, как сочная арбузная мякоть, потом выцветают, желтеют, становятся совсем желтыми* (Ю. Трифонов. Утоление жажды); *Ну, это просто: осунулся, высох, как копченая сельдь, растерял свою великолепную невозмутимость, стал похож на... она грустно улыбнулась, подыскивая сравнение* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын). Подобные образные переосмысления языковых

единиц, демонстрирующие различные перцептивные образы, свидетельствуют о большом прагматическом потенциале лексики, связанной с едой, и убеждают в существенных различиях языковой и авторской метафор.

Богатство и разнообразие лексики и фразеологии, связанной с едой и гастрономической деятельностью, потребовали от составителей новых решений, мотивирующих способы представления языковых единиц, соотносимых с разными понятийными сферами. Авторами были удачно использованы принципы идеографической классификации лексики, по-разному реализованные в каждом томе (в первом представлена собственно тематическая классификация, во втором – скорее, семантические поля). Синоптическая схема идеографического словаря позволяет определить и регулярные модели метафоризации пищевой сферы в языке, и уникальные способы создания метафор, выявить семантические центры, группирующие вокруг себя большое количество фразеологизмов (ср. *каша*, *картофель* / *картошка*, *хрен*, *мёд*, *кипеть*, *грызть* и мн. др.).

Словарь построен на обширном текстовом материале. Фрагменты текстов художественных и публицистических произведений российских авторов отобраны в высшей степени профессионально и в каждой зоне словарной статьи обеспечивают максимально точную фокусировку иллюстрируемого явления. Выразительный список источников подтверждает широкое распространение отраженных в словаре метафорических моделей, представляющих, прежде всего, стихию современной разговорной речи, а также эмоционально-экспрессивный потенциал пищевой метафоры, актуальный для художественной речи. Богатые ресурсы «Национального корпуса русского языка» позволили составителям показать и лингвокреативную деятельность рядовых интернет-пользователей. Заслуживает особого одобрения ориентация составителей при отборе иллюстративного материала на тексты, созданные не ранее 50-х гг. XX в. Погружение читателя в актуальное пространство современной литературы – очень привлекательная особенность словаря (отмечу, что, к сожалению, в некоторых случаях авторы отступают от избранного принципа и представляют примеры из текстов 20–30-х гг. – А. Серафимовича, Р. Гуля, Л. Леонова, А. Ремизова, М. Шагинян, А. Мариенгофа, А. Гайдара).

Особая и очень значимая для этого словаря зона «Лингвокультурологический комментарий» в доступной для широкого читателя за-

нимательной форме дает историческую справку о реалии, сведения об этимологии (в том числе в ряде случаев народной этимологии), о национальных традициях, связанных с тем или иным продуктом или способом приготовления пищи. Эта информация во многом проясняет основания метафорических проекций, реализованных в значениях образных средств языка.

Словарь, ориентированный на описание современной языковой картины мира, в то же время убедительно демонстрирует языковую динамику, изменения в национальных традициях, связь национальных и универсальных сегментов образной системы.

Развивая традиции описания образных средств языка, показывая мощный метафоропорождающий потенциал гастрономической сферы, рецензируемый словарь в то же время обогащает активно пополняющееся в последние годы пространство лингвокультурологических словарей. Он в высшей степени выразительно представляет весьма значимую часть русской языковой картины мира. В этом качестве словарь имеет большое практическое значение для преподавания русского языка как иностранного, для эффективной межкультурной коммуникации. Следует отметить прекрасное полиграфическое качество издания, а также выразительные фотографии, которые способствуют чрезвычайной привлекательности книги для широкого читателя и погружают в многоцветный мир русской кухни пользователя-иностранца.

Тщательность лексикографической обработки огромного материала, проработанность теоретической базы делают словарь почти безупречным. Отмечу лишь, что в ряде случаев вызывает вопросы включение некоторых единиц в словарь пищевой метафоры (ср., например, *биться как рыба об лёд; как курица с яйцом носиться* и т.п.), так как образы, заложенные в них, явно соотносятся с другими сферами. Не кажется удачным используемое в ряде случаев обозначение **Авт. ФЕ**, поскольку фразеологические единицы предполагают воспроизводимость, а авторские употребления, напротив, уникальность. На фоне прекрасного полиграфического оформления вызывает удивление нетрадиционный способ указания ударения путем подчеркивания ударного гласного.

В заключение еще раз подчеркну, что два тома «Словаря русской пищевой метафоры» – значительное достижение отечественной теории и практики словарного дела. Учет фактора адресата, столь значи-

мый для современной антропоориентированной лексикографии, реализован в словаре в полной мере: издание будет интересно и полезно и для исследователей, и для преподавателей, и для учащихся (как студентов, так и школьников), и для широкого читателя.

В.Д. Черняк

Book Reviews: Yurina, E.A. (Ed.) (2015) *Slovar' Russkoy Pishchevoy Metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. 428 P.; Yurina, E.A. (Ed.) (2017) *Slovar' Russkoy Pishchevoy Metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. 546 P.

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 181–186.

DOI: 10.17223/22274200/16/12

Valentina D. Chernyak, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vdcher@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАНКОВА Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: tatabank@mail.ru

БЕРГ Елена Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: elenabkct@gmail.com

БОБРОВА Мария Владимировна – канд. филол. наук, преподаватель колледжа профессионального образования Пермского государственного университета.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

БОБУНОВА Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета.

E-mail: bobunova61@mail.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

E-mail: ngolevd@mail.ru

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Дмитрий Олегович – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва); профессор отделения славистики Стокгольмского университета (Швеция).

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

ЗЫКОВА Елена Игоревна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: ezykova@mail.ru

КАРПОВ Владимир Ильич – канд. филол. наук, ученый секретарь Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: wi.karpow@gmail.com

КИТ Марк – PhD, директор Language Interface (г. Сिएтл, США).

E-mail: clodpool@gmail.com

МЕЗИТ Анна Эдуардовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: mezit.anna@gmail.com / prezidentishe@yandex.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: mokienko40@mail.ru

НИКИТИН Олег Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета.

E-mail: olnikitin@yandex.ru

НУРИЕВ Виталий Александрович – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. отдела № 54 Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: nurieff.v@gmail.com

СИДОРЕНКО Константин Павлович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sidorenko274@yandex.ru

ТАРАСОВА Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

ЧЕРНЯК Валентина Данииловна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: vdcher@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: [**katunin@mail.tsu.ru**](mailto:katunin@mail.tsu.ru)

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2019. № 16

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.11.2019 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 11,8; усл. печ. л. 11. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет .12.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru